

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ГРАНИЧАРЫ

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН
ЧЕСТЬ
БЕЛОГО ВОЛКА

Annotation

Я плохой отец... Какого северного мха?! Моя дочь убегает из дома драться с инеистыми великанами и гонять драконов от замка Кость. Бывший бог со справкой из психушки докопался до Пушкина! Моя жена Хель, которая Смерть, стала заходить в гости без предупреждения. Наш король (мой бывший паж!) умоляет спасти его. По моим землям рыщет волк Фенрир, мой Капитан меня предал, Белый Комитет уволил со службы, а любимая вампир обещает убить?! Но всё изменится, когда к стенам нашего замка подойдёт чёрный драккар, сделанный из ногтей мертвецов...

- [Андрей Белянин](#)

○

Андрей Белянин

Честь Белого Волка

Никто больше не хочет убирать дохлую нечисть с нашего балкона.

Хельга говорит, что ей надо учиться, у неё куча контрольных, самостоятельных, проверочных плюс доклад по истории родного края, а она до сих пор не определилась, где у неё родина, поэтому часами сидит у себя в комнате за компом. Ей очень некогда.

Наш дядя Эдик ходит по квартире в семейных трусах на голове, личным примером показывая Малышевой в телевизоре, где и в каком конкретном месте она не права. Тема правильного (с точки зрения медицины) повышения рождаемости в России его крайне волнует, а потому он тоже жуть как занят.

На мне, как вы помните, попросту висит весь дом, заработки, отчёты и полное обеспечение всех вышеперечисленных лиц. Я работаю!

А вот дохлый гнилозуб вульгарис голубоглазый, плюющий острыми шипами на три метра против ветра, отравленный обычным дезодорантом для туалета, уже второй день валяется на нашем маленьком балконе. Уверен, что завтра особо нервные соседи начнут писать заявления по поводу гнилостного запаха. Не нам, конечно, а сразу в МЧС.

Видимо, я плохой отец. Моя дочь меня не слушается или, правильнее сказать, слушает, но не слышит. Сейчас у неё душевная травма, первая любовь, поиск своих корней, замедленное взросление, борьба между родственными чувствами к отцу и матери, и всё это связано с выходом в жестокий, но прекрасный мир Приграничья.

Учителя в школе советуют мне быть терпимее и мудрее. Ссылаются, что даже классная руководительница Хельги всё и всех простила, в суд не подаст, а трёхмесячный больничный ей оплатит министерство образования. Вот так бы надо и всем, мягкое толерантное взаимопонимание рулит миром, и полный оу-умм...

Бывший бог с реальной справкой из психиатрички, что практически прописался у нас дома, каждый день, словно древний викинг, выедает мне мозг деревянной ложкой.

Образно выражаясь.

На деле он тоже вполне себе реально меня достаёт, но тут уж без вопросов, он дядя Хельги, она его любит, в обиду не даёт, и бредовейшие

монологи кудрявого красавчика с прибабахом веселят меня каждый день. Я не жалуясь. Осторожно жалуется население нашего подъезда, дома и, пожалуй, половины района.

Просто на данный момент моя жизнь такова как есть. Получается, что единственное место, где мне дают возможность хоть немного отдохнуть от проклятого быта, – это ледяные Грани плюс ежедневные бои с драконами, мертвяками, вампирами, тенями и инеистыми великанами на каменных стенах моего замка Кость. Исхода нет...

– Ставр! Я хочу «Алёнку»! Ту самую, с которой всё сладко да гладко. И не смей врать, что её нет, мне её по телевизору показывали! Короче, хочу «Алёнку»... или молоток... или пиво, или...

– Мультик про Карлсона?

– Да-а! Там фрекен Бок и плюшки! – Брат моей жены запрыгал по комнате на одной ноге и побежал к телевизору.

У нас заранее подготовлен пакет того, что ему вообще можно смотреть.

Быстрое нажатие пары кнопок на пульте, и я мог снова вернуться к своим делам на кухне. Пододвинул к железному столу железный табурет, положил сверху подушку, а потом с головой ушёл в умиротворяющие дебри антикварных торгов.

Антиквар-коллекционер, частный специалист по средневековому оружию – это моя официальная профессия. И, собственно, единственный честный заработок.

– Персидский хаджар, конец восемнадцатого – начало девятнадцатого века. Можно взять сейчас и перепродать через два-три месяца за двойную цену, – бормотал я, «мышкой» переворачивая страницы проверенных аукционов. – Нет, за двойную вряд ли, покупательская способность падает. Если так пойдёт и дальше, мне придётся искать работу охранника в супермаркете.

– Без вариантов, добрый господин. – Из-под стола высунулся белый цверг по кличке Десигуаль. Между прочим, в моих старых шортах.

Когда-то он пытался всех нас убить, а теперь живёт у нас за холодильником, жрёт всё подряд, и моя милая дочь выводит его погулять на поводке. Не далее как позавчера этот мелкий гадёныш едва не загрыз матёрого бультерьера из соседнего подъезда. Теперь на нас точно подадут в суд.

– Что тебе нужно?

– Вы печальны, хозяин, я мог бы развеселить вас. Сплясать или спеть?

– Лучше убери ту дохлую тварь с балкона, – подумав, попросил я.

Белый карлик, хрюкнув от счастья, бегом умёлся с кухни, а пару минут спустя с балкона раздалось удовлетворённое чавканье. Ну и ладно, мне всё равно.

– Кого я обманываю?

Когда спрашиваешь сам себя, вопросы чаще всего остаются без ответа.

Меня предал мой же Капитан, меня бросила прекрасная дампир Дана; мой замок теряет людей в боях; зима уже наступает из-за гор; на нас скалит зубы Белый Комитет – организация, призванная защищать таких, как я, а моя бывшая жена, которая Смерть, всё чаще вторгается в мою жизнь, и у неё есть на то свои причины; за мной постоянно кто-то охотится, кто-то следит, я не знаю кто, а потому тупо подозреваю всех.

Но всё это глупости, пустота, чушь и бесполезная трата времени. Есть много вещей гораздо хуже, чем проблемы с начальством или постоянная угроза смерти. Например, когда твоя единственная дочь уже неделю разговаривает с тобой короткими, односложными словами: да, нет, спасибо, всё хорошо, спокойной ночи, па. Бесит же дико-о-о!!!

Причём началось всё это даже не из-за меня, это из-за Метью, моего бесполезного пажа из замка Кость. Этот тощий романтик, помешанный на рыцарских книгах, мало того что умудрился втюриться в мою дочь, ещё и на свою голову оказался нашим же королём. У него, видишь ли, есть характерное родимое пятно на заднице! Чем не доказательство?!

Так что теперь чисто номинально я его преданный вассал, и любой каприз королевской левой пятки есть железный закон как для меня, так и для полусотни местных баронов. Правильнее было бы сказать «баранов», но что делать, соседей не выбирают, в таком вот дивном мире мы живём.

– Ставр, у нас ещё остались пельмени? – В кухню хищно заглянул дядя Эдик. – Этот бесстыжий цверг так аппетитно догрызает ядовитую ящерицу, что у меня в желудке урчит.

Я молча открыл холодильник, достал початую пачку пельменей, замороженные сосиски «с дымком», полбанки мёда и аджику. Сойдёт, пожалуй. Бывший бог не особенно привередлив в еде, по крайней мере у меня дома.

В замке, впрочем, тоже, но там он хотя бы отводит душу, ежедневно напиваясь в гавань в лучших традициях древних асов! Тут он может рассчитывать максимум на кефир и кока-колу, даже кофе для него под запретом.

Этот выраженный по фенотипу псих и так чрезмерно активен.

– Когда придёт Хельга, скажи ей, что я её люблю.

– Сам скажи, – макая мороженую сосиску в мёд, предложил Эд. –

Разве она поверит словам сумасшедшего?

Я молча кивнул, закусив губу. Мне она тоже не верит. Она считает меня виновным в том, что Метью ушёл из замка. Он – король! Куда хочет, туда идёт! Вот какого же северного мха я не придушил его раньше?!

Мало, мало половин!
Мало, мало извилин!
Мало, мало «джавелин»!

- Эд, без политики нельзя?!
- Что хочу, то пою! У меня справка есть.
- Тоже не поспоришь. И не придушишь тоже.
- Я пошёл.

Переход в Приграничье всегда короток, как вспышка: один миг с кровати моей спальни лбом в старый гобелен на стене – и ты уже в другом мире. В этом мне сейчас делать нечего, так что поищу себя в другом. Без цели, без объяснений, без надежды.

Каменные плиты замка Кость были холодными, как сосиски для дяди Эдика.

Зима в наших краях наступает быстро, а осень длится от силы месяц. С того дня, как от наших непокорённых стен отступилось грозное войско покойного короля Барсука Плодовитого, прошло больше двух недель. Окрестности совершенно замело снегом.

В этой белизне и сиянии были практически не видны Грани – высокие глыбы из нетающего прозрачного льда, защищающие нас от последствий рагнарёка. Мир древних богов рухнул, как и было предсказано, но исчез не весь, и то, что осталось за этими стенами, иногда вырывалось на свободу. А в последние месяцы, если вы вдруг помните, Грани вообще открывались как попало, и оплачивалось это всегда человеческой кровью.

Для того чтобы этого не происходило, существуем мы, граничары.

– Сир? – В освещённом факелами коридоре показалась массивная фигура старого крестоносца.

– Да, Седрик, это я. Ты уже нашёл замену свинтившему недоразумению в новенькой короне?

– Вы имеете в виду Метью? – Он отрицательно помотал головой.

– Ты чертовски проницателен.

– Это комплимент?

Седрик не издевается, просто у него такая манера речи, он всегда говорит вопросами. Я сам пробовал не раз такое повторить, не вышло. Впрочем, и у дяди Эдика тоже, и у Хельги, и у Даны, и вообще у всех прочих, а вот у него запросто!

– Хотите хорошую новость, сир? – Он сопровождал меня в мою личную комнату, там горел камин и можно было спокойно переодеться соответственно эпохе. – Вы же не знаете, что случилось с леди Мелиссой?

– Она слиняла, съехала, вернулась домой, вышла замуж, навернулась из окна башни, попала под горячее копыто Центуриона, была съедена волками, умерла в муках, выжила, чтобы торжественно умереть сегодня в моём присутствии...

– Неужели даже отсюда вы не слышите её рыданий?

Понятно, старая ведьма жива. Кругом обман и разочарования, эта бодрая старушка лет за сто пятьдесят с хвостиком всерьёз озаботилась планами осчастливить меня законным браком и, судя по всему, при ускоренном развитии событий даже намерена стать моей же вдовой. Где тут хорошая новость? Я в упор её не вижу.

Хотя да, рыдания действительно чрезмерно громкие.

– Так мне одному кажется, что я слышу сквозь всхлипывания чьё-то имя на букву эм? – хитро подмигнул мне этот небритый лис.

– Метью? – обомлел я.

Старик удовлетворённо хмыкнул в седые усы.

– И эта старая овца туда же...

– Ну так ведь теперь малец король, нет?

Да, мысленно согласился я, это многое объясняет. И вот тут по факту у нас появился реальный шанс, что язвительная ровесница пирамид с неконтролируемым сексуальным креном по всему борту всё-таки свалит от нас в столицу. Мой друг прав, это действительно очень неплохая новость.

– А как наша маленькая миледи Хельга?

Хорошая новость тут же приобрела прогорклый привкус. Как я теперь скажу ему, что моя дочь и слышать не хочет о Приграничье, Гранях, замке Кость, в котором её любят и ждут? Да, конечно, Метью от нас съехал, но разве Центурион, Ребекка, Седрик, толстая кухарка Агата, Серый Брат или даже русалки в озере к этому причастны? Если же она считает, что виновен я, то по-любому зачем наказывать их всех, а?

– Пожалуй, мне стоит нанести прощальный визит нашей знойной гостье, – вслух подумалось мне, пока старый крестоносец неспешно застёгивал у меня на груди пряжки тяжёлого плаща из шкуры полярного белого волка.

Практически непробиваемая вещь, неоднократно спасавшая мне жизнь. Её даже арбалетные болты в упор не прошивали, а уж мечи и секиры просто соскальзывали при ударе. Да, собственно, поэтому я и получил столь неоригинальное прозвище – Белый Волк.

Тот же Эд, например, как бывший бог, имел с десяток куда более эффектных кличек: Делатель Вдов, Сотрясатель Земли, Сопровождающий Драккары, Метатель Грома, Пробивающий Любые Доспехи, Зачинатель Детей (как без этого?!), Стальной Кулак, Возвышающий В Битве, Держатель Кубков и прочее-прочее-прочее.

Я как-то пробовал называть его Берсерк В Квадрате, но не прижилось.

– В замке всё в порядке, – скорее себе, чем Седрику, сообщил я.

– Ну неужели я бы не доложил вам, сир? – не особенно искренне отмахнулся он.

Во время моего отсутствия именно этот крепкий старик, живая легенда всего Приграничья, является моей правой рукой, держа весь гарнизон в железной рукавице. Но это не значит, что мне позволено приходить сюда как на курорт за экзотическими развлечениями, антиквариатом и адреналином.

Нет, конечно, хозяин тут я! Но, не будь при мне этой седой, лысой, небритой няньки, кто знает, сколько бы часов, дней, месяцев протянул пылкий молодой граничар в суровом мире северных мифов...

Гостевая башня у нас одна, но имеет как минимум три входа-выхода. Два тайных, гостям об этом знать необязательно. Однако, каждый раз возвращаясь в замок, первым делом надо поздороваться с людьми. С постоянным, так сказать, персоналом, воинами на стенах, наёмниками, кузнецом и конюхами. Мало кто знает, как непроста жизнь бурого феодала, столько условностей.

– Кто смеет не приветствовать хозяина замка Кость и вашего доброго господина?! – полковой трубой взревел участник трёх Крестовых походов.

– Да здравствует Белый Волк, – выпуская изо рта облачка пара, осторожно прокричали бойцы.

Я их понимаю, кому охота драть глотку на морозе? Но тем не менее...

– Не слышу.

– Да здравствует наш господин Белый Волк!

– Не слышу, негодяи... Эй, Седрик, – я резко обернулся к нему, повышая голос, – ты что, не сказал парням, что зима на подходе? Что снега уже завалили равнины, что в горах сходят лавины, что перевалы засыпаны и единственное место, где их ждёт горячая еда и крепкое вино, – наш благословенный замок Кость? Где все вы в тепле, уюте и спокойствии

переждёте холода, к тому же ещё и получая за это жалованье звонкой монетой? Или кто-нибудь хочет уйти?

– Не-э-эт!

– Тогда что надо сказать? – поддержал меня Седрик.

– Да здравствует наш добрый хозяин и господин, лорд Белхорст – Белый Волк!!! – оглушительным хором взревели все, стуча клинками мечей о щиты.

Это уже совсем другое дело, приятно, вот так бы и с первого раза...

– Я в конюшню к Центуриону, а потом загляну к леди Мелиссе.

– Почему не сразу к ней, сир?

– Потому что облезет, – громким шёпотом сообщил я и развернулся к стоящей в глубине двора каменной конюшне с крытой досками крыши и дополнительным утеплителем на ней же в виде вязанок соломы. В затяжные зимы лошади отлично её едят, так что мы убиваем двух зайцев сразу.

Так вот, едва толкнув двери, я стал невольным свидетелем безобразной сцены ревности, разыгравшейся между моим личным жеребцом Центурионом и нежной белой кобылой Ребеккой.

Вообще-то у них любовь. Что периодически и приводит к таким вот диким перекосам во все стороны. Это дело сугубо женское, нам, мужчинам, не понять. А ещё они оба говорящие кони. Взрыв мозга, короче...

– Да шоб ты весь сдох до того, как я это переживу, а я оно не переживу, поэтому давай отбрасывай копыта первым, коварный изменщик, которому я вся таки доверилась, а оно мне было надо?

– Я не козёл.

– Шалом, я в курсе! Шоб ты был дико удивлён, но я рублюсь в зоологии, и ты не козёл, у тебя нет рогов, поскольку я честная кобыла, а ты... ты... Святой Моисей, с кем я разговариваю, ты же вообще как есть гой необрезанный?!

– Ну знаешь...

– А таки вот и не знаю! Другие знают, а у меня был только ты! И я была только с тобой, шо на выпасе, шо в конюшне, об чём вся сплошь жалею, тоскую и таки со слезами раскаяния подсчитываю упущенные возможности!

Потом они оба наконец-то соизволили обратить на меня внимание, но, прежде чем чёрный великан успел вставить хоть слово, быстрая андалузская кобылка скакнула вперёд, прижавшись ко мне грудью и положив голову на плечо.

– Ох, лорд Белхорст, таки как же мне повезло, шо хоть вы меня всю

понимаете!

Я предупреждающе поднял ладонь, давая знак своему коню, чтоб тот и думать не смел вмешиваться.

– У меня такое горе, ой вей, такое горе, шо я даже не знаю, с чего начать. Да и с чего оно всё началось, тоже уже не есть так уж важно. Но вы же к тому тоже близки, у вас оно тоже есть, вы разбираетесь в чувствах?!

– Понимаю, он должен извиниться?

– Лорд Белхорст, я же вся вас люблю!

– Центурион?

– Ну-у...

– Не нукай, не запряг. – По отношению к высоченному вороному жеребцу с гривой до колена и размером копыта с тарелку это звучало двусмысленно. – Давай по-быстрому извиняйся перед девушкой, и закроем эту тему.

– Но я ни в чём не виноват.

– Тогда тем более извинись, дубина!

Центурион посмотрел мне в глаза, оценил набегающие слёзы на длинных ресницах Ребекки и безоговорочно капитулировал всеми четырьмя подковами. После страстных извинений и жарких взаимных примирений, когда я уже собирался уходить, мой чёрный скакун удержал меня зубами за воротник.

– Друг мой, хозяин и господин, – с непередаваемой гремучей смесью всех мыслимых интонаций пробурчал он, – помнится, твоя Хельга под честное слово обещала мне пару книжек почитать. И что-то там ещё по поводу публикации моих мемуаров в журнале «Люди и кони». Не то чтобы я её торопил, но, знаешь ли...

– Ой, оставь лорда в покое, – вступилась за меня деликатная и всё понимающая Ребекка. – Ты шо, таки сам не видишь, что у человека проблемы, ибо он же папа? Ты не отец, тебе не понять. Пусти меня, и мы с лордом Белхорстом таки дружно поплачем вместе. А шо не так? Оно ему надо!

Чёрный конь изумлённо уставился на меня глаза в глаза.

– Хельга больше не придёт?

Что я мог сказать в ответ? Горло перехватило...

Меня спасла леди Мелисса. Болтливые лошади – это тот ещё комикс, и если бы они лишь болтали между собой, так кто бы парился, но в наших краях такие демократичные идиоты, как я, позволяют им лезть в человеческие дела. Порой это полная задница...

– А я вас вижу, мой скромный искуситель!

Врёт как дышит. Старая вешалка ни за что не могла с высоты гостевой башни видеть меня, беседующего с парой говорящих лошадей в дальнем углу конюшни. В стойлах, кстати, стояло ещё с десятков скакунов, неговорящих или не представляющихся таковыми. Лошади у нас разумны, но делятся даром языка далеко не все. Это их право, иногда молчание – золото.

Именно поэтому я молча вышел из конюшни и, не раскрывая рта, встал под окном гостевой башни. Улыбающаяся леди Мелисса, разнаряженная в меха и парчу, накрашенная так, что любой Пикассо обзавидуется, уставилась на меня сверху вниз.

– Лорд Белхорст, не знаю, как вы это переживёте, но нам надо расстаться.

Я опустил голову, боясь поверить собственным ушам.

– Да, мне известно о тех чувствах, что переполняют ваше сердце. Признайтесь же, вы влюблены в меня, и не пытайтесь более скрывать эту сладостную боль. Мне ведомы все тайны вашего мужественного сердца. Но, увы, я пришла причинить вам ещё большую боль.

Я продолжал кусать губы, пряча счастливые слезы, а наши парни на стенах заинтересованно вытянули рожи.

– Вы должны принять то, что мы не подходим друг другу. Если вы действительно любите меня, если вам дороги ваша дочь и ваш замок, вы сами откроете мне ворота!

Честно говоря, я даже не представляю, какими усилиями воли наёмники на стенах не пустились в пляс. А уж как я сам держался, чтобы не заржать, кто бы знал...

– Мне больно покидать вас. Это не значит, что ваши чувства были безответны или я предала мою милую сестричку Хельгу. О нет! Моё сердце переполнено любовью к вам! Но мой суровый долг перед родственниками, перед людьми, перед отечеством, в конце концов, зовёт меня в дальние края! Мне предстоит трудный путь, но молодому королю нужна зрелая и опытная королева! Не уверена, что вы сейчас в состоянии постичь всё величие моей высокой жертвенности, но... Ах, только не плачьте! Вы просто разрываете мне сердце!

Нетушки, мы плакали, мы просто рыдали все. И я, и стражники на стенах, и Седрик за углом, и кухарка Агата, и лошади в конюшне. Но леди Мелиссе было не до того. То есть она, конечно, всё видела и слышала, но интерпретировала по-своему.

– Не плачьте, мой скромный шалун. Утрите слёзы обитателям этого прекрасного замка. Я никогда не забуду вас, а вы, надеюсь, меня.

– Никогда-а, – хором пронеслось над стенами и даже, кажется, из конюшни.

Деловитая леди Мелисса закрыла окно, видимо спешно собираясь в дорогу. Заснеженных путей она не боялась, мороза тоже, до ближайших соседских владений сани довезут её за полдня, а там у неё везде родственники или связи.

– Будете скучать, сир?

– Нет, Седрик, объявлю праздник с карнавалом, фейерверками, пьянкой и танцами, – едва не бухаясь на колени, клятвенно пообещал я небесам. – Зима в горах длинная, надо же людям хоть как-то развлекаться.

В моих словах не было лукавства. Если брать весь год в целом, то именно поздняя осень, три зимних месяца и полтора до середины весны были самыми спокойными в Приграничье. Осенью дожди размывали дороги так, что ни конным, ни пешим не проедешь, а зимой, в сугробах по пояс, к нам под стены вообще никто не рисковал соваться. Ну разве что кроме летающих драконов, эти могли бы, но, как и большинство змей, в холода они также впадают в спячку.

Мы хорошо укреплены, у нас проверенный гарнизон, набитые кладовые, приличный запас муки, вина и круп, можем отбить любого врага, как и пережить любую осаду. Не в первый раз, в конце концов. Ну, вы, наверное, уже догадались, что я был слишком наивен и беспечен...

Буквально через каких-то двадцать – двадцать пять минут леди Мелисса властно приказала подать ей сани, лошадей и охрану. Последнее было лишним, до половины пути мы с Седриком предпочли проводить её лично (не дай бог, вдруг передумает?), а дальше снежную дорогу контролировали наши волки.

В последнее время Серый Брат, вожак стаи, держит стаю своих хищников поближе к русалочьему озеру. Там у нас ещё два каменных тролля, но они традиционно засыпают к зиме. И кстати, будить я их никому не посоветую...

Когда сани выехали из ворот замка, сидящая в них леди Мелисса более походила на шар из медвежьих шкур с прячущимся где-то в мехах длинным синим носом и бегающими глазками. Очень надеюсь, что она не слышала вопли радости, аплодисменты и громовой хохот, раздававшийся со стен. По-моему, парни так даже прошлой победе над врагом радовались как-то менее активно, а тут...

Молодой конюх счастливо нахлёстывал лошадей. Седрик восседал на своём молчаливом мерине, зато мой Центурион болтал, не затыкаясь, всю дорогу. Он такой, если ему надо, то может быть нудным похуже Ребекки.

– Я так понял, что ты поссорился с Хельгой, да? Ставр, у меня на тебя нет слов... Это дико, неразумно и непедагогично, в конце концов. Макаренко тебя бы не простил, а Песталоцци вообще бы выпил яду! Да ты их и не помнишь, а я читал. Я очень образованный конь, между прочим!

Моя попытка прикрыть уши руками не увенчалась успехом, эта скотина всегда говорила очень громко.

– И твой Пелевин не всегда прав, Губанов чрезмерно образен в ущерб здравому смыслу, про Виктюка вообще приличными словами не скажешь, а вот Башмет – гений! Глаза б мои не видели Гарри Поттера и Солженицына, у Донцовой чудесные дети (или мопсы, не помню?), мат в литературе обедняет язык автора, но если резюмировать всё вышесказанное, то я бы хотел почитать весьма спорную энциклопедию Невзорова о лошадях и категорически не читать его же обо всём остальном, но всё равно получается, что ты плохой отец!

Я остановил коня, спрыгнул с седла, потянул болтуна за повод и молча врезал ему по ушам. Чёрный монстр замер на месте в шоке от такого грубого насилия.

– Если ты ещё хоть раз сунешь свой нос...

– Понял.

– Очень и очень надеюсь.

– Честное слово, понял, ты мог бы просто сказать, к чему это рукоприкладство?

– Если ты ещё ждёшь извинений, то, видимо, не дошло...

– Дошло! – Он сразу включил заднюю скорость. – Сам дурак, голова большая, а мозг как у страуса, что с меня возьмёшь, верно? Мы же друзья, ты же не продашь меня на следующей зимней ярмарке? Я хороший, и у нас с Ребеккой ещё могут быть дети. Ставр, я даже разрешу тебе их воспитывать! Чего ты сразу как этот?!

Мне оставалось только крепко обнять его за шею, помолчать и, вскочив в седло, догонять ушедшие далеко вперёд лёгкие сани леди Мелиссы. Мы действительно настоящие друзья с Центурионом, а дружба человека и лошади всегда предполагает некие компромиссы, как без этого?

Я готов был признать, что он в чём-то, пусть не всегда, не во всём, но прав, а ему, в свою очередь, пришлось прикусить слишком длинный язык, помня, как важна между друзьями не только откровенность, но и разумная деликатность. Быть может, до сих пор лошади лучше владеют этим искусством, чем мы, люди. Не всегда, разумеется, но в подавляющем большинстве случаев.

У русалочьего озера мы расстались с нашей навязчивой гостьей.

Честно говоря, я почему-то думал, что она полезет целоваться или хотя бы что-то скажет, но склочная старуха лишь плюнула мне под ноги и укатила. Кстати, и плюнула-то не особо удачно, так и поехав дальше с оплёванным собственным подбородком.

Но, как бы то ни было, я впервые за несколько месяцев вдруг испытал невероятное чувство свободы, захлестнувшее шальной волной голову и грудь.

– Седрик, дружище, тебе не кажется, что мир стал чуточку светлее? Небеса чище, воздух звонче, и даже мороз не морозит, а бодрит!

– Сир, какого ответа вы ждёте от старого забулдыги?

– Просто порадуйся вместе со мной!

– А что, когда-нибудь было иначе?!

Мы дружно пустили наших коней вскачь, уходя с главной дороги на просёлочную, через лес. Во-первых, это короче, сани там бы и не прошли, но мы-то верхами, а во-вторых, зимний лес всегда восхитительно прекрасен.

Зелёные иглы вековых сосен усыпаны живым серебром, нетронутый снег под копытами хрустит хрустальной пылью, сияние и блеск такие, что невольно щуришь глаза, и вообще всё вокруг кажется волшебной предрождественской сказкой. Видели вы такое когда-нибудь?

Небо между крон деревьев было голубым, чистым и каким-то особенно прозрачным, словно родниковая вода, в которой отражаются все текущие облака. А наш мир воспринимался высоким отражением мира иного, свободного от пустых и лишних деталей, мира настоящего, светлого, который ждёт всех нас, быть может, в будущем...

– Ставр?

Я не сразу понял, что ко мне обращается Центурион.

Чёрный конь (по правилам надо говорить вороной, но разве кого-то так уж интересуют правила?) поднялся на дыбы, осторожненько, чтоб я резко не выпал из седла, помесил воздух копытами, встал и обернулся ко мне:

– Волк!

– Центурион, здесь везде волки. Но они наши друзья, и если ты...

– Посмотрите, сир, мне одному это кажется?!

Я опустил взгляд под копыта Центуриона и невольно вздрогнул.

Гореть тебе в аду, дьявольское отродье, как обычно говорит моя дочь, ибо на снегу чётко был виден отпечаток волчьей лапы вдвое больше копыта моего коня. Если вы сравнили и поняли, то это...

– Сугроб мне в лоб!

Центурион в очередной раз взвился на дыбы, видимо, исключительно

для того, чтобы я получше осознал то, что вижу. Мне пришлось быстро соображать, потому что память услужливо подсунула череду чудовищных картинок кровавого рагнарёка, и, к стыду своему, я не запомнил всех, кто выжил. А ведь выживали не всегда лучшие...

– Не моя вина, не моя проблема, – твёрдо объявил мой конь, наклоня голову так, что я съехал по его крутой шее вниз, не упав, но твёрдо встав на ноги.

– Что скажете, сир?

– Ну-у, чтоб я отбросил копыта и был принят богами в лошадиную Вальгаллу, где только толкаются за овёс и пьют брагу, а не ходят в библиотеку...

Седрик шикнул на Центуриона, и тот виновато передернул плечами.

– Это невероятно, – вслух произнёс я, склоняясь над отпечатками следов.

В девственно-чистом снегу были чётко отпечатаны следы некоего зверя (волка, шакала или собаки) невероятных размеров. Если бы я не знал, что он погиб в огненной ярости рагнарёка, то при всех сказал бы, что такой след может оставить лишь один зверь на всём белом свете. И на не белом тоже. На любом.

Фенрир!

Я видел его издалека, в тот день граничары держали свои участки до последнего, а сумерки богов, словно бы кровавый кашель, выхаркивали все силы Света и Тьмы на нашу нейтральную территорию, где и продолжалось страшное месиво. Я несколько лет после этого просыпался от собственных криков, в горячечном поту и долго не мог уснуть, меня преследовали кошмары...

Да и не важно, пусть бы они все там отдышались, успокоились и пошли друг на друга в очередную атаку или, наоборот, не признали своё поражение и остались тут, с нами, но в те времена никто не стоял на месте, как никто не прикрывался нашими щитами.

Асы, ваны, инеистые, мертвецы и монстры вообще не воспринимали нас, граничар, как нечто важное и весомое в этом мире. Они все слишком циклились на себе любимых, что и сгубило старый мир. Но тем не менее мы были, мы есть и с нами приходится считаться.

Я опустил на одно колено, внимательно осматривая глубокий волчий след. Честное слово, отпечаток такого размера в наших краях ещё не встречался ни разу. Получается, что зверь, прошедший здесь, был куда крупнее моего коня?

Центурион, конечно, пыжился, что-то из себя строил, но, как бы ни

старался, всё равно не мог своим копытом закрыть хотя бы половину отпечатка следа.

– Кто это, Ставр?

– Помолчи, я думаю.

– Сир, как я понимаю, это волк, нет?

– Седрик, ты меня бесишь!

– Вы уверены?

– Да, чёрт тебя подери! Это следы гигантского волка. Откуда он тут взялся? Почему меня не предупредили? Если Серый Брат его видел и не сказал, то после этого брат он мне или не брат?!

– Рад ты мне или не рад? – счастливо поддержал меня бывший крестоносец, не успев вовремя закрыть рот.

– А давайте просто убежим домой и никому ничего не скажем? – вновь влез мой чёрный конь.

Мне жутко захотелось ещё раз дать ему по ушам, но это было бы несправедливо. Он вёл свою линию от собственного понимания поведенческой логики. Не можешь справиться с проблемой, беги, и всё тут! Вдруг всё само устаканится?

Я же был вынужден опираться на общеизвестные факты. Которые упрямо подтверждали гармоничную картину мира, но никак не давали в ней равноправия лошадям и людям. Да, оно, может быть, неправильно, но это так. Увы...

Если вы помните, то из-за Граней к нам периодически забрасывало кучу самых разнообразных тварей, однако чтобы вот такой зверь погулял по нашей территории, наоставлял кучу следов и не был никем замечен?! Не верю!

Седрик, скромно проехавший вперёд, тихо свистнул.

Мы с Центурионом двинулись навстречу, запах остывшей крови почувствовался уже через несколько шагов.

– Я был не прав, он оставил не только следы, его заметили...

Небольшая полянка за елями была истоптана и взрыта могучими когтями, а грязный снег сплошь покрыт красными пятнами. Судя по ошмёткам бурой шерсти и паре обглоданных костей, эта тварь задрала очень крупного медведя. То есть практически за шиворот выволокла из берлоги, загрызла и сожрала.

– Да ну, один волк против ярости разбуженного медведя... Что же это за хищник такой?

– Быть может, ваши лесные друзья подскажут? – тихо предположил бывший крестоносец.

Седрик далеко не трус, но я видел, что и ему явно неуютно в снежном лесу, где в любой момент может подкрасться огромный волк, судя по следам, едва ли не выше моего коня в холке.

– Надо возвращаться. – Я рванул поводья, разворачивая Центуриона. – Здесь нечего ловить. И да, ты прав, нам нужен Серый Брат. Он не появлялся у замка в последнее время?

Седрик отрицательно помотал головой. Что ж, наши договорённости с волчьей стаей были весьма условны и прозрачны. Серые хищники должны были бдительно охранять наши границы, если и не вступая в схватку, то уж всегда предупреждая о приближении врагов. И они честно держали слово.

Мы же в свою очередь обещали подкармливать их в случае голода, когда зимой в горах тяжело охотиться. Вообще, олени и лоси в здешних лесах водятся в избытке, так что стая обычно с добычей, но мало ли, бывает всякое.

Я хотел попросить Центуриона чуть сбавить ход, наклонившись к его шее, и...

Это спасло мне жизнь. Коротко свистнувшая стрела ударила меня под лопатку, а не в затылок. Плащ существенно ослабил удар, пробить его почти невозможно, но сам факт?!

– Разбойники! – развернувшись, прорычал мой конь, вставая на дыбы. – Ставр, не держи меня! Тяжёлый день, разборки с любимой кобылой. Сплошные нервы, недостаток позитивной литературы, и надеюсь, ты не будешь против, если я... сейчас... хоть кого-нибудь... убью же на хрен!!!

– Пелевина больше не получишь, – только и успел пробормотать я.

Вороной гигант лошадиного племени бросился вперёд на четырёх оборванцев, пытавшихся взять нас в кольцо, преграждая путь. Двоих он просто смял грудью, третий получил в лоб обухом боевого топора Седрика, а четвёртый бросился бежать, проваливаясь в сугробы, швырнув в нас разряженный арбалет.

– Прикажете догнать мерзавца, сир?

– Пусть уходит. – Я остановил горячего старика. – Есть более важные дела, чем залётные бандиты. Если бы они сунулись в деревню, там бы их подняли на вилы крестьяне. Неудивительно, что они пытались хоть кого-то ограбить в лесу.

Не подумайте, что я был тогда слишком милостив. Скорее наоборот – в диком зимнем лесу человеку не выжить. Поэтому мы все прекрасно понимали – такое нападение вряд ли бы произошло случайно, и тот, кто дёргал за ниточки, вёл свою игру. Мне нечего было ему противопоставить.

Хотя бы на тот момент, но мы сочтёмся потом...

Мы успешно вернулись в Кость до темноты. Серый Брат не встретился нам по дороге, и я впервые задумался о том, что и близко не представляю себе, как его позвать, если очень понадобится. Непростительная глупость с моей стороны.

Что же теперь, если он будет нужен, так мне вставать на стену и быть по-волчьи? Кстати, честно говоря, это было первое, что пришло мне в голову. Значит, именно так и придётся поступать. Может, попросить Хельгу сфоткать меня в этот позорный момент?

Из замка я ушёл в полночь. Дома все спали. Я очень тихо спрыгнул с предательски скрипнувшей кровати. Так же без лишнего шума прошёл на кухню, поставил чайник и включил компьютер. Ну что ж, по торгам ничего особо важного не было.

Покупки антикварного оружия совершаются не каждый день, а последнюю пару лет в связи с новыми чудесными законами любой малый бизнес переживает упадок. Тем более если речь идёт о коллекционерах. Нумизматы или филателисты почему-то не интересуют полицию, а вот те, на кого можно повесить «торговлю оружием», о-о-о...

Это вне диалогового обсуждения, это просто данность. Говорить об этом можно долго, но не хочется самому себе нервы трепать. Поэтому я лишь заварил кофе (как ни странно, он меня не бодрит, а убаюкивает) и проверил сотовый.

Тут было несколько интересней. Сразу три эсэмэс от Даны:

«Позвони мне». «Я виновата, но ты должен меня выслушать». «Пожалуйста!»

И всего одно от Капитана:

«Завтра в 12».

Коротко, внятно и по существу. Завтра в двенадцать часов он ждёт меня у себя в кабинете, не задумываясь о том, что я могу быть занят на службе или вообще чем угодно.

Как будто бы у граничар нет личной жизни! По крайней мере, она никогда не подразумевается нашим уставом. В том мире, у Граней, в Приграничье, ты вправе иметь хоть десять жён, толпу любовниц или, обладая феодальным правом первой ночи, тащить к себе в постель кого угодно, от невинной девицы до старой коровы, – никто из начальства и слова не скажет. Но, если у вас жена и ребёнок в этом мире, могут быть проблемы...

А меня тут дочь. Девочка очень непростая, даже сложная во всех

смыслах. К тому же её золотоволосая мама – великая Хель, богиня смерти у древних викингов.

Возможно, это единственная существенная причина, по которой нас стараются особо не трогать. То есть уволить были просто обязаны как минимум, но по факту с богиней смерти почему-то не хочет связываться никто. Даже самый упёртый атеист из Белого Комитета.

Такие там есть, уж поверьте, и одна из самых активных противниц моей жены в данный момент находится на длительном отдыхе в узкоспециализированном медицинском учреждении с плечистым персоналом, в комнате, обитой войлоком. Это очень безопасное, чистое и хорошо запертое местечко. Куда приятней и уютней, чем Ледяной ад в Хельхейме, где моя бывшая, но тем не менее супруга ныне правит бал...

– Ты бодрствуешь? – За моей спиной бесшумно возник дядя Эдик.

Когда моя дочь спала, он мог позволить себе ходить по дому голым. Ох, да Один всемогущий, кому я вру?! Он и при Хельге не особо утруждал себя труселями.

– Ставр, кругом враги!

Эд прошёл на кухню и сел напротив меня, целомудренно прикрыв одно место кухонным полотенцем. Срочно в стирку...

– Тебя так долго не было, что наш общий дом успели оцепить, моя маленькая племянница ещё не вернулась из школы, а я уже вёл бой! Эти злодеи на чёрном джипе достали весь подъезд, они опять включали музыку!

Я молча опустил лицо в ладони.

– Нет, нет, нет! Ты должен знать! Ты обязан понимать, в каком страшном мире воспитывается твоя дочь, – разорялся бывший бог со справкой, а он вообще заводится даже не с полоборота, а от случайного касания монтировки. – Там звучала песня про скрипача, и представляешь, что я услышал? «Повесил свой сюртук на спинку стула музыкант...», потом припев, чего-то там, а потом... та-дам!!! Концовка: «Устал скрипач, хлебнул вина, натягивая фрак...» Фрак! Ставр, он снял сюртук, а ушёл во фраке! Я был возмущён, я кричал им, но они не слышали, их уши глухи к поэзии...

– Что с машиной?

– Я бы на твоём месте больше интересовался судьбой прикроватной тумбочки. Она в щепки! У чёрного джипа, к сожалению, лишь помяло крышу и переднее стекло пошло трещинами. Я разочарован. А ты спрятал мой молоток. Ты нехороший человек, нечестный, непорядочный, и само понятие благородства совершенно чуждо твоей чёрствой душе.

– Потому что я не кидаюсь по чужим машинам тумбочками с восьмого этажа?

– Да! Да-а! Боги тебя за это не простят, чтоб ты знал. Я – прощу, дай шоколадку.

Мне пришлось встать и дать. Нет, не в рог и не по мозгам, а именно шоколадку.

Дядя Эдик хоть и полный псих, но крайне щепетилен в каких-то мелочах. Лазить по холодильнику, брать что-либо съедобное без спроса – для него табу! А вот, никого не спрашивая, цапнуть из моей комнаты прикроватную тумбочку, чтобы швырнуть её с балкона в соседскую машину, это запросто! Такие вещи у него никогда не застревают.

Значит, завтра нам предстоят очередные разборки и гарантированная выплата за ремонт авто. Не в первый раз, деньги пока есть, правда, я предпочёл бы потратить их иначе, но тут уже тоже без вариантов. Если вы держите дома сумасшедшего кудрявого бога, то будьте готовы платить за это сомнительное удовольствие.

Получив шоколад, дядя Эдик покровительственно похлопал меня по плечу тем же полотенцем и важно ушёл к себе. Мне, как вы понимаете, уже ничего не хотелось, но, подумав, я всё-таки решил отправить эсэмэску Дане.

Глава клана дампир в своё время дала клятву беречь и охранять мою дочь. Они даже как-то подружились, но с некоторых пор наши личные отношения стали заметно прохладней. Не в последнюю очередь это связано с несанкционированным провозом девочками клана Красной Луны в наш мир одной кровососущей твари, моего бывшего соседа, барона Роскабельски. Обвинили, естественно, меня...

Ну и других моментов там тоже хватало, так что теперь я даже не представляю, на чьей она стороне.

«Извини, что не звонил. Много дел. Кофе?»

Ответ пришёл буквально через полминуты:

«К чёрту кофе. Тебя!»

«Как бы половина второго ночи...» – осторожно набрал я, прекрасно понимая, что мне ответят.

И не ошибся.

«Спускайся. Синий «Чероки» за углом. Я голая».

Ну и кто бы из мужчин не спустился? Лично у меня даже мысли перенести встречу на послезавтра не было. Именно сегодня, здесь и сейчас!

Я быстро проверил квартиру – судя по ровному сопению, и Хельга и Эд спят. Если меня полчаса не будет, то... то какие, задница Слейпнирова,

оправдания ещё нужны?!

Мне приходится уходить по службе почти каждый день, я дерусь на стенах средневекового замка, отражая мечом и секирой очередное нападение баронов, мертвяков, драконов или инеистых великанов. И что, в доме кто-нибудь парится по этому поводу? Кого-то дико волнует, что я постоянно рискую своей жизнью и головой? Кто за меня переживает – бывший северный бог с креном на всю башку или дочь Смерти?! Они меня любят, да, но переживать, что папы нет дома, ох, увольте, это даже не смешно...

Я осторожно закрыл дверь, стараясь как можно тише проворачивать ключ в замке, и спустился вниз пешком без лифта. Периодически он имеет нехорошую тенденцию застревать между этажами, а сегодня мне не стоило терять время. Ни минуты.

На улице было прохладно, невзирая на середину осени. В наших южных краях даже сентябрь жаркий, поэтому ветерок в конце октября – нерадостный признак скорой осени и близкой зимы. Хотя в том же Приграничье давно лежит снег...

Тёмно-синий джип с тонированными стёклами действительно стоял за поворотом. При моём приближении машина дважды мигнула фарами. Передняя дверь открылась, являя моему взору черноволосую дампир в женской ипостаси костюма дяди Эдика. Ну, быть может, сравнение не очень удачное, к тому же она вообще ничего не прикрывала кухонным полотенцем.

– Милый, ты хоть представляешь себе, что значит караулить тебя здесь третий день, вынужденно открывая дверь полиции и вежливо объясняя, почему я за рулём без одежды?!

У меня был только один вариант ответа – действием, чем я и воспользовался.

Дана даже не потрудилась закрыть дверь на замок, когда расстёгивала мой ремень. Дальше я не буду ничего описывать, желающим почитать о «потоке огненной лавы, вторгающейся в тайный проход из жилистого жезла мироздания...» просьба обратиться к другим авторам. В наше время вы легко найдёте всё что угодно, был бы Интернет.

– Когда-нибудь я убью тебя, – прошептала мне на ухо мокрая и горячая дампир примерно через полчаса. – Просто за то, что ты не рядом и я не могу быть с тобой всегда.

– Спасибо, тронут...

Честно говоря, я не знал, как ещё можно ответить на такое откровение.

Предложить даме руку и сердце? Умолять её выйти за меня замуж?

Клясться, что сам себя убью, если она откажется? Ну, мы оба вроде бы взрослые люди, сантименты и реакции восьмиклассников как-то не особо греют после тридцати.

– Ставр, мне многое надо тебе сказать.

– Может быть, тогда стоит одеться?

– Смысл? Я уложусь в пять минут, и мне снова придётся стаскивать с тебя эти дурацкие джинсы. Пожалуйста, выслушай меня молча и не вырывайся, всё равно я знаю, как тебя удержать.

О да... поверьте, она знала. Вампиры считаются очень сексуальными и даже озабоченными, но, когда доходит до дела, они не способны устоять перед запахом человеческой крови. Дампир – иные, они ближе к людям и способны не только на любовь, но и на истинное самопожертвование. Это прекрасно и опасно одновременно.

– Ты должен знать, что я не свободна в принятии ряда решений.

– Ты говоришь как депутат от КПРФ в программе Соловьёва.

– Хочешь по-другому? Легко! – И она сделала так, что на пару минут я предпочёл заткнуться и наслаждаться.

– Наш клан не самый влиятельный в Поволжье, но один из самых эффективных, – мягко продолжила Дана, давая мне возможность перевести дух. – И во многом такая боеспособность моих девочек обеспечена тем, что у них нет связей с мужчинами.

– А у тебя есть.

– Да, дьявольщина, у меня есть! Ты – моя ошибка, моё слабое место, моя ахиллесова пята, и хуже всего, что это ни для кого не секрет! О нас все знают. И Белый Комитет, и все твои в замке, и многие тут, из тех, кому вообще не стоило бы знать о клане Красной Луны. А уж тем более о том, что глава клана влюбилась...

Я приподнялся на локте и поцеловал её.

– Ты не понимаешь, – устало выдохнула Дана. – Твоя дочь – это живое оружие, которым хочет воспользоваться каждый. Белый Комитет её руками может навсегда запечатать Грани. Те, кто за стенами, рассказывают, что она поведёт в бой всю нечисть Севера и вернёт власть старым богам! Нечисть, живущая здесь, боится репрессий и не хочет войны, они научились жить в этом мире, а присутствие Хельги таит для них угрозу существования. Люди в городе пока ничего не знают, но чувствуют общее напряжение и рано или поздно начнут искать виноватого. Искать долго не придётся, верно? Если взвесить все «за» и «против», то даже тебе, отцу, станет ясно – не будь этой девочки, всё вокруг было бы куда спокойнее...

Я не мог с ней спорить, я знал, что рано или поздно моя девочка станет

камнем преткновения для всех. Время выбора не за горами, а в какой конкретно день это произойдёт, не знает никто. В данном вопросе первую скрипку играет уже не божественная воля, а божественное дурачество, слепой случай, рулетка, на которой одновременно может выпасть красное, чёрное, зеро.

– Я могу увезти её в замок.

– Можешь. Но что это исправит? Кроме того, конечно, что ваши Грани счастливо распахнут ей объятия. Ты же не всерьёз думаешь, что там она менее опасна, чем здесь?

– Я вообще не считаю её опасной! Она моя дочь!

– И она же дочь Смерти...

Мне нечего было возразить. Ей тоже больше нечего было сказать. Пауза чрезмерно затягивалась, побивая рекорды любого провинциального театра. Наверное, мне бы стоило встать и уйти. Разумеется, предварительно одевшись.

Дампир отодвинулась в сторону, ей тоже хотелось сказать что-то ещё, но она не знала – как и какими словами.

– Ты ненавидишь меня.

– Нет.

– Ты должен.

– Почему? Ты же не сделала мне ничего плохого, ты защищала мою дочь.

– Я... предала тебя, Ставр, – опустив глаза, призналась Дана, по её длинным ресницам катились слёзы. – Меня заставили выбирать между тобой и кланом Красной Луны.

– То есть у тебя не было выбора?

– Не было.

– Зачем же ты позвала меня сейчас?

– Я скучаю по твоим поцелуям...

Мы расстались спустя ещё полчаса, может, больше. Не знаю, не акцентировал на этом внимания. Вышел, хлопнув дверцей, и, не оборачиваясь, пошёл домой. Если Дана и смотрела мне вслед, то благодаря тонированным стёклам я не увидел её глаз.

Возможно, это к лучшему, не знаю. Что-то сломалось во мне.

Я не понимаю, кому теперь могу верить. Капитану? Увольте. Белому Комитету? Три ха-ха! Клану Красной Луны во главе с моей женщиной, на раз ставящей общественные интересы выше личных? О, это, несомненно, так благородно и поэтому заслуживает всяческого уважения, аж тошнит...

Да неужели из всех, кто до сих пор не предал, не подставил и не

изменил в угоду собственным интересам, оставались лишь Эд, Седрик, Центурион, Ребекка? Ну, быть может, ещё, как ни странно, белый цверг Десигуаль и... всё!

Доверия к маме Хельги у меня не было ни на грош.

Смерть всегда ведёт свою игру. Игру честную! Но именно поэтому надеяться на её снисходительность в случае проигрыша, мягко говоря, чрезмерно наивно. Хель – древняя богиня, её боялся и уважал сам Один!

Играть со смертью можно, иногда она это даже любит, но выиграть у неё нельзя. Рано или поздно, что бы ни было, ты преклонишь перед ней колени. Что бы ты о себе ни думал, каким бы великим себя ни считал, она всё равно возьмёт своё.

У самого подъезда на мой телефон пришла эсэмэска:

«Мне очень жаль. Прости».

Что я мог ответить? Прощаю? Живи спокойно в своём уютном клане, претензий нет, я знаю, что меня и мою малышку проще убить, чем адаптировать в этом мире? Так, что ли? Это будет вполне себе сентиментально и даже интеллигентно, но нет...

Мы, граничары, устроены иначе, не дождётесь. Прощения просить не стану. Извиняться не буду. На компромисс не пойду, освещать ваши серые будни своим пылающим сердцем не собираюсь. Недовольные – в пень! Всё.

Хотя, конечно, было ещё одно неотложное дело.

– Какого северного мха ему спать, всего три часа ночи? – спросил я сам себя, набирая на сотовом номер Капитана.

К моему немалому удивлению, он взял трубку уже на втором гудке.

– Здрав будь, боярин Ставр Годинович!

– И вам всяческого здоровья! У меня пара вопросов, – крайне вежливо и терпеливо начал я. – Какого северного мха на нас с Хельгой продолжается негласное давление? Что ещё мы должны сделать, чтобы подтвердить свою лояльность уставу Белого Комитета?

– Ох, да что ж так сразу кидаешься на сонного старика. Может, подойдёшь завтра поутру в хоромы мои да по-людски за чаем всё обсудим?

– Легко. Конечно, я могу подойти. Но кто помешает вам сейчас ответить на два простых вопроса?

– Очень непростых, – оборвал меня Капитан и повесил трубку.

Всё, абзац, типа вот и поговорили. Я как раз достал из кармана ключи, чтобы открыть кодовый замок в подъезд, когда...

– Белый Волк? – раздалось за моей спиной.

Я обернулся, изо всех сил демонстрируя максимальное удивление.

Сзади стоял двухметровый парень спортивного телосложения, с короткой шеей и раскачанными плечами.

– Пошли, чё.

– Куда?

– А те не без разницы? – Он демонстративно похрустел кулаками.

Я покорно опустил голову, сделал шаг вперёд и врезал ему носком ботинка между ног. Здоровяк без писка мягкой кучей осел наземь, выпучив глаза.

– Если у вас уже никогда не будет детей, то и не надо. Не каждому уроду стоит размножаться, верно?

Похлопав его по плечу, я спокойно вошёл в подъезд. Кто это, от кого, зачем, с какой целью припёрся, куда звал, пусть выясняют спецслужбы. Мне оно не слишком интересно, хотя я отдавал себе отчёт в том, что это нападение не случайно.

Ну сами подумайте, какой левый гопник станет называть вас Белым Волком?! Только тот, который точно знает, на кого ему приказано наехать, и надеялся решить всё без лишнего шума. Хотя вообще-то даже маленьким детям известно из сказок, что волки в целом имеют обыкновение кусаться.

Лифт без проблем доставил меня на восьмой этаж. Никаких прищипленных картинок или угрожающих надписей на нашей двери не было. Дом тоже встретил уютной тишиной. Я осторожно скользнул в прихожую, закрыл за собой дверь, запер замок и на цыпочках прокрался на кухню.

– Привет, па...

Там сидела Хельга в домашнем халате, перед ней дымилась (неправильное слово, это же пар) чашка какао.

– Привет, милая. Почему ты не спишь? Завтра в школу.

– Нам надо поговорить о Метью.

– Уф...

– Это не ответ, – несколько нервно предупредила моя дочь. – Мы с ним дружили, обнимались, могли бы даже переписываться, если бы ты установил вай-фай в замке Кость. Ок, я знаю, что тебе это нельзя. У тебя устав и прочие заморочки, да?

– Лапка, – я сел рядом на железный диван и обнял её за плечи, – я всё понимаю. Интернет в Приграничье проведут не скоро, но, если тебе это так важно, всегда можно найти способ передать ему твоё письмо. Это не запрещено правилами.

– Правда?

– Нет, честно говоря, ещё как запрещено. Но если мы подключим к

этому делу твоего Десигуаля, то вряд ли Комитет станет так уж копаться в мелочах...

– Папуль, а тебе за это ничего не будет?

– Знаешь, а мне оно уже непринципиально. Я волнуюсь за тебя. Да, возможно совершая не самые правильные шаги, но тем не менее. Прости.

– Тебя опять пытались убить.

– Да, немножко.

– Как им не надоест, а?

Хельга прильнула светлой головой к моему плечу. Если кто-то не в курсе, эта девочка может завернуть узлом гриф от штанги, даже не задумываясь, что она сделала. Я люблю ее, она моя единственная дочь, и никто не отнимет у меня ее улыбку.

Она полюбила мой замок, она не раз была за Граниями, она встречалась со своей матерью, училась у неё, побеждала и скромно возвращалась домой. Кто бы чего ни думал по этому поводу, я вынужден признать, что наше дитя действует по собственной воле. Инфантильной девочкой её никак не назовешь, да и кто бы рискнул...

Мы обнялись, она чмокнула меня, я расцеловал в обе щеки её, и довольная Хельга отправилась к себе писать письмо юному королю. Белый цверг, зевая, вышел из-за холодильника, поднял вверх большой палец, словно подтверждая, что я поступил правильно, и вновь рухнул на свой коврик. Дожили, этот тип уже смеет одобрять или не одобрять мои поступки. Кажется, дальше терять авторитет уже некуда.

– Моя девочка выросла, – признался я сам себе, входя в спальню и с тоской глядя на старый гобелен. – Что я могу с этим сделать? Ничего. Просто принять это как данность, не отрицая право её выбора. Потому что если она вдруг сделает неправильный выбор своего мужчины, то это будет её собственная проблема, а не моя вина.

Вы можете сколько угодно судить меня за отцовскую беспечность и равнодушие, но это правда. Никто не любит мою дочь больше, чем я. Она это знает. Я это знаю. Кого-то что-то не устраивает, тогда за разъяснениями ко мне или к Хельге. Поверьте, лучше ко мне, я отходчивей, могу сразу и не убить...

Вот с этими дурацкими мыслями наконец мне удалось, не раздеваясь, прилечь, вытянувшись на кровати, когда в дверном проеме показался силуэт дяди Эдика. Похоже, выспаться в эту ночь мне просто не судьба. Ну и ладно, не в первый раз.

– Ставр, мне скучно. Ты запер меня в чуждом мире, где никто всерьёз не уважает древних богов. А я бог! Чтоб ты знал... я вполне в себе, но...

мать моя, Вальгалла, да разве хоть кто-то из древних богов был в своём уме?! Лично я таких не помню от Тюра и до Одина, про папочку восьминогой лошади вообще умолчим...

Я бы мог поспорить. Слейпнир реально был самым быстрым скакуном всего Севера. И у него было именно четыре ноги, а не восемь, как казалось большинству, видевшему его бег. Это прекрасный конь, белый как снег, единственный в своём роде, нечто среднее между фокстроттером, орловцем и чистокровным ахалтекинцем.

Те, кто разбирается, поймут. Тем, кто нет, поясню: этот конь мог в любую погоду, невзирая на снег, дождь или ветер, влёгкую преодолевать любые расстояния, удерживая удобный для всадника темп и аллюр.

– А ещё я слушал старые комсомольские песни.

Так, начинается, понесло...

– Ты помнишь эту, когда парень собирается в военный поход и просит: «Ты мне что-нибудь, родная, на прощанье пожелай»?

– «И родная отвечала...» Ну, допустим, помню, дальше что?

– Как что, Ставр?! – вытаращился на меня дядя Эдик. – Она же говорит: «Я желаю всей душой, если смерти, то – мгновенной, если раны – небольшой!»

– Да что не так-то?

– Сам посыл! – окончательно взвился он. – Эта женщина его не любит! Она не желает своему жениху победы в бою! У неё нет и мысли о победе, она твёрдо уверена, что его либо убьют, либо ранят, а победить он не может! Нельзя петь такие пораженческие песни, идя на войну! Вот когда я водил драккары, полные викингов, в бой, то мы пели...

– Эд, ты достал. Чего тебе от меня-то надо?

– Я же говорю, мне скучно! Давай подерёмся?

Я кинул в него подушкой, не попал и... неожиданно уснул, словно вырубился от избытка эмоций и чувств. Наверное, так бывает.

Снов не помню, возможно, их и не было, но, когда я разлепил глаза, передо мной со скорбным выражением лица стоял всё тот же кудрявый бог. Часы на стене показывали десять утра, я заспался...

– Хельга в школе, вечером к ней зайдут подружки, меня пригласили в кино, а мне нечего надеть. Те вульгарные люди из джипа, что не понимают высокой поэзии, накатали на меня жалобу в полицию, но старушки у подъезда сказали, что подтвердят мое алиби, сосиски в холодильнике закончились, я с утра не могу найти белого цверга, и, по-моему, у нас в доме завёлся предатель.

– Позавтракаем в замке, если ты не против. – Я рывком встал,

потянулся и направился в ванную.

– Против! Там нет телевизора, племянница кухарки уже не купается в ручье, ты опять заставишь меня с кем-то воевать, а твоя леди Мелисса будет приставать с поцелуями и лезть ко мне в штаны. Зачем? Что она хочет там найти? Там всё моё! Я же к ней не лезу, мне неинтересно, более того, я даже боюсь представить, что у неё там.

Вот примерно под такой эмоциональный монолог мне удалось почистить зубы, умыться, побриться, отправить эсэмэску дочери и улыбнуться:

– От домогательств леди Мелиссы мы все наконец-то избавлены.

– Не верю, – хватаясь за сердце, ахнул он.

В ответ я взял верещащего психа за шиворот и толкнул его лбом в стену. Можно было бы и просто пройти, но такие упражнения отлично заменяют нам обоим утреннюю зарядку.

– Почему нас никто не встречает? – недовольно поморщил носик бывший бог, в этом мире к нему мгновенно возвращается разум. – Тебе срочно нужен новый паж, а то приходим, стоим, ждём и даже наорать не на кого.

– Вопросом найма новых слуг можно заняться лишь по весне, – уныло напомнил я. – Сейчас дороги занесены, мы просто никого не найдём.

– А как же Снежная ярмарка в Хмельтауне?

– Кстати о ярмарке...

Вот об этом я позабыл. Ведь наш Метью уехал именно туда, в Хмельтаун, столицу нашего так называемого королевства. Да, вы всё правильно помните, королей у нас на Севере пруд пруди, да я и сам мог не раз объявить себя своим королевским величеством.

Простым людям без разницы, кто дерёт с них налоги, церковь за отдельную плату охотно подтвердит мои права на любой титул в моих же землях, и всё, носи корону набекрень! Кому какое дело? Тем более что территории наши немножко расширились за счёт наследия покойного барона Роскабельски, но суть не в этом.

У нас действительно каждый год, по первому снегу, проходит большая ярмарка, когда крестьяне продают излишки своего добра, а замки стараются подешевле затариться у них продуктами на зиму. В своё время именно там я купил (придерживаемся этой версии!) чёрного жеребёнка, из которого впоследствии вырос мой боевой конь Центурион.

Поскольку в столице продают практически всё, включая рабов, то шанс найти нового слугу довольно велик. Или низок, не важно. Я всё равно

туда поеду, потому что...

– Как раз заодно преклонишь колени перед новым королём и засвидетельствуешь Метью свою вассальную преданность!

– Не дождёшься.

– Но он твой король! – хмыкнул Эд.

– Не колышет.

– Ха, ты всё равно обязан, теперь это твой феодальный долг. Спешиться, подойти, опуститься на одно колено, обнажить голову, поцеловать ему руку, принеся высокую клятву верности трону и его величеству Метью Первому!

Я попытался отвесить ему подзатыльник, однако дядя моей дочери ловко увернулся. Ладно, можно попробовать дать пенделя ногой, но нас прервали:

– Сир, мне принести топор или вы желаете непременно задушить сэра Эда голыми руками?

– О, Седрик, старина, хоть вы встречаете нас в этом негостеприимном замке. – Кудрявый бог распахнул объятия. – Расскажите же: что творилось в наше отсутствие?

Бывший крестоносец бросил вопросительный взгляд в мою сторону. Я кивнул – можешь рассказывать. В конце концов, от Эда-то что скрывать? Пока он наслаждался длинным монологом Седрика, то есть загадкой речи для филолога, состоящей из одних вопросительных предложений, я, на два шага впереди, направился в свою комнату.

Светло, тепло... и относительно свежая одежда разложена на кровати. Разумеется, всё неглаженное, но чистое, выстиранное и заштопанное. Мы не очень богаты, но тем не менее на дорогие средневековые шмотки деньги тратить всё равно приходится, как-никак это статус...

– Седрик, когда открывается Снежная ярмарка?

– Вы шутите, сир, я хоть раз там был?!

– Тогда выясни, срочно собери отряд, мы едем!

Он не спрашивал зачем, почему, с какого перепугу, просто кратко кивнул и пошёл готовить обоз.

– Ты давно не звал сюда Хельгу, – вдруг вспомнил Эд.

– Она сама не хочет.

– Я поговорю с ней.

– Ты уже говорил три или четыре раза.

– Хм, не помню.

– Вот именно. Ты напивался здесь в хлам, возвращался со мной в квартиру и начинал доставать мою дочь пьяными разговорами

сумасшедшего бога из психушки.

– Представляю, что я ей наговорил...

– О нет! Ты не представляешь. – Я оглянулся в поиске чего-нибудь тяжёлого.

Пока снимал со стены меч, Эд, не будь дураком, воспользовался заминкой и сбежал так, что только сквозняком потянуло. Я тупо опустился на кровать, растирая виски.

Что происходит, нервы просто ни к черту, меня всё бесит, мне всё время хочется (потому что очень надо!) хоть кого-нибудь убить. А вот некого! В прошлый раз в лесу попались разбойники, ну хоть что-то, как говорится. И то я сам никого даже не пнул!

А где, скажите на милость, страшные огнедышащие драконы?

Или нападения инеистых великанов из-за Граней? Их давно нет. Куда делись дикие орды готов, скачущих на плечах взнузданных пленников? Где свежие вампиры, оборотни, викинги на летающих кораблях? Даже самые обычные мертвяки нас нагло игнорируют!

Никто не хочет с нами воевать, и чтоб ты сдох, лорд Белхорст Белый Волк, от скуки и лютой депрессии. Если так будет продолжаться, мне не останется ничего, кроме как самому спровоцировать пьяную драку со стражниками в каком-нибудь грязном кабаке столицы...

– Сир? – осторожно раздалось из-за двери.

– Да, Седрик, все в порядке, я выхожу.

– Вы плачете? – шагнул в мою комнату бывший крестоносец. – Хотите порыдать на моем плече?

– Ты настоящий друг, но пока воздержусь. – Я крепко хлопнул себя ладонями по коленям, поморщился от боли и встал. – Мы с Эдом поедem вдвоём, четвёрка мечников проводит нас до границы и подождёт где-нибудь в деревне.

– Значит, я опять не с вами?

– Седрик, не рви мне душу, ты ведь прекрасно понимаешь, что на кого-то, кроме тебя, я не могу здесь ничего оставить. Не обижайся, старина...

– Как будто у меня есть выбор?

– Я привезу тебе бутылку красного магометанского вина.

– Можно две бутылки, сир? – угрюмо поторговался он, но это уже чисто для проформы, чтобышний раз подчеркнуть свою значимость и статус в замке Кость.

Вообще, с нашими воротами и стенами можно было бы хоть на неделю всем гарнизоном в Таиланд улететь за неприличными интимными приключениями, и никто даже не попытается нас захватить. Иногда просто

время года решает если не все, то очень и очень многие вопросы безопасности. Пешее войско по одной узкой дороге сюда не пройдёт, лошади увязнут в снегу, а боевые отряды лучников, летающих на метле, ещё не придуманы. По факту никто не поднимет и впавших в спячку драконов, никто не уговорит напасть на нас каких-нибудь колдунов. Всем холодно.

В замке зимой тоже, кстати, особо делать нечего: дни короткие, ночи длинные, наши люди практически бездельничают до весны. Едят, пьют, спят, хорошо ещё старый крестonosец гоняет их по плацу во внутреннем дворе с оружием и врукопашную, а то совсем бы разжирили и расслабились. Не служба, а малина...

Я не вижу смысла в обстоятельном перечислении всех деталей обхода замка, проверке и раздаче необходимых указаний. Само повествование, конечно, станет на пару страниц длиннее, но динамика провиснет. В общем, за ворота мы выехали верхами, без саней, через час-полтора в сопровождении четвёрки наших ребят, вооруженных мечами, копьями и арбалетами.

У меня был кошелёк с золотом, не слишком много, но для ярмарки довольно. К тому же Эд изредка любит поиграть в кости, чаще всего выигрывая. Поэтому слишком много средств брать не стоило, бывший бог иногда теряет голову.

Кони несли нас хорошей рысью, галопировать по холодному воздуху, в минус двадцать – двадцать пять опасно, и если Центурион сам с Севера, то Ребекка из тёплых краёв и, как андалузка, простужается на раз-два. Лошади выносливые, но всё равно очень ранимые существа, а тем более те, что обладают умом и характером.

Нет, не так, это мягко сказано, я имею в виду, что, несмотря на мои уговоры, Ребекка уже заметно подхрапывала, но всё равно продолжала на скаку выяснять отношения с Центурионом. Чисто по-дамски собачиться, проще говоря.

Но мы, как опытные наездники, не вмешивались в их разговор, у нас была своя тема.

- Какого размера след?
- Чуть меньше круглого щита викинга.
- Так не бывает, ты или выпил, или...
- Это видел я, Седрик и Центурион. Будешь драться с нами по очереди?
- Ой, да кто вас боится, смертные?
- Таки мне вдруг послышалось, шо кто-то тут кого-то строит из себя

бессмертного? – на секунду отвлеклась Ребекка.

– Всё в порядке, милая. – Эд несколько нервно похлопал белую кобылу по шее и сдвинул брови в мою сторону. – Обязательно было жаловаться, да? Она же меня сбросит.

– Я всего лишь уточнил.

– Ставр, ты сволочь!

– А почему трагическим шёпотом?

Бывший бог надулся и целых полчаса обиженно молчал себе в тряпочку. Проезжая мимо озера русалок, он лишь на миг поднял взгляд, озирая белую гладь и два занесённых снегом валуна. Они спят. Но, как и говорилось выше, тревожить камни я бы не советовал никому – разбуженные тролли страшны в неуправляемом гневе.

Мы прибыли к границам бывших владений Роскабельски, а ныне края моих земель уже почти на закате. И кстати, хорошо, что не пришлось нигде останавливаться ради ночлега. Земли у нас маленькие, лоскутные, но всё равно каждый мелкопоместный барон по соседству мнит себя как минимум главой Священной Римской империи!

То есть звонких понтов и всякого средневекового форсу – выше Эйфелевой башни, а на деле – нетрезвый, небритый мужик с громким девизом, худой как самокат, в одиночку защищающий свои владения из трёх свиней и двух сараев с благородным, насквозь проржавевшим мечом в руках. Таких на раз-два бьют пыльным мешком по башке их же крестьяне. Кстати, в большинстве случаев успешно и за дело, а не без повода.

Так что к ночи мы остановились в одной из двух деревень покойного барона-вампира. Теперь они наши по праву меча и силы. Всего восемь дворов и пара гектаров пахотной земли, деревянный забор, хлипкая защита от хищников и нежити, хотя надо признать, что чаще всего деревенские люди вполне способны за себя постоять.

По крайней мере, когда мы в сумерках встали у ворот, над забором поднялись три охотничьих лука, взяв нас на прицел. Уважаю, ребята, но...

– Какого северного мха, негодяи?!

– А кто там раззявил рот? – неуверенно раздалось с их стороны.

Храбрятся, делают вид, но ведь понимают, что мы имеем все законные права...

– Вы дерзнули не узнать вашего нового лорда и господина Ставра Белого Волка? – снова возвысил голос бывший бог, а к нему, как правило, все прислушиваются.

Меньше чем через минуту ворота распахнулись. Двое крестьян с факелами встретили нас низкими поклонами, ещё трое опустили луки.

– Нам нужно переночевать, – бросил я с высоты седла. – Где лучший дом?

– У меня, милорд, – навстречу нам вышел седобородый старик с подозрительно простодушным лицом. – Я староста нашей деревни и ваш покорный слуга. Большая честь принимать вас, господин.

Я обернулся к Эду, он уже спрыгнул в снег, взял под уздцы Ребекку. Что ж, возможно, бог со справкой прав, сейчас не самое время корчить из себя неприступного властелина. Иногда человеческое отношение к людям стоит гораздо дороже любых властных наездов, к тому же всегда приносит свои плоды.

Наши умненькие лошади правильно изображали сейчас бессловесных животных. А весь наш маленький отряд из шести человек сопровождали в самую большую и добротную избу. Наверное, надо было бы назвать этот крестьянский дом как-нибудь иначе, но лично мне слово «изба» как-то привычнее. Да и, честно говоря, кому какая разница?

– Боюсь, наша простая еда недостаточно изысканна для высокого лорда...

– Эд, разберись тут, – сквозь зубы приказал я, первым проходя в натопленное помещение.

По сути, это был большой зал с прямоугольным очагом в центре, где ярко горела, наверное, половина сосны. Вдоль стен на полатах сидели мужчины, старики, женщины и дети общим числом двадцать – тридцать душ. Все они смотрели на меня круглыми от страха глазами.

Я кротко вздохнул, представив, как же эти люди были запуганы своим прошлым лордом. Хотя чего там особенно представлять, покойный барон был изрядным мерзавцем, связавшимся с нечистью, и умер, кстати, тоже как полный подонок. Ещё и попытавшись по полной подставить меня перед кланом Красной Луны. Дегенерат.

– Садитесь поближе к огню, господин, – не переставая кланяться, пригласил старик, указывая на кособокий чурбан. – У нас есть каша из овса и крепкое пиво.

– Воды, – попросил я.

Во-первых, алкоголь я не употребляю по целому ряду причин, а во-вторых, знаем мы их «кашу», это же непросеянный овёс вперемешку с хмелем и еловыми опилками! Крестьянские лужёные желудки и не такое переварят, а я... увы... мне такое без активированного угля нипочём не съесть. Уж поверьте.

Но ведь и совсем от всего отказываться невежливо, поэтому вода самое то! По знаку старосты мне принесли глиняный кувшин ледяной

воды. А вот присоединившийся к застолью голодный Эд не стал отказываться ни от каши, ни от пива. Ему всё можно, он вообще раньше был бессмертным.

Разговор с местными жителями также завёл не я, а бывший бог.

– Что скажете, добрые люди, не было ли чего-то необычного этой зимой? Я имею в виду, не видел ли кто-то каких-нибудь странностей? Ну вроде огромных теней или больших следов? А?!

Все дружно молчали, но трое или четверо женщин переглянулись, на их лицах явно читался ужас. Они его видели.

Огромный волк был здесь, но никого не тронул. Почему? Потому что это не воины, защищённые каменными стенами замка и тяжёлыми доспехами. Нам-то легко быть храбрыми, мы никому ничем не обязаны, рискуя головой, а крестьянам приходится растить детей, сеять хлеб, бороться за жизнь, ежедневно вырывая у этой суровой земли хоть какие-то средства к существованию.

Именно поэтому только на их плечах и стоит весь этот мир, их натруженные ладони удерживают его на краю бездны. А мы? Рыцари, бароны, короли... кому мы нужны?!

Короче, я не заметил, как уснул. Возможно, меня просто разморило в тепле.

Мне снилась маленькая Хельга, то светлое время, когда я впервые отвёл её за ручку в её первый детский сад и она, опустив голову, с глазами, полными слёз, позволила воспитательнице проводить её к игрушкам. Зато уже вечером она орала, что у неё тут друзья, брыкалась и не хотела уходить. Я очень-очень надеялся, что никто не заметил, как моя малышка винтом погнула ручку на воротах...

– Ставр, – над моим ухом раздался шёпот бывшего бога, и его ладонь прикрыла мне рот, – убери свой дурацкий нож и пошли со мной.

Я молча убрал клинок от его живота и сунул в ножны. Если тёмной ночью кто-то подкрадывается к вам незаметно, привычка бить первым – единственное, что способно спасти вам жизнь. Именно поэтому осторожный Эд сначала произнёс моё имя, а уж потом протянул руки.

Тем более что именно этот нож он давно пытался у меня выпросить. Простой клинок двусторонней заточки с клеймом Российского Императорского общества правильной охоты. Да, вы не ослышались. Я выкупил на украинских торгах нож самого Егора Самсонова из Тулы и предпочитаю его всем средневековым кинжалам или стилетам.

Да, простите, понимаю, что нарушил собственные принципы и общие положения устава граничар. Но что поделать, если именно этот охотничий

нож на голову превосходит все остальные? Пару раз я просто на спор стругал им хваленый индийский дамаск, неведь как попавший в наши северные земли.

Я тихо встал, продрал глаза, накинул плащ и, не задавая лишних вопросов, пошёл за дядей Эдиком. В общей жилой части избы было темно. Угли почти прогорели, давая равномерное тепло и едва заметный оранжевый отсвет. Мы вышли наружу.

Ещё не занимался рассвет, в воздухе висел хрустальный морозец, царапающий горло, вся деревня спала. Но один из наших ребят с арбалетом в руках скрючился под забором.

– Иди тихо, след в след, чтобы снег не хрустел.

Я кивнул, подчиняясь. Так делают северные волки, и охотники следуют их примеру. Арбалетчик молча поднял руку, подтверждая, что видит нас. Мы присели на корточки рядом с ним. Лицо парня было блее того же снега.

– Он ещё здесь? – шёпотом спросил Эд. Арбалетчик нервно кивнул. – Ставр, только не делай резких движений. Смотри...

Мы встали, осторожно заглядывая через верх забора.

Сначала я не заметил ничего особенного. Потом вдруг чёрная часть леса на фоне фиолетового неба дрогнула, словно вздыбив шерсть на холке. Я не сразу понял, какого размера зверь бесшумно двигается в предрассветной темноте.

Ростом с Центуриона? Куда там, он был вдвое выше моего маленького коня! Запах волчьей шерсти и дикого мёда неожиданно проявился в морозном воздухе. Руки опустились, грудь словно сдавливалось животным парализующим страхом. Этот хищник воздействовал даже не своим видом, а скорее страшным предвкушением оного.

Я чувствовал, как вяжущая тяжесть сковала руки, сердце перестало биться, беспомощно рухнув в живот, и от первобытного ужаса пещерного человека перед неумолимыми зубами Зверя кровь застыла в жилах.

– Это он? – едва шевеля губами, спросил я.

– Да. – Эд всё понял правильно, но, волнуясь за моё состояние, ещё и кивнул, и похлопал меня по щеке. – Ты просто забыл летописи асов, никто из них не говорил, что после рагнарёка он погибнет. Наоборот, сумерки богов изменили реальность, и даже сама Хель предпочла иметь древний ужас на своей стороне. Зверь поглощает миры, он пришёл сюда из-за Граней и не уйдёт без добычи.

– А мы должны были его остановить, – скорее мысленно, чем вслух, ответил я.

Бывший бог опять всё угадал, поэтому отрицательно помотал головой:

– Нет, Ставр, никто на всём свете ни тогда, ни сейчас не имеет силы, способной остановить Фенрира. Он воплощение животной Тьмы, истинной изнанки света, чёрная сила Ночи, сама праматерь Природа в своей дикой первобытной ипостаси. Куда ты хватаешься за кинжал? Кого ты хочешь насмешить, меня или его?!

Я не знаю. Я даже не был уверен, что готов к самозащите, если древний Зверь обернёт в нашу сторону красные, как кровавая луна, глаза. Дядя Эдик был прав, даже великий Один не смог устоять перед напором волка, а я отчаянно держался за рукоять старого самсоновского кинжала лишь с одной целью – не сойти с ума! Не упасть лицом в снег, не рыдать, умоляя его пощадить, потому что мне надо домой, у меня там дочь...

– Он ушёл, – тихо сказал часовой.

Мы с Эдом переглянулись. Над холодным лесом появилась тёплая розовая полоса, это рассвет. Что ж, будем считать, что мы выиграли одну ночь, хоть и нет никаких гарантий, что следующая не станет последней.

– Если только ты подумал о Хельге...

– Эд, заткнись. Я прекрасно отдаю себе отчёт в том, кто есть кто. Моя дочь никогда не встанет на пути Зверя. Даже её мать не сможет встать на его пути. Он вечен?

– Пока вечна сама Земля, – беззаботно пожал плечами кудрявый бог древних викингов, – никто не может победить природу, а он её проявление, по крайней мере, в одной ипостаси.

– Не в лучшей.

– Это смотря с какой стороны стоишь ты.

– Я стою рядом с тобой.

– Тогда да. И ты и я в заведомо проигрышном положении. Тем более что один сукин кот спрятал мой волшебный молот Мьёльнир в своём мире. В том самом, где я беспомощный завсегдатай психушечки-и!

– Не ори...

А собственно, почему? Великий волк ушёл, и хоть мы оба суеверно боимся называть его по имени, есть шанс, что он не услышит нас и не вернётся. Не то чтобы это имя было так ужасно опасно произнести, но в Гарри Поттере, например, тоже все всё знали, но не болтали зря...

Однако там сказка, а здесь жизнь. И этот Зверь, в отличие от безносого Волан-де-Морта, обладает хорошим слухом, отлично реагирует на звуки своего имени и, как правило, всегда оборачивается.

На данный момент это не в наших интересах. Мы ещё не готовы к драке. Да какого северного мха? Сугроб мне в лоб, мы будем готовы к ней

лишь после размещения в замке Кость стратегического ядерного оружия! Да и то не уверен, что это хоть как-то поможет.

– Ставр?

– Да?

– Ты побледнел.

– Я замёрз.

– Трусика зайка серенький...

Как вы понимаете, Эд в очередной раз нарвался, он такой, он иначе не может, за что и был дважды утоплен мной в ближайшем сугробе. Нет, никто ни на кого не обиделся, мы друзья, у нас свои суровые игры. Мужчины вообще такие затейники...

Молодой наёмник-арбалетчик из нашего замка в изумлении смотрел, как мы валяем друг друга в снегу, не решаясь встать на ту или иную сторону. Хотя вставать надо было на мою, это по-любому, я же ему плачу. Бывший бог если и изображал из себя героического берсерка с хлопьями пены у рта, то исключительно для вида, как всегда красуясь перед окружающими. В реальном бою он куда страшнее.

Мы оставили в той деревеньке наш конвой, предупредив старосту, что для него это большая честь – предоставить кров и стол четверым воинам своего нового господина. Кстати, опытный в таких делах старик реально выглядел вполне довольным.

Он-то прекрасно понимал, как ему свезло. Мы ничего у них не забрали, не потребовали деревенских парней на службу в замок, не тронули женщин, не пытались провести ревизию сараев и подвалов, а также перетрясти всю деревеньку на предмет пары лишних монеток в фонд благосостояния их любимого лорда.

– Это не значит, что тебе не придётся заняться этим на обратном пути, – сухо напомнил Эд уже за воротами. – Ты же отдаёшь себе отчёт в том, что если сейчас им предоставить полную волю, то в следующий раз крестьяне просто пошлют тебя лесом.

Я промолчал. Во-первых, потому что, само собой, понимаю, не дурак. Во-вторых, по совести говоря, вся эта крестьянская «самоуправляемость» в Средние века шикovala до первого серьёзного наезда со стороны. Инеистые великаны набегут, готы с серпами налетят, драконы урожай пожгут, и всё – народец сразу в крик: «Где ты, наш лорд-господин-защитник, обижают рабов твоих верных! Приди, заступись, а уж мы в ножки поклонимся...»

Так что правила незыблемы, за руку лорда, держащую меч, всегда приходится платить. От деревеньки до столицы мы добрались уже к обеду,

благо дороги были наезжены, не мы одни собирались на ярмарку. Королевский замок, слепленный из серого камня, относительно моего казался невысоким, более кряжистой архитектуры, без излишеств и украшений, но стоял на холме, а потому был виден на горизонте ещё издалека.

Вокруг располагались дома зажиточных горожан, купеческие подворья, кабаки, трактиры, постоянные дворы, шатры, прилавки, ну и подальше от центральной части уже загоны для скота. Сюда съезжается немало народу, не только жители ближайших деревень, но порой и заморские гости открывают здесь свои лавки. Пряности Востока идут едва ли не на вес золота, одновременно являясь и приправой к пище, и лекарством.

В большинстве стран сельскохозяйственные ярмарки проходят по осени, но в наших краях зима имеет тенденцию появляться неожиданно, ни у кого не спрашивая разрешения, зачастую уже в октябре – ноябре. Поэтому наша ярмарка всегда Снежная. Либо в ожидании снегопада, либо в честь первого снега, либо уже проходит в снегу. Ну а чаще по всем поводам сразу, поскольку торговля порой затягивается на пару недель.

Сама по себе столица с учётом ярмарки занимает площадь едва ли большую, чем ВДНХ в Москве. Для наших северных широт это жутко большой город. Но, должен признаться, я не особо люблю здесь появляться, и тому немало причин. Да что уж там, на одной из них в данный момент я сижу.

– Ярмарка, – заранее предупредил нас Центурион, высоко вздымая голову. – Друзья мои, напоминаю чисто из эгоистических соображений банальной безопасности, забудьте оба, что мы с Ребеккой разговариваем. Океюшки?

Мы с бывшим богом на секундочку припухли. Потом плюнули, мало ли чего этот начитанный жеребец нахватался из современной российской литературы, а читать ему в настоящее время таскают все, так что проще закрыть глаза.

– Ну что, лорд Белхорст Белый Волк? – На въезде передо мной раздвинули копья двое толстых вояк во главе со своим придиричивым командиром. – Тебя тут уже ждут. Ходят слухи, будто бы ты нечист на руку и якобы давным-давно украл здесь...

Словоохотливый начальник стражи замер, уставившись на топор бывшего бога, мгновенно прыгнувший в руку хозяина.

– Мы рады приветствовать вас и надеемся, что все недоразумения будут развеяны! Но если вы вдруг почувствовали обиду, то мы разом

вызовем ещё десяток ребят и...

– И что? – холодно спросил я, кладя ладонь на рукоять меча.

– И все вместе принесём вам свои извинения!

Я милостиво кивнул, опуская в протянутую руку старшего стражника пару золотых монет. Иногда это успешно решает многие проблемы.

– Должен признать, что выкрутился он профессионально, – шепнул мне дядя Эдик, проезжая через символические ворота на территорию народного торжища.

Ну и далее по бессмертному Гоголю... Чего только не было на ярмарке! Нет, ну по факту, конечно, очень многого не было (телевизоров, например), но это же не их вина.

Мы же, демонстративно не убирая рук с оружия, проскакали на огороженную низким, редким забором довольно большую (гектаров пять) площадь, где до наступления настоящих холодов все торговали всем!

То есть здесь можно было купить любые продукты, которые трудовое крестьянство сумело скрыть от жадных взглядов своих баронов и лордов. Подчёркиваю, именно купить, а не забрать силой. Такие рыцарские порывы порой имели место быть, но жёстко пресекались как стражами на ярмарке, так и добровольными народными дружинами из разряда всех прибывших.

Сами понимаете, если вы приехали торговать, то готовы заплатить за само обеспечение этой возможности. А раз вы заплатили, то право и закон на вашей стороне.

Поэтому традиционно на ярмарке вассальных разборок не затевали, это было чревато, также никто никого не доставал налоговыми или санитарными придирами. В конце концов, даже на гнилой и никому не нужный товар вдруг находились свои покупатели. К примеру, слегка подванивающее мясо, не первой свежести рыбу, овощи оптом загребали производители пирогов. Если всё смешать, поварить и засыпать перцем, то и не пахнет...

Учитывая все эти моменты, так называемая Снежная ярмарка была в чём-то сродни Олимпийским играм. Здесь прекращались любые скандалы и войны, а тех, кого это не устраивало, ожидало малоприятное вразумление со стороны суровой стражи с сопровождением в замковую тюрьму, так что особо буйные дураки, прущие против течения, вымерли ещё до моего появления на службе.

– Что ищем? – на всякий случай уточнил бывший бог, разворачивая белую андалузку. – Допустим, мы пойдём налево, ты направо, и, встретившись в центре, оба будем знать, есть тут что-либо нужное или нет.

– То есть ты подразумеваешь, что мы с Центурионом пойдём по линии

правой руки. Логично, – неуверенно ответил я, чтобы хоть что-то сказать.

Честно говоря, я и близко не знал, что ищу. Замену моему пажу Метью? Когда мы выезжали из замка, это казалось очень логичным и даже разумным решением. Но сейчас...

Хочу ли я реально найти себе нового пажа? Нет! Ох, мать моя белая медведица, да по совести, мне просто хотелось увидеть этого тощего романтика, спросить, как он тут, намекнуть, не хочет ли он написать письмо моей дочери, потому что Хельга... уф! Всё...

– Двигай, – приказал я Центуриону, мягко толкая его каблуками сапог.

В принципе, хватило и слов, но в общественных местах, когда нас могли увидеть люди инквизиции, общение с лошастью должно было соответствовать общим меркам. И так подозрительны поводья без железа, но тут уже на принцип шёл мой конь.

– Ставр, тебе достаточно просто попросить.

– Когда-нибудь тебя сожгут как говорящее животное!

– Сам ты это слово, – огрызнулся он, стараясь прикрывать морду длинной гривой. – Если что, я буду петь под пытками, как соловей, сдам всех, и Святой Церкви не останется ничего, кроме как спалить весь твой замок, а это никому не выгодно. Короче, мы в одном драккаре, и не фиг его раскачивать, как выражается твой кудрявый родственничек.

Я молча поднял плеть и врезал Центуриону промеж ушей. Конь в ярости взвился на дыбы, но сбросить меня не посмел, кругом были люди. И да, мы по-любому привлекли внимание, но то, которое было выгодно мне.

– Я потом отомщу.

– Таки лорд Белхорст ещё мало тебе врезал, – язвительно подмигнула Ребекка, делая вид, что хочет цапнуть моего болтуна за ухо белоснежными зубками. – Уйми уже наконец свой язык, пока мы не вернёмся домой, или я тебе ещё и от себя добавлю на мацу с хумусом!

– Эд, – обернулся я, – уводи свою красотку. Встретимся в кабаке «Золотая корона» через пару часов. Ты ищешь мне молодого, здорового, красивого пажа из приличной семьи, с хорошими манерами, приятным голосом, не похожего на Метью, без романтических закидонов, глаза голубые или зелёные, рост от ста восьмидесяти и выше, телосложение спортивное, все зубы свои, цвет волос...

– Ставр, я тут подумал, что тебе пора жениться, – почему-то краснея, пробормотал бывший бог, и они вместе со смущённой Ребеккой быстренько ушли вбок.

Я что-то не так сказал или меня можно было понять неправильно?

Бред какой-то, просто высказываю свои пожелания с учётом того, что новый молодой парень мог бы хоть как-то отвлечь мою дочь от всяких там... тьфу, самому противно...

Просто я дико не хочу быть хныкающим отцом, выдавшим замуж единственную дочь и получившим разрешение навещать внуков по выходным на полчаса.

И да, я прекрасно отдаю себе отчёт, что также не потерплю зятя в своём доме и вряд ли смогу быть тихим незаметным тестем в его квартире. Но что может быть для мужчины страшнее одиночества?

Я не Робинзон Крузо и точно сойду с ума до пятницы (или Пятницы!), так что кудрявый бог прав, мне нужно жениться. Или я всех тут задолбаю своими комплексами.

А шумная Снежная ярмарка бурлила вокруг нешуточными страстями.

– Благородный лорд, поймите же сострадание к старому лучнику, потерявшему оба глаза в битве у проклятого замка Кость, где мой отряд полёг весь до последнего человека, но вырвал из лап бунтовщиков молодого короля Метью Первого! Эй, ты куда пошёл, верзила на вороном коне? Ты будешь подавать слепому или нет?!

Во-первых, я не верзила. Во-вторых, он не слепой. В-третьих, нет, не буду, Седрик давно приучил меня давать вместо милостыни пинка! Только так: если ты хочешь, чтобы тебя уважали как феодала, поступай сообразно статусу. Центурион подо мной привычно сцепил зубы и, опустив голову ниже колен, честно обошёл по кругу всю ярмарку, тоже наслушавшись всякого.

– Милорд не хочет продать коня? Я дам лучшую цену! Никто не заплатит больше! А если вдруг ваш конь ещё и разговаривает, то инквизиция отвалит мне-э-э... уй...

Последний звук перешёл в невразумительный писк, когда Центурион молча опустил тяжёлое копыто на сапог торговца лошадьми, просто переместив вес. Мужчина пискнул, обмяк и потерял сознание, рухнув в сугроб.

Мы продолжили свой выход в свет, не зная, что на нас кое-кто уже обратил внимание. Возможно, я слишком привык к беспечности за надёжными стенами замка Кость. Тем более что разговоры и людской шум на Снежной ярмарке жутко напоминали сцены из какого-то лёгкого детективчика про милиционера, попавшего в русскую сказку.

– Благородный лорд не желает поразвлечься? А со мной? А со мной и конём благородного лорда? Нет?! Ну и развлекайтесь с конём без меня.

– Жертвуйте на церковь, да Бог любит вас! Он милосерден и всем всё

прощает. Но только не отказ в пожертвовании на церковь... жадный мерзавец в шкуре волка, чтоб ты сдох, чтоб черви выели твой мозг, чтоб твои кости в аду глодали демоны с огненными очами, чтоб... Бог любит вас, пожертвуйте на церковь!

– Десять золотых тому, кто укажет на Ставра Белхорста из Кости! Десять монет за Белого Волка! Лорд на вороном коне, не делайте такое изумлённое лицо, если не знаете его, так проходите мимо! Десять золотых за голову Ставра Белхорста!

То есть, если вы поняли, после такого сама ярмарка и поиск нового пажа перестали меня интересовать от слова «абсолютно». Я не знал, кому и зачем экстренно понадобилась моя голова, но оба вопроса априори не предполагали ничего хорошего.

В наших приграничных краях активный поиск кем-либо кого-либо не означает приглашение на кофе с печеньками. Как правило, смысл тут иной – тебя хотят найти и казнить! Чаше всего самым малоприятным образом. Ну там не через простое обезглавливание, а допустим, длительное четвертование, колесование, неторопливая посадка на кол или сожжение живьём на медленном огне!

Поэтому ни я, ни Центурион не рисковали заработать десять золотых.

– Слушай, Ставр, извини, если я был чрезмерно груб, – тихо, сквозь зубы, повинулся мой конь, едва не сбивая тощего длинноволосого мужика с лисьей мордой. – Не знаю, что на меня нашло, может, стресс накопился, нервная система шалит или я Мураками перечитал, а он депрессивный...

– Давай короче, люди кругом.

– Если короче, то я боюсь. Идём к нашим!

– Идём. Сколько я помню, здесь всего десяток кабаков, однако в кости играют лишь в одном.

– «Южный вестерн»?

– Нет, «Золотая корона», там принимают любую валюту. Тебе даже десяток овец в деньги конвертируют, и через пять минут получишь их полную стоимость хоть на севере, хоть на юге. Жульё, конечно, спору нет, но рынок под себя подмяли, и если наш Эд где-то играет, то только там.

– Погоди, разве он не ищет тебе нового пажа?

– Ага, щаз!

Я очень надеюсь, что никто и не подумал, что бывший бог озадачен моими проблемами больше, чем собственными? Вот и правильно. Дядя Эдик тот ещё эгоист, а уж имея возможность дотянуться шаловливыми ручками до костей, карт или домино, он душу продаст за выигрыш! Боги считают себя бессмертными, поэтому торгуются не глядя...

Искомый кабак мы нашли не сразу. Для этого пришлось пройти овощные ряды, четыре загона со скотом на убой, хлебный ряд, торговцев зерном, потом оружейников, пивоваров, продавцов тканей, и только после этого впереди замаячила вывеска с грубо нарисованной трёхзубой короной жёлтого цвета.

Да, это то самое место, откуда я дважды вытаскивал практически догола раздетого дядю Эдика и раз шесть он выходил сам, живой, счастливый, держа в обеих руках и в зубах по солидному мешочку золота. Так что ранее нам никогда не приходилось волноваться – бывший бог умел играть и выигрывать и проигрывать тоже. К чему это я?

А-а, к тому, что вот с его стороны сегодня я реально не ждал проблем. Тем более что у коновязи задумчиво стояла скромница Ребекка. Рядом с ней лежали три типа самой подозрительной наружности. Объединяло их одно – чёткий отпечаток подковы на лбу!

Что ж, наша девочка, когда надо, умеет постоять за себя, и те же цыгане многому её научили. Нет, не каким-то там цирковым трюкам и умениям. Просто после того, как её украл цыганский барон, нежная андалузская кобылка брыкается на голос, не оборачиваясь и не задавая глупых вопросов. Но кто бы её осудил?!

– Пожалуйста, постарайся по максимуму не увеличивать число трупов, – скорбно склонив голову перед чёрным конём, предупредил я. Спрыгнул с седла, бросил поводья в зубы Центуриону, пусть привяжет себя сам.

Вороной тряхнул густой гривой в знак согласия, изображая (чисто символически), что он тоже привязан рядом с Ребеккой. Они оба обмахнулись хвостами, выдохнули и вроде бы договорились обо всём, а мне ещё предстояло вытаскивать дядю Эдика.

– Мне пора, а если что, вы тут сами по ситуации, – тихо попросил я сладкую (или контрастную) парочку, мигом вставшую морда к морде, задними копытами к любым врагам.

Ну или кто там вдруг сочтёт себя таковым? Есть идиоты? Простите, я не в курсе, но, судя по так и не пришедшей в себя крайне подозрительной троице, они всё-таки имеют место быть. А раз есть одни, то это всегда искушение для других.

Хотя не факт, что выжившие после знакомства с задней ногой Ребекки не окажутся на небесах после того, как их проштемпелюет сам Центурион! Всё-таки у него удар втрое тяжелее, но, быть может, оно кому-то, наоборот, нравится?

Не поймите меня превратно, люди бывают всякие, есть и те, кого

заводит боль. Хотя лично я не знаю ни одного извращенца, который бы хоть на что-то возбудился, получив печать копыта чёрного коня с размаху прямо в лоб! Это же по-любому самая короткая дорога на кладбище...

– Чё надоть, бл... – вот именно так приветствовал меня хамоватый охранник у входа в кабак.

Я кротко выдохнул, собирая всю силу воли, чтоб не убить его на месте.

И представьте себе, как изменился его голос, когда я на широком взмахе остановил свой меч у его гортани.

– Упс, мы... э-э... рады вас... с конём видеть... благородный... чтоб вас... благородный лорд... милорд... ваше высокопревосходительство, да хоть сам король... тока не... Мы ждали вас, лорд Белхорст Белый Волк! Вот прямо так уж и ждали-и...

– Принято, – подтвердил я, бросая ему мелкую монетку. – На всякий случай попрошу ни при каких условиях не трогать моих лошадей. Это чревато...

– Ну как вы могли подумать, мой лорд, – тут же отступил мордоворот, охраняющий дверь. – Всем, кто с деньгами, у нас очень рады!

Оба наших скакуна дружно кивнули. Будут ждать терпеливо и молча. За Центуриона, конечно, не ручаюсь, но Ребекка умела прикусить язычок, когда надо. Я толкнул дверь кабака и пригнул голову, входя в злачное заведение. Ох, в носшибанул запах кислого мужского пота, дешёвого пойла, гари и зловония...

– Есть, пить, играть? – подкатился ко мне слева тощий, как спиннер, косоглазый тип с рыжими патлами и безумным взглядом. Лисья морда?

Сначала я прошёл до свободного места в углу, потом молча достал из кармана серебряную монету, прижал к губам и положил на грязную столешницу. Она исчезла в тот же момент, вместо неё буквально через минуту появились шкварчащая сковородочка тушёной свинины (или крысиного мяса, кто там разберёт?) с варёными овощами и кружкой тёмного пива, судя по запаху, настоящий стаут какой-нибудь псевдоирландской варки.

Лично меня бы никто не заставил это пить даже под угрозой кастрации бензопилой на месте, но невесть откуда подскочивший Эд воодушевлённо перехватил мою кружку, выхлестав пиво в один присест! Буквально как материнское молоко, не поморщившись, не срыгнув и не покривившись.

– Ставр, ты должен мне помочь!

Он схватил меня за рукав, силой утаскивая в дальний угол, где за большим столом вовсю шла игра.

– Га-а! Да у нас тут ещё один благородный лорд! – взревело пьяное

сборище, стоило нам протиснуться поближе. – А нет ли у него лишней монетки? Проверить бы надо...

Не дожидаясь худшего, я поймал самого болтливого за воротник, пару раз приложил его носом об стол, приподнял и швырнул им (наглецом, а не его носом. Или правильнее – наглецом с разбитым носом!) в толпу веселящихся.

Всё сработало.

– Парни, освободите место благородному господину!

В дикие Средние века любой, кто мог хотя бы дать сдачи, уже считался человеком, достойным уважения, а кто набил морду, тот и лорд! Первое время меня это бесило, потом привык.

– Что будешь ставить, кудряшка?

Это не ко мне, это к дяде Эдику. Который, как вы понимаете, успел не только набраться, но и, похоже, ещё и проиграться вчистую.

– Ставр, у тебя есть деньги? Я верну, честное божественное, ты же меня знаешь.

– Знаю, поэтому не дам ни копейки. Попрощайся с уважаемым обществом, мы уходим.

– Я не могу, я им должен.

– Уверен, мы сумеем договориться. Иди к Ребекке и жди.

– Её я тоже проиграл. – Эд покаянно опустил светлую голову. – И меч, и топор, и пояс, и плащ, и носки. У меня сапоги на босу ногу.

– Тебя обнять и поплакать?!

– Купи мне ещё пива. Потом дай денег на отыгрыш и отойди.

Я молча огляделся по сторонам. Кругом сплошь уголовные морды, надеяться на чью-либо помощь или порядочность не приходится. В «Золотой короне» все законы тоже выбиты зубами должников на могильном камне, проиграл – плати или умри. Звания и титулы тут не в чести, все равны, за карточным столом царит истинная демократия.

Ещё раз глянув на простодушные рожи прожжённых шулеров, я кротко сунул руку за пазуху, доставая свой кошелёк. Всё складывалось не так, не за этим мы сюда приехали, всё неправильно, не по плану... уф...

– Хорошо, я в игре.

– Ставр, ты не понимаешь, это тебе не ставки на Мешке.ру, – печально заныл бывший бог, но был мгновенно оттеснён от стола.

– Кости, карты, домино? – учтиво поклонились мне местные завсегдатаи.

Я знал, что у них по-любому невозможно выиграть, но ведь иногда можно просто схитрить.

– Пива всем! – громко потребовал я. – Играем в кости три броска. Первый за вещи этого идиота...

Жулики гнусно рассмеялись, переглянулись и кивнули:

– По рукам, лорд в волчьей шкуре. Проверишь кости?

– Я привык доверять тем, с кем сажусь за игровой стол.

Ну, как вы понимаете, все резко стали жутко милыми, вежливыми и предупредительными. Первым броском я отыграл оружие и плащ Эда. Кто бы сомневался, верно? Вторым вернул ему Ребекку. Третьей ставкой был мой кошелек... И вот тут началось самое интересное.

– Две шестёрки против двух шестёрок. Ничья! – радостно осклабился тощий тип с лисьей мордой и длинными сальными волосами, закрывающими ему глаза. – Предлагаю повышать ставки до тех пор, пока одна не превысит другую.

– Ох нет, нет, – делано запаниковал его рябой сосед, заламывая руки. – Он же благородный лорд, у него наверняка в сто раз больше денег с собой, чем у всех нас, вместе взятых. Он так выиграет!

– Я тоже против.

На миг повисла тишина. Шулеры попались в свою же ловушку.

– Повышение ставок слишком скучно и долго. Предлагаю просто отдать выигрыш сильнейшему. Кто поборет на руках моего тощего приятеля-кудряшку, того и кошелек с золотом?

– Да-а!!! – хором взревели все.

Вот тут уже я управлял ситуацией: невысокий стройный Эд только выглядит обманчиво слабым, а на деле он в одиночку уложил столько инеистых великанов, что со счета собьёшься. И, посмотрев в его круглые счастливые глаза, я молча подмигнул: да, всё правильно, отведи душу, родственничек, твоя очередь.

Бывший бог, кусая губы, чтобы не выдать себя улыбкой, присел за стол и, опершись на локоть, поднял вверх узкую ладонь.

– Благородный лорд конечно же не будет против, если и мы выставим своего бойца, – самым елейным голоском пропело трио шулеров. Лисья морда подмигнул, и...

За их спинами возникло нечто среднее между бэтээром и платяным шкафом. Даже пол трещал под шагами этого гиганта. Я милостиво кивнул, почему бы и нет, лично мне-то какая разница.

– Итак, чья рука первой коснётся стола, тот проиграл?

Стройный Эд безропотно позволил своей ладони утонуть в лопатообразной руке противника и, как только дали отмашку, врезал ногой под столом гиганту прямо по... Короче, всё гнездо в скорлупу и оmlет!

Несчастный вздрогнул, выпучив свинячьи глазки, а бывший бог одним движением положил его руку.

Пользуясь секундным замешательством, я молча убрал кошелек за пазуху и широко улыбнулся всем.

– Приятно иметь с вами дело, господа! Мы непременно зайдём ещё как-нибудь при случае. Но лучше вы к нам, у нас чудесные стены и опытные арбалетчики, которых вы просто осчастливите возможностью попрактиковаться в стрельбе.

После чего началось нежеланное, но ожидаемое...

– Бей их!

А что, кто-то всерьёз рассчитывал на иное разрешение ситуации? Так нет, дамы и господа, мы в диком Средневековье, у нас без тумачков, как без пряников, день прожит даром, и как маме в глаза смотреть?

– Спина к спине! – успел крикнуть Эд, прежде чем понеслось.

Вы уже поняли, почему я полез в эту авантюру с игрой в кости, главное было вернуть кудрявому богу его оружие и доспех. Он и так прекрасно стоит за себя в любой кабацкой драке, но с мечом в руках воистину непобедим. В своё время, дай ему Один чуть больше самостоятельности и воли, не сомневайтесь, он бы отстоял Асгард!

– Слева! – предупредил бывший бог, и я, не глядя, отмахнулся табуретом в левую сторону, вынося кому-то там половину оставшихся зубов.

– Справа! – рявкнул я, и дядя моей дочери успел присесть, когда чей-то тяжёлый двухлезвийный топор просвистел над его головой.

Махач был реальный и вёлся всеми по существу. На нашу сторону встало проигрывающее меньшинство, на противоположной стороне фронта сгрудились прожжённые шулеры, аферисты, жульё и их телохранители. Мы с Эдом пока не хватались за оружие, но отдавали себе отчёт, что это всего лишь вопрос времени. Лично мне не хотелось заливать тут всё кровью, не за этим пришёл.

С другой стороны, я не на своей земле, здесь иные законы, и, несмотря на то что в замке на троне сидит мой бывший паж, по всей ярмарке почему-то озвучивают весьма нехилую сумму за голову лорда Белхорста. То есть мою!

Кому, интересно, она так срочно понадобилась: Метью, что ли? Скользкий тип, после того как он имел наглость влюбиться в мою дочь, я перестал ему доверять.

И вообще, как можно было быть таким неблагодарным и самонадеянным, чтобы подкатывать к скромной Хельге? К единственной

дочери твоего господина?! И только потому, что потом этот худосочный шкет оказался самым что ни на есть королём, я обязан его понять-простить-поклониться в ножки и пыль с его сапог целовать?!

– Не дождётесь, сукины дети! – уже в полный голос взревел я, расшибая последнюю целую скамью о дубовую голову очередного представителя организованной преступной группировки.

Когда очень надо, я умею драться, уж поверьте на слово.

– Эд, никого не убивай! Им-то пофиг, а нам потом хоронить.

Впрочем, докричаться до бывшего северного бога во время кабацкой драки было не проще, чем остановить ревущего бизона или поющего Кобзона. Он прыгал на два метра вверх, бил ногами в шпагате, переворачивал столы, выплёскивал пиво в лицо, разбивал глиняные кружки о головы, крошил табуретки о спины и пел!

Он любит петь, когда выпьет, и любит драться под рифмованный текст. Иногда это длинные оды, иногда такие вот скороговорки:

Драккару в нос влетел драккар!
И чтоб избегнуть божьих кар –
Держись, драккар, держи удар!
А ворон Одина: «Карр, карр,
Прропал драккар!
Прройду в пивбарр...»

Концовочка явно пришла не из Старшей Эдды, но дядя Хельги у нас вообще творческая натура, ему всё можно.

Я бы тоже хоть иногда хотел бы так рифмовать, но мне не дано. У меня другие таланты, я дерусь молча, не так эффектно, но от этого не менее эффективно. Мне некогда отвечать на риторические вопросы типа: «Ты чё, ваще?» или «А меня-то за что?!» Я просто бью, вкладывая в кулак всю силу и ярость. Причём желательно не более одного-двух ударов на противника, потому что их всегда больше, чем нас. Подчёркиваю: не, как правило, больше, а ВСЕГДА.

– Ставр, сзади!

Я успел прикрыться плащом, и чей-то нож прошёлся по белому волчьему меху вскользь. Идиоты, эту шкуру и прямым ударом пробить очень сложно, а уж на режущем взмахе...

Вот вам за это в ухо и по зубам! Кажется, я разодрал костяшки правой руки в кровь, главное, чтоб потом какая-нибудь инфекция не попала,

а так...

– Ставр, сзади!

– Издеваешься?!

– С другого сзади!

Я успел обернуться ровно за тем, чтобы получить тяжёлый удар поленом в лоб. Брызнули искры синие и зелёные. Кажется, оранжевые тоже были, но это не так важно, потому что потом рухнула темнота...

Из разгромленного кабака меня вывел наш Капитан, надо признать, он ещё крепкий старик и умеет появляться в нужном месте в нужное время. Мы с ним сели прямо в снег у коновязи, вблизи изумлённых морд Центуриона и Ребекки.

– Заигрался ты, боярин! Ох и заигрался, зачудил, задурманил себе голову!

– Ничего подобного, я не... это из-за Эда, потому что... Короче, в чём проблема?! Извинился, оплатил битую посуду, добавил пару золотых хозяину, все довольны.

– А твоя дочь, юница Хельга, знает, где ты?

– Нет, – призадумался я, потирая лоб, шишка, наверное, здоровущая будет. – Она была в школе, а Эд всегда может подкорректировать время нашего возвращения, он же бог.

– Он тебе не помощник.

– Почему?

– Потому что сидит в соседней камере, – вздохнул мой шеф. – Ты же не всерьёз поверил, что я бегаю за каждым граничаром, вызволяя из тюрьмы очередного пьяницу или дебошира. Я всего лишь тебе снюсь...

Кажется, меня подбросило на месте от собственного крика! Да, Капитан не обманул, это действительно был полуобморочный сон, потому что я и близко не помнил, кто и когда затащил меня в холодный подвал, бросил на прелую солому в вонючем каменном мешке с единственным оконцем под потолком, в которое не пролезла бы и кошка.

Но хуже всего, что мои руки и ноги были скованы железом. Ненавижу это долбаное Средневековье, требую адвоката и чашечку кофе!

– Эй, есть тут кто-нибудь?

Если я ожидал, что в ответ дружно раскроет рот хор Пятницкого, то очень зря. Мне ответило лишь эхо. И то вяло, как будто нехотя. Что, если подумать, тоже не так уж совсем плохо.

– Раз есть эхо, то вокруг полно свободных помещений, а пустующая тюрьма свидетельствует о милостивом и человеколюбивом характере нашего молодого короля. Он нас простит и выпустит, правда?

Мне никто не ответил, даже мыши. И не потому, что их здесь не было, просто они ни на грош не верили моим наивным словам, а может, даже втихую потешались надо мной, держась за животики у себя в соломе.

– Ставр... – слабо донеслось из-за каменной стенки.

– Кто это там? – прекрасно зная ответ, зачем-то спросил я. – Эд, Эд, что за дела? Неужели и тебя повязали, как котёнка.

– Неправда, я бился, словно яростный берсерк после двух горстей мухоморов! Задница Одинова, да я превратил этот кабак в труху и развалины, я сплясал на их костях, и, только после того, как они вызвали трёх хитрецов-магов, которые посоветовали лить мне под ноги тюлений жир, им удалось повязать меня павшего! Но представляешь, какие они теперь все жирные и противные, фэ-э...

Суду всё ясно. Мы оба в плену, мы не вернёмся вовремя, Хельга впадёт в панику, но даже если она сама пойдёт искать нас в замке Кость, то всё равно не найдёт. Ибо мы в дне пути от замка, на Снежной ярмарке в столице, а по факту сидим в подвале королевского замка. Других тут всё равно нет, так что гадай не гадай, без особых вариантов.

– Знаешь, сукин ты кот, – задумчиво обратился я к стенке, – не то чтобы мне в первый раз доводилось сидеть в тюрьмах, но, если мы не сбежим до возвращения Хельги из школы или нас казнят ещё раньше, я на неделю запрещаю тебе мультики.

– И даже «Смешариков»?! – ужаснулись с той стороны.

– Да, да, особенно «Смешариков»! Хельга давно говорила мне, что ты странно посматриваешь на Ньюшу.

– На свинью или певицу?

– Тебе, похоже, без разницы.

В ответ он пнул стену головой так, что известь посыпалась. С моей стороны. С его раздался лишь яростный рык, глухой звук удара и... тишина. Видимо, ретивого бодания с каменной тюрьмой даже его божественный лоб не выдерживает.

Однако наша перепалка имела свой смысл, потому что буквально через минуту слышались шаги, скрежет отодвигаемого засова, и в мою камеру шагнули двое стражников с факелами. Следом за ними шагнул невысокий, похожий на хорька человек в чёрной сутане с капюшоном.

– Мир вам, лорд Белхорст. Вижу, вы не узнаете вашего скромного слугу.

Если и не узнал с первого взгляда, то после его сладких речей, голоса, более всего напоминающего противный скрежет чем-нибудь резиновым по стеклу, сомнений не осталось. Наше вам с кисточкой, мать святая

инквизиция...

– Давно не виделись, отец Лоренцо. И не могу признаться, что скучал.

– Вы шутник, Белый Волк, – милостиво улыбнулся этот скользкий мерзавец. – Возможно, в нашу прошлую встречу мы просто не поняли друг друга.

– Это когда вы пытались захватить мой замок?

– О нет! Как вы могли подумать такое?! Мы всего лишь пытались перевести его под защиту и покровительство духовного меча Святой нашей Церкви! Вас так долго не было, а кругом сплошные враги!

– С внешними врагами отлично справлялся мой гарнизон, а вот враги внутренние... От предательства никто не застрахован, верно?

– Э-э, страшное слово... застр... стрих... и что?

– Чёрт.

– Не богохульствуйте!

В тот же миг оба стражника схватились за мечи.

Я скорбно вздохнул, опуская голову.

– Господи, с кем я спорю и о чём? Дай мне смирения, терпения и кротости. Короче, чего надо?

– Подпишите бумагу о том, что вы признаёте себя виновным в происках против истинной веры и всего христианского мира. Вы полны раскаяния, жертвуете святой инквизиции ваш замок и земли и нижайше умоляете разрешить вам отправиться босым, в рубище, в самый дальний монастырь, где до конца жизни обязуетесь молить Бога Милосердного о прощении ваших грехов.

– Пошёл в пень!

– Быть может, вы измените своё мнение, если узнаете, что в противном случае ваш друг, сэр Эд из соседней камеры, будет казнён уже утром за страшные преступления против Церкви!

– Какие же? – съязвил я, хотя в животе похолодело.

– Он при свидетелях утверждал, что является истинным богом Севера! Что ему поклонялись асы, ваны, викинги, норманны, даны и готы! Но всем известно, что нет и не может быть иного Бога, кроме Господа нашего Всевышнего!

Я до крови закусил нижнюю губу. Этот идиот, игроман, болтун и хвастун в лучших традициях апачи и сиу сдал нас по полной, одновременно связав по рукам и ногам.

Да он везде, где только может, треплется о своём божественном происхождении.

Да из-за его болтливости языка я уже раз сто влипал в кучу нехороших

ситуаций.

Да и в этот раз я буду вынужден сделать всё, чтобы спасти его шею от петли или плахи, потому что он единственный дядя моей дочери, а её мать (любвеобильная в своей тяге к кладбищам дама!) всё равно никогда мне не простит, если с ним хоть что-нибудь случится. В общем, какого северного мха, я веду эти пустые разговоры...

– Где поставить подпись?

– Вот здесь, лорд Белхорст. – Старый пройдоха мигом подsunул мне заполненный мелкими буквами лист и сам обмакнул перо в чернильницу.

– Вы гарантируете свободу моему другу и обеспечите мне беспрепятственную дорогу в монастырь?

– Подписывайте, подписывайте.

– Вы не ответили.

– Ох, лорд Белхорст, если бы всё было в моей власти, – делано вздохнул отец Лоренцо, заламывая руки. – Ваше дело будет рассматривать Святейший суд инквизиции. От себя могу лишь дать слово, что они управятся в три дня, а до этого ни с вами, ни с вашим другом ничего не случится. Но если вы не подпишете эту бумагу, то я не могу ручаться и за один час! Говорят, в этих страшных подземельях с пленниками происходят жуткие, неподвластные человеческому разуму вещи...

Я молча принял перо и поставил витиеватую роспись лорда Ставра Белхорста по прозвищу Белый Волк.

– А вы умный человек, – с непередаваемой смесью удивления и уважения протянул старый инквизитор. – Отдыхайте и думайте о своей душе. Уверен, что уже через несколько дней вы получите ответ от суда, праведного, милостивого и справедливого!

Я тронут. Значит, у нас с Эдом есть шанс дожить хотя бы до послезавтра. Раньше нас не прикончат, им же необходимы доказательства добровольной передачи замка Кость его прежним владельцем в тёплые ладошки улыбчивого епископата. Но времени всё равно так мало...

– Ставр, ты идиот. Я всё слышал.

– Сам знаю. А что, у меня были варианты поторговаться?

– Ты мог бы предложить им... э-э... ну...

– Вот именно. Засунь свой длинный язык в одно место и молчи.

– Почему?

– Да потому что из-за тебя мы тут оказались!

Эд, похоже, надулся. Нет, язык никуда совать не стал, в этом я уверен, но надулся стопроцентно, к гадалке не ходи. Как бывший бог, он абсолютно уверен в своей полной непогрешимости и склонен любое своё деяние

считать скорее божественным откровением, чем ошибкой любого рода. Вы хоть когда-нибудь слышали, чтобы дядя Эдик извинялся?! Да никогда, нипочём и ни за что на свете!

Ну вот, в таких реалиях примерно мы и живём, причём каждый день. Это вам не кирпич на крышу обнаглевшего «Гелендвагена», это не по-детски, тут на Севере все люди серьёзные. Значит, нас всё равно казнят. Ну и ладно...

Спустя час-полтора после того, как все ушли (я даже задремать успел), дверной засов был... нет, не сдвинут, а, судя по хриплому лязгу, выдернут из двери с ботвой!

– Здравствуй, лапка.

– Привет, па. – В камеру шагнула чёрная тень, но я знал, кто это и зачем она появилась.

– Ты должна была сидеть дома и ждать.

– Чего? Пока тебя здесь четвертуют и сожгут? – Тонкие пальчики моей дочери на раз порвали железные кандалы, словно гнилую нитку.

– В первый раз, что ли?

– Ты... ты... нельзя было меня оставлять одну!

– Милая, – я обнял всхлипывающую дочь, – мне и в страшном сне такое бы не приснилось. Это твой любимый дядя Эдик влез обеими ногами в тюлений жир, кстати, не образно выражаясь, но раз пошла такая пьянка...

– Я его убью!

– Не надо! – В дверях моей камеры появился бледный Эд. – Я виноват, быть может, это не факт, но вдруг, короче, мы же родня?! Так примите меня таким как есть.

– Седрик! – возвысил голос я, только сейчас заметив массивную фигуру за спиной Хельги.

– Вы уверены, что это я, сир?

– Нет, это ёжик в тумане встретил мою дочь в замке, рассказал ей, куда мы направились, и по её приказу бросился следом! Сколько с вами бойцов?

– Неужели для захвата замка вам действительно мало меня, миледи Хельги, сэра Эда и ваших лошадей? – не поверил бывший участник трёх Крестовых походов.

Истинная правда, я до сих пор не представляю себе, когда он говорит серьёзно, а когда издевается. Примерно через полчаса мы были на свободе.

Все (!!!), подчёркиваю это слово, стражники, охранники, часовые валялись в полной отключке, не шевеля и усом, пока мы, пройдя коридорами, не выбрались к маленькой калитке у ворот. Наши бдительные лошади честно ждали в ночи, чёрный Центурион прикрывал белую

андалузку.

– Па, извини, если я неделю вела себя как истеричная ботанка, – на ухо повинилась мне моя горячая дочь северной крови (уже оксюморон!). – Но сейчас я пойду с тобой до конца, и пусть они все горят в аду, дьявольские отродья!

Это её боевой клич ещё от мамы, с трёхлетнего возраста, когда она впервые надавала по соплям мальчикам в детском саду. Ну чтоб вы поняли, мы сменили четыре садика, и только в одном из них хоть как-то жаловались дети. В трёх других она на эмоциях и стрессе серьёзно покалечила парочку суровых воспитательниц коммунистической закалки, пытавшихся ни за что поставить её в угол. Один раз вызвали меня, два раза машину «скорой помощи».

– Это ведь всё из-за Метью. Я дура, па?

– Ты моя самая любимая дочка.

– Потому что других нет?

– Потому что тебя я люблю больше жизни, – честно признался я, обнимая её за плечи.

Хельга всхлипнула и уткнулась носом мне в грудь.

– Тебя так долго не было, ты даже записки не оставил. Я плюнула на всё и пошла в замок Кость. А там твой грозный Седрик пытался юлить, но быстро сдался, стоило мне заплакать. Все мужчины такие доверчивые?

– Нет, только я, Седрик и Эд, ещё Центурион, ну и остальные, – почесав в затылке, признался я. – Пойдём, милая.

– Домой? – радостно обернулся бывший бог, бросаясь к своей кобыле.

– Нет, – хищно ухмыльнулся я. – Мне тут пришлось ради кое-кого кое-что подписать, так вот я бы хотел вернуть этот документ обратно.

– Сир?

– Увы, Седрик. Вы заберёте сэра Эда, сядете на коней и будете в полной готовности ждать нас на выходе. Со мной пойдёт только моя дочь.

Пока дядя Эдик орал на меня благим матом, используя все известные ему северные проклятия, Хельга впервые за последнее время посмотрела мне глаза в глаза, не скрывая своего изумления.

– Папуль, ты... ты серьёзно? Ты мне доверяешь?

– Ты – дочь своей матери и своего отца, в тебе горячая кровь граничар и ледяная ярость самой Смерти. Кому я ещё могу доверять?!

Хельга бросилась мне на шею с таким пылом, что едва не сломала её. Четверть минуты мы постояли в обнимку, а потом выдохнули и, оставив наших за калиткой, прошли через двор, вновь шагнув в освещённые факелами коридоры королевского замка.

Естественно, я и близко не представлял, в каком крыле поселился отец Лоренцо. Но в принципе практически все средневековые замки строились по одному образцу, и если вы посетили хотя бы три из них – смело считайте, что обошли все!

Ориентируясь по запаху, я на раз-два без ошибок вывел нас на кухню, где пришлось слегка притопить громкого повара в чане с сегодняшним супом (ну, его откачают повара), чтобы выбраться через склад продуктов к винтовой лестнице на второй этаж.

Там мы вообще шли под ручку, никого не стесняясь и улыбаясь каждому встречному, потому что я (чтоб вас всех!) настоящий лорд, а Хельга в своём средневековом платье, отделанном мехом и жемчугами, выглядела заезжей баронессой с Севера.

Встречающие нас, невзирая на ночное время, пажи чинно кланялись, стражники и часовые сурово салютовали мечами и копьями. Нужные покои мы нашли не сразу, но нам подсказали. Достаточно было поймать за углом первого же высокомерного слугу с пустым подносом в руках, приложить его затылком о стену и, угрожая засунуть ему тот же поднос, свёрнутый трубочкой, в...

Короче, самонадеянный хмырь в разноцветном трико сдал нам всех с потрохами. Причём отца Лоренцо с особым эстетическим наслаждением! Похоже, нам и угрожать-то парню не было особой нужды, достаточно было лишь просьбы – пальцем показать, где тут бурая инквизиция ночует. Ага, вот здесь. Спасибо, все свободны.

Мы на полсекундочки задержались у крепких дубовых дверей с прибитым к ним святым распятием. Прислушавшись к шорохам внутри, я понял, что пора, и подмигнул Хельге. Она высоко подняла подол, один удар девичьей ножки – и дубовые щепки брызнули во все стороны. Уцелевшая половинка двери со скрипом покачивалась на петлях.

Нам открылась крохотная комнатка, заваленная мехами и сундучками, как я полагаю, с золотом. Посередине на табуреточке, задрав ряску, сидел святой отец и парил ноги в медном тазу.

– Сидите, сидите, пожалуйста, мы ненадолго, – сразу предупредил я, шагая вперёд. – Где та бумага, что мы с вами подписали?

– Э-э, её уже нет, вы не смеете сюда врываться... А-а-а-ай!!!!!!

По моему знаку Хельга, не задумываясь, вылила весь кипяток из стоящего на полу кувшинчика прямо в таз.

– Служителю церкви не пристало лгать, – наставительно заметил я, быстро проверяя все сумки и практически сразу найдя нужный документ.

– Вы убить меня хотите, безбожники-и?!

– Обижаете, святой отец. Мы хотим вас накормить вот этим и напоить, если хоть раз поперхнётесь. Прямо из этого же таза. Жри бумагу, сволочь!

Глянув в мои безумные глаза, тощий хорёк инквизиции решил не искушать судьбу. Договор о передаче моего замка церкви был съеден меньше чем за минуту.

– Мы уходим, – кивнул я Хельге. – Что-нибудь хочешь сказать дяденьке на прощанье?

– Гореть тебе в аду, дьявольское отродье! – выпалила моя дочь, выдернула таз с горячей водой из-под ног сытого священника, надела на его же голову и гордо вышла из комнаты.

Мокрый отец Лоренцо с красными гусиными лапками и медным тазом на голове был жутко похож на кардинала Ришелье, стоящего в парящей луже.

– Куда бежим?

– Не знаю, но орать он начнёт через...

– Граби-те-ли-и, во-о-оры, стра-а-жа-а-а, сюда-а-а-а!!!

На стражников мы наткнулись за первым же поворотом.

– Что случилось, лорд, миледи?

– Отец Лоренцо потерял правый носок у себя в покоях, – равнодушно зевнул я, прикрывая плечом хихикающую дочь. – Поспешите, пока он не разбудил весь замок!

– Старый дурак, – с чувством выдохнули стражники.

– Не могу не согласиться, но тсс... всё-таки за ним мать инквизиция!

Мы все понимающе хмыкнули и разошлись. В этом тоже есть своеобразный плюс Средневековья: если ты одет как благородный лорд, то никто и нипочём не посмеет заподозрить в тебе мелкого хулигана или вора.

– Папуль, а мне тут нравится. Может, мы ещё на кого-нибудь нападём или что-нибудь поломаем?

– Лапка моя, ты говоришь, как твой драгоценный дядя Эдик. Нет, мы ничем таким заниматься не будем, во-первых, нас сюда вообще не приглашали, а во-вторых...

– Как это не приглашали? – искренне возмутилась Хельга. – А записка?!

– Какая ещё...

– Вот, от Метью! – Она похлопала себя по платью в поисках кармана, потом один раз по лбу и, сунув руку по локоть в декольте (я отвернулся), достала сложенный вчетверо лист бумаги.

Я развернул...

– «Хельга, любовь моя! Прошу вас передать лорду Белхорсту, уважаемому отцу вашему, о том, что меня хотят убить. Всегда вам преданный и верный рыцарь, король Метью Первый», – тупо вслух прочёл я и закатил глаза.

– Вот видишь! Мы должны ему помочь!

– Милая, тебя ни разу не удивило, что эта записка написана шариковой авторучкой на вырванном из школьной тетради листке в клеточку?!!

– Что ты кричишь? – удивилась она.

– А какого северного мха ты у меня такая... наивная?!

– Мне Десик передал, – опустив бровки, хлюпнула носом моя чрезмерно доверчивая дочь. – Не мог же он меня обмануть, правда?

– О да. – Я плюнул на всё и обнял её за плечи. – Конечно, цверги, милые и пушистые зайчики, всегда держат слово, никого не обманывают и никогда нипочём не предадут. Ты это хотела от меня услышать?

– Ну... вроде как...

– Найдите лорда Белхорста с девчонкой!!! – неожиданно взлетело над сводами замка. Хотя как сказать «неожиданно», для кого, для меня?

Нет, я опытный граничар и прекрасно знаю, когда надо делать ноги. То, что нас до сих пор не схопали, это лишь элемент божественного дурачества, не более. Мы бросились вперёд, держась за руки, словно первоклашки (ну, правильнее – как заботливый папа, ведущий дочь в первый класс), и удирая по широкому коридору.

Он вывел нас в небольшой зал, увешанный охотничьими трофеями. В углу горел камин, на стенах висели шкуры и оружие. Пару клинков я бы точно прихватил с собой, будь у нас лишнее время. Антикварные вещи, редкая работа по серебру.

– Здесь балкон, если спрыгнем, то попадём на крепостную стену, – прикинул я, быстро осматривая помещение. – Давай, лапка, я тебя подержу.

– А что мы будем делать там на стене?

– Позовём наших!

Она послушно кивнула, отважно перелезая через каменные перила балкона. Я взял её за запястья и спустил вниз.

– Прыгай. Не бойся, там от силы метра два.

Хельга прыгнула. Не очень элегантно приземлившись на задницу, но вполне себе удачно в целом.

– Упс... отбила всё, что могла, – честно призналась она, махая мне снизу. – Но всё в порядке, па, ты прыгай, я тебя поймаю.

– Сначала позови Эда или Седрика!

Я обернулся на едва слышимый шорох за спиной. Двое стражников

уже занесли алебарды, но, поверьте, в узком пространстве комнаты это не лучшее оружие. Я легко поднырнул под удар слева, врезал ногой в грудь тому, что справа, и ещё в три удара отправил обоих в нокаут. Только тогда из-за медвежьей шкуры у камина высунулось знакомое бледное лицо.

– Мой лорд...

– Метью? – не поверил я своим глазам. – Ты-то что тут делаешь, твоё, блин, королевское величество?

– Бегите, лорд Белхорст, они убьют вас.

– Кто? – постарался как можно самоуверенней хмыкнуть я. – Ты здесь король, а кто смеет идти против воли своего монарха? Отец Лоренцо? Да плюнь ему в рожу.

– Он меньшая из моих проблем, – признался мой бывший паж, осторожно выходя в центр комнаты. – Они хотят забрать у вас всё: замок, земли, вашу дочь миледи Хельгу. Я не подписал их требования и не скрепил королевской печатью. – Метью задрал рукав, демонстрируя ожоги на запястье левой руки.

Мать твою Снегурочку на печку, да что же здесь творится?

– Бегите, они идут. Я задержу их, сир!

– Не смей пародировать Седрика, – успел сказать я, бросившись с балкона едва ли не головой вниз. Каким-то чудом меня перевернуло в воздухе, и упал я на бок. Больно-о...

– Здесь никого нет! – нарочито громко раздалось сверху, а потом над перилами появилась выразительная физиономия нового короля. – Спасите меня, мой лорд, – одними губами прошептал он.

Я откатился в сторону, так, чтобы меня не было видно. Хельги на стене, кстати, тоже уже не было, но откуда-то слева раздался тихий свист. Я пополз на него и, свесившись меж зубов крепостной стены, увидел внизу наших.

Слава Одину, все были в сборе. Седрик, Хельга и Эд скрестили руки в «корзину», я мысленно проклял Метью со всеми его проблемами и, зажмурив глаза, прыгнул (упал, это вернее) вниз. Высота метров пять, если бы не Хельга...

– Па, я тебя держу!

– По коням, – сипло приказал я, постучав себя кулаком в грудь. – Валим отсюда куда подальше.

– Домой, сир? – уточнил Седрик, помогая мне взобраться в седло присевшего Центуриона.

– Домой?.. А фигу им, как же! – прохрипел я, прыгая на чёрного коня. – Они не будут искать нас ночью, но теперь мы просто обязаны кое-

кого кое о чём расспросить.

– В «Золотую корону», – уверенно кивнул Центурион, и Ребекка поддержала его согласным фырканьем:

– Ой вей, лорд Белхорст, таки вы бы видели рожи тех уголовников, шо пришли за нами, когда вас куда-то унесли. Таки я вся была против, а когда я против, то могу быть нервной, а когда я сплошь нервная – прячесь, поц, хана всему!

– Она откусила нос тому, кто схватил её за повод, – пояснил мой конь, но мне пришлось прервать обоих:

– Мы идём на «Золотую корону», рассказы о личных подвигах отложим до ужина или завтрака в замке Кость. До этого момента всем цыц!

– Принято, – почти шёпотом откликнулся мой маленький отряд.

Седрик сел на своего гнедого мерина, моя дочь неуклюже взгромоздилась на молодого пегого жеребца, умеющего говорить, но страшно застенчивого. Четыре всадника дружно рванули сквозь ночь, скрываясь в темноте.

Буквально через пять-шесть минут на стенах забегали люди с факелами, но они уже не могли нас видеть, и с десятков арбалетных стрел ушли совсем в другую сторону.

Развлекайтесь, ребята, не жалко, у меня на сегодня другие планы. Я очень-очень-очень хочу знать, кто сдал нас с Эдом в знаменитом кабаке, где главное и незыблемое правило – не выдавать клиентов. Никогда, никаких, никому, ни за что!

Даже ночью было видно вывеску «Золотой короны», наверное, купили фосфор у местных алхимиков и вымазали буквы. Судя по Полярной звезде, время уже за двенадцать ночи, и вряд ли сейчас там идёт очень уж активная игра.

– А хоть бы и шла, – самому себе любимому сообщил я, пытаюсь привстать в седле.

Увы, резкая боль в подреберье резанула сразу же. Видимо, я действительно здоровошибанулся, когда прыгал (нет, падал) с балкона. По факту если бы отлежаться день-другой, с хорошей мазью и обезболивающими таблетками, то и нет проблем, а так...

Всё-таки сорок пять – это, оказывается, возраст. С другой стороны, если сравнить с тем же Эдом, которому уже куда более тысячи лет, а он всё ещё огурцом, так и норм!

– Сир?

– Да, Седрик. – Похоже, я слегка задумался.

– Прикажете атаковать кабак?

– Упс, минуточку. – Я осторожно расправил плечи, протёр глаза, огляделся по сторонам и нашёл взглядом бывшего бога.

– Эд?

– Да, друг мой.

– Разрешаю тебе разнести тут всё, что недоразнёс. Ну и заодно выясним, кто и почему нас так дешево продал и...

– И? – уточнил бывший бог, зачем-то облизывая губы.

– После чего лично сожги всё это заведение к ёлкиной маме, во славу Одина и всех богов Асгарда!

– Ты серьёзно? – не поверил своему счастью дядя Эдик.

Я молча кивнул. Почему нет, они меня достали. Если им не стыдно получать чьё-то золото, предавая Белого Волка, то почему я должен испытывать странные угрызения какой-то там совести? А что это вообще?

Иногда мне кажется, что в Средние века такого слова просто не существовало. Допустим, была так называемая ситуационная этика, и всё. По сути, вполне достаточно. Люди всегда стремились лишь к одному – к выживанию и продлению рода. Не более.

А вот когда уже они жертвуют своей жизнью за друзей, за близких, за сюзерена, за страну или за религию – это серьёзный цивилизационный шаг в будущее. Как-то так.

– Заперто, – объявил мой конь, деликатно постучав в дверь передним копытом.

– Вышибай, – приказал я.

Центурион тут же развернулся и с двух задних ног нанёс такой удар, что не каждый инеистый великан выдержал бы. Крепкие двери кабака снесло напрочь!

Сказать, что внутри слегка удивились, значит не сказать ничего. Они там все прямо-таки охренели в групповом масштабе. Из разметённых в щепки дверей бросились на выход самые разные люди: жулики, шулеры, обманщики, воры, проходимцы, липовые сироты, простодушные дебилы, уважаемые отцы семейства и благородные аристократы, якобы случайно зашедшие сюда просто погреться. Мы не трогали никого.

До тех самых пор, пока Эд вдруг не выбросил руку вниз, хватая с седла за ворот малозаметного тощего типа с подозрительно звенящим мешком на горбу. Тот смешно забултыхал ногами, и я узнал эту лисью рожу.

– Какая встреча, друг мой, – начал было бывший бог, но я резко оборвал его:

– Перерезать негодяю горло и выкинуть труп на помойку бродячим

собакам!

– За что, милорд?! – взвыл несчастный.

– Давай допустим, лишь за то, что ты просто слишком часто попадался мне на пути. Весомая причина для казни?

– Кто бы спорил, сир? – в один голос откликнулись Седрик, Эд, Хельга и обе наши лошади. Против такого суда присяжных мерзавец уже не мог протестовать.

– Меня заставили-и... Мне заплатили, чтобы я следил за вами, втянул вас в игру и предупредил стражу о месте, где Белый Волк пожелает остановиться хотя бы на полчаса-а-а...

– Кто тебе заплатил?

– Молодой король! – взвыл тип с лисьей мордой, и на минуту мы опешили.

Кудрявый бог позволил негодяю вырваться, но бдительный Седрик сумел на ходу отобрать у него кошель с золотом. Старый крестоносец нипочём не упустит добычу, это не в его правилах.

– Убить? – обернулся он ко мне, взвешивая в руке боевой топор.

– Пусть бежит, – сплюнул я. – Золото у нас? Мы свободны? А в то, что нас заказал мой же бывший паж, лично я не верю. Метью, конечно, стрекулист, романтик и наглец каких поискать, но он не предатель по сути.

Все переглянулись и кивнули. Ну, кроме Ребекки, она привычно пробормотала что-то вроде того, что «этот ваш Метью таки всегда был немножечко странный» и она не доверяет молодым людям, которые пялятся на её круп. Могучий Центурион, естественно, тут же полез с разборками: где, когда, как он посмел, почему она столько времени молчала?!

Мне пришлось срочно уводить всех наших куда-нибудь в сторону, не дожидаясь развития скандала. По ночи выезжать за ограду Снежной ярмарки было слишком рискованно, хотя уж кого тут найдёшь более безбашенных, чем наш маленький отряд.

Короче, мы нашли себе пристанище у торговцев скотом, расседлав лошадей и определив для себя здоровенную охапку сена под деревянным навесом. Хозяину загона Седрик показал кулак, дядя Эдик – серебряную монету, разумная комбинация того и другого вполне разрешала все возможные недоразумения и вопросы не по теме.

В Средние века подавляющее большинство проблем убирается с повестки дня оружием или деньгами. Причём никого это не напрягает, а, наоборот, воспринимается совершенно естественно, рабочая политика кнута и пряника. Мы все повалились кто где. Эди и Седрик зарылись в сено спиной к спине. Хельга, кажется, тоже начала дремать у моего плеча. Но

сам я уснул не сразу.

В моей голове уже кипели совершенно сумасшедшие планы на завтра. Нет, я не хотел уходить. И мстить я никому не собирался. Я всего лишь всерьёз был намерен вернуть себе своего пажа. Короче, забрать Метью домой, и точка!

То есть совершить наглое похищение монаршей особы, оставив королевство без законного короля, и мне глубоко пофиг, что после всего этого будет. Почему? А потому!

Заранее предупреждаю: я – феодал, более того, вконец обуревающий феодал, если кого-то устроят такие объяснения. Поэтому делаю, что хочу и когда хочу. Кто против – получит топором по лбу! Это не извинение, это единственное, на что этот кто-то может претендовать, задавая столь идиотские вопросы.

Понимаете теперь, как мне трудно было ходить на родительское собрание? Я же всё время скрипел зубами и шарил под партой в поисках оружия.

Но всё равно это славное время, здесь проще и естественней быть мужчиной. Хельга вовсю спала у меня на плече. Седрик и Эд дрыхли теперь уже едва ли не в обнимку, причём каждый храпел так, что на спор посрамил бы иерихонские трубы. Наши кони стояли отдельным табунком чуть в стороне, а если о чём и говорили меж собой, то скорее шептались, так что до меня не доносилось ни звука, слава Одину.

Даже не хочу фантазировать на эту тему, просто боюсь услышать о себе не то, что я ожидаю. А от такой своенравной скотины, как Центурион, можно дожидаться чего угодно.

Если раньше я говорил, что с ним бы мечтал познакомиться коневед и журналист Невзоров, то теперь я сильно подозреваю, что тот же Невзоров попытался бы задушить моего коня собственными руками уже через полчаса откровенного разговора по душам.

Короче, если вы подумали, что в ту ночь я почти не спал, то вы правы. Да, неожиданное появление моей дочери в королевском замке спасло мне жизнь, с этим глупо спорить. Однако и тот факт, что теперь мне придётся вешать на свою шею спасение удвоившегося отряда, не говоря уже о планах украсть Метью...

– Да задница Слейпнирова, с шерстью пьяного йети ему в глотку, с чего бы я обязан от кого-то там спасать его величество? Он сам сюда уехал, по доброй воле, никто его не гнал. Уж я так точно! Меня он вполне очень даже устраивал, иначе я давно подобрал бы себе нового пажа. Хотя на фиг мне вообще сдался паж? Я что, не в состоянии сам переодеться у

себя в покоех? Да на раз-два-три в темпе вальса и куда быстрее, чем с его так называемой криворукой помощью!

На минуточку я заткнулся, вдруг осознав, что, возможно, слишком громко рассуждаю вслух. Слава всем богам, никто из наших не только не проснулся, но даже и не почесался. Вот умотались, аж завидно. Примерно за полчаса до рассвета у меня в голове вопреки всему сформировался чёткий пошаговый план похищения (спасения!) молодого короля Метью. Не спрашивайте, зачем оно мне надо.

Я не отвечу, а возможно, ещё и начну ругаться в ответ. Будем считать, что я спасаю (краду?) его из чисто эгоистических соображений – мне по статусу нужен паж? Нужен! А я феодал, мои капризы для меня равны обязательному принятию нового закона в Госдуме по настоятельной просьбе президента. Короче, хочу и буду!

На рассвете самым осторожнейшим образом, стараясь не разбудить уставшую Хельгу, я вылез из покрывшегося инеем сена, небрежно выволок за ногу бывшего бога, а старина Седрик поднялся сам. Между нами говоря, он явно притворялся, что спал.

В эту ночь, когда я, как последний легкомысленный дурак, не подумал даже выставить часовых, бывший крестоносец привычно решил эту проблему за меня. Да, лежа, да, с храпом, но не смыкая глаз. Что ж, теперь мне предстояло вновь напомнить, кто тут главный.

– Я возвращаюсь в замок и забираю Метью с собой.

Моё предложение они оба выслушали без подпрыгивающего энтузиазма. А если уж совсем честно, то скорее даже с обидным скептицизмом.

– Ставр, ты псих.

– Эд, это ты псих.

– Я сумасшедший, и то не всегда, – наставительно поправил кудрявый бог. – А то, что предлагаешь ты, это психоз чистой воды!

– Седрик?

– Сир?

– Как вам мой план?

– Почему вы называете самоубийство каким-то планом?

Угу, я, собственно, и не особо надеялся на дружественное взаимопонимание.

– Ладно, повторим ещё раз, мне не жалко. Могу добавить подробности.

– Пьяному викингу под килт твои подробности! Кто-то торопится на кладбище?

Да, не буду врать, что так уж продумал все детали. Более того, то, что нам предстояло сделать, я представлял себе только в целом, очень и очень обобщённо, так сказать. Но, с другой стороны, именно в кратком изложении мне всё это очень даже нравилось. Там был сюжет, юмор, нестандартное решение, драйв и русский кураж, так почему бы и не попробовать?

Вопрос оставался всего один: как снова попасть в замок и второй раз выбраться оттуда живыми-здоровыми с королём под мышкой. Всё прочее малозначительно...

– Друзья мои, я позвал вас не затем, чтобы молча выслушивать неконструктивную критику. Просто помогите мне туда влезть. Как вылезти, я приблизительно представляю. А если вы ещё и встретите меня внизу, то я вообще буду в долгу по гроб жизни. Слово чести!

Последнее было лишним. По опыту жизни в Средневековье знаю, что до каких-либо гарантий или длинных клятв людям моего уровня унижаться не принято. Достаточно просто высказать своё желание вслух. Обычно этого вполне хватало, но почему-то не в данном случае, или сегодня не мой день...

– И?

Эд ещё раз покрутил пальцем у виска, прожигая меня убийственным взглядом.

– Пожалуйста.

– Не, ну а чё? – Седрик неуверенно покосился на Эда.

– У нас получится, обещаю.

Северный бог страдальчески пожал плечами и кивнул. Хорошо. Значит, они всё-таки помогут. По крайней мере, попытаются сделать всё, что в их силах.

После чего эта парочка неспешно отправилась в сторону замка, оставив мне на попечение Хельгу и лошадей. Моя малышка проснулась примерно через полчаса.

Собственно, разбудил её не я, не рассвет, не мороз, а милая Ребекка, заботливо решившая умыть мою дочку тёплым мокрым язычком. Тут бы уж кто угодно проснулся.

– Па, – обняв за шею белую андалузку, обернулась ко мне моя дочь, – как я сладко спала, тут такой свежий воздух. Я дома, кажется, лет сто так не высыпалась.

– Ну и... – Нужные слова никак не находились. – Здорово тут, да?

Господи, да каким египетским образом я мог в очередной раз повторять вслух глупые банальности по поводу того, что именно здесь её

истинная родина, что здесь ей по-любому комфортно, что жаркий восточный климат не для неё, а холод севера как раз таки весьма полезен ей для отдыха от школьных перегрузок.

– А где все?

– Твой дядя и Седрик? Ушли по делам. Понимаешь, лапка, мы тут посовещались в чисто мужском коллективе и, кажется, придумали, как помочь Метью.

– Па, ты прелесть!

– Минуточку. – Я успел увернуться от её счастливых объятий. – Ты, главное, не забывай, что мы тут намерены вернуть мне пажа, отняв у него корону, а у страны короля. Такой расклад тебя не смущает?

– А должен смущать?

– Ох, ну хоть ты ещё не изображай Седрика!

– Почему? Он кульный, – улыбнулась моя дочь.

– А дядя Эдик тогда какой?

– Няшный!

– А Центурион?

– Мимимишный!

Спрашивать, какой же на их фоне я, было, пожалуй, слишком рискованно.

Тем более что уже начинал просыпаться весь город: в те суровые времена редко кто позволял себе вылёживаться в постели до шести утра. Рано вставали даже богачи и тем более церковники. Так что вокруг уже сустились люди, рядом мычали коровы, ржали лошади, кукарекали петухи, приветствуя очередной холодный день Снежной ярмарки.

В город потянулись крестьянские обозы, из замка выходила стража, сопровождая писарей и налоговиков. Ну то есть тех, кто ведал сбором пошлин за вход, за участие, за продажу, за покупку, за выпивку с друзьями, за визит к родне, за землю, за воду, за право вдохнуть и выдохнуть на территории королевского двора.

Налоговый пресс для населения был бы реально неподъёмным, не контролируй его обычные люди. А так одна лишняя монетка в карман той же стражи – и считай, что уплатил всё! Стражники, милиция, полиция, как их ни называй, не особо меняются в определённые исторические моменты, а как-то жить надо всем. Закон и реальность во все времена умели находить разумные компромиссы.

– Па, расскажи, как мы будем спасать Метью? – пристала ко мне Хельга, купив у болтливой торговки каравай хлеба и кусок сыра размером в половину моей головы. Ну, если поделить на нас четверых, то вполне, не

растолстеем.

Я ещё предложил взять подогретое молоко, алкоголь нельзя ни ей, ни мне, а водой на Снежной ярмарке никто не торгует. После чего мы уселись поближе к нашим лошадям и под обсуждение моего плана предались обжорству, за чем нас и застали наши товарищи.

Седрик молча положил мне под ноги старую монашескую рясу. Ещё две такие же вывалил из мешка бывший бог.

– Мы всё продумали, Ставр. Идём втроём, мы двое – поднимаем бучу, заводим народ до религиозного экстаза и смываемся. У тебя будет пять-шесть минут проскользнуть в замок. Дальше ты сам, я в твоём вонючем мероприятии более не участвую.

– Сэр Эд?

– Ох, прости, дружище, – извинился дядя Эдик. – Седрик не участвует тоже. Более того, если волей Одина-нетрезвеющего у тебя всё это и получится, ты всё равно будешь опозорен на веки вечные. Я первый перестану подавать тебе руку.

– Чё... же... тк... ва... – начала было Хельга, но я попросил её не говорить с набитым ртом. Она прожевала и поправилась: – Что же такого вам предложил мой папа, чтоб опозориться на веки вечные? Я тоже так хочу!

– Украсть Метью из замка.

– Я в курсе. А чего, по-моему, это круто?!

– Само деяние – да, – не стал спорить северный бог. – Но метод, но идея, но процесс исполнения – это... о-о-оу...

– Па?

– Да плюнь на него, – отмахнулся я. – Главное – результат. И, кстати, ты очень даже можешь помочь.

Моя дочь честно плюнула в своего дядюшку, но Эд увернулся. Наши лошади дожевали овёс, мы собрались в кружок, и я ещё раз напомнил каждому его задачу. То есть изложил, кто и что должен делать в моём понимании. Все поперхнулись, но кивнули.

Наотрез отказался один Центурион, но пылкая Ребекка быстро вправила ему мозги. Он согласился-таки поучаствовать, честно предупредив, что будет на нас дуться неделю, не меньше.

– Вперёд, – тихо приказал я. – Времени не так много, а шанс один.

Все вздохнули, разобрали вещи, соорзили серьёзные лица и выдвинулись на дело.

Как я уже говорил выше, люди на Севере встают рано, а с первыми лучами солнца уже начинается сама торговля. В крепости толпился народ,

стража поначалу щепетильно проверяла все телеги, тыкала кольями в возы с соломой, но задержать процессию из восьми монахов-инквизиторов, которым мы тупо упали на хвост, не дерзнул ни один.

Я запретил брать с собой любое оружие, даже кинжалы. Ряса с капюшоном из грубой шерсти служила отличным маскхалатом для тех веков. Кольчугу, меч, топор, хорошую одежду и даже плащ из шкуры белого полярного волка мне пришлось оставить притороченными к седлу Центуриона. Все наши лошади поручались заботам Хельги.

Или она их заботе, это уж как посмотреть.

С опущенными головами, бормоча молитвы, мы миновали стражу и, отстав от «группы», разделились. Теперь очередь была за Эдом и Седриком. Оба с утречка успели хлебнуть подогретого вина, поэтому креатив у них пёр, как говорится, из всех щелей...

– Грешники-и, покайтесь! – дурным голосом взвыл бывший бог, влезая на телегу с мешками зерна, словно Ленин на броневик. – Покайтесь, ибо пробил Судный час! Были страшные видения! Миру грозит гибель, и немногие из нас переживут эту зиму-у.

– Что ты несёшь, брат? – с противоположного угла откликнулся бывший крестоносец, стоя на бочках с вином. – Какие видения, какая гибель мира? Разве Господь наш Всемиловитвейший оставит детей своих?!

– Господь забыл нас, он тут больше не живёт! – продолжал нагнетать Эд на манер религиозных кликуш, легко перекрикивая практически всех и привлекая к себе общее внимание. – Он отвернулся от нас, отступников, ибо великий волк Севера ступил на эти земли! Фенрир вернулся-а!

А вот это имя все знали, память о древних мифах впитывалась с молоком матери. Люди поневоле стали подтягиваться к нашим клоунам, раскрыв рты и мелко крестясь. Всё правильно, ребята молодцы и дело своё знают, пусть развлекаются, мне оставалось опустить пониже капюшон и тихо скользнуть к боковой калитке в главную башню.

Поверьте, если вы уже во внутреннем дворе, то в любой донжон, кроме главного и запасного входа-выхода, ведут ещё не менее трёх-четырёх-пяти узких малозначительных калиточек для прислуги. Их редко охраняют стражники, так, достаточно пригляда вполглаза. Но плюс к этому сейчас всеобщее внимание охраны было приковано к шумному монашескому баттлу, если так можно выразиться.

– Фенрир вернулся! Я сам видел след его, и был он размером с корову, – надсадно вопил Эд, вздымая трясущиеся руки к безмолвствующим небесам. – Великий волк проснулся, а значит, и другая древняя нечисть придёт проверить крепость нашей веры!

– Крепки ли вы в любви к Господу, братья и сёстры? – сурово поддерживал его Седрик без завываний, но самым командирским голосом. – Докажем ли мы суть истинной веры врагу всего христианского мира? Сплотимся ли мы или уступим, а?!

Отдельные граждане уже начали выкрикивать одобрительные лозунги, стражники придвинулись поближе, не в силах решить своим серым умишком, что здесь происходит – религиозная проповедь, народные гулянья или бунт против существующей власти?

Мне оставалось пройти буквально пару шагов до заветной двери...

– Великий волк загрызёт вас! – продолжал наэлектризовывать публику бывший бог. – Его клыки перемелют ваши кости, его желудок наполнится вашим мясом, в его глотку будет литься кровь ваших детей! Ничто не спасёт отступившихся от истинной веры! Фенрир близко-о...

Особо впечатлительные крестьянки – а такие всегда есть на любой торговой точке – начали поддерживать нашу авантюру дружным истерическим подвыванием. Старый крестоносец умело добавил масла в огонь:

– Но разве мы не под защитой короля Метью? Разве не в его руках суд, закон и право меча? Разве не к нему мы должны взывать в столь скорбный час?!

Собственно, вот этого момента я и дожидался, поскольку накал страстей стал явно угрожать общественному порядку, и стражники, видимо заручившись приказом начальства, пошли стягивать парочку провокаторов с трибун. Таким образом, никто уже и не обратил внимания на ещё одного скромного монаха, тихой сапой просочившегося в узкую калиточку большой башни.

Меня там никто не ждал, поэтому и не приставал тоже никто. Пару раз мимо пробежали деятельные пажи, один раз я натолкнулся на целый караул в доспехах у входа в главный зал, но в принципе же мне туда и не надо было. Возможно, сам бы я искал долго, а время поджимало. Пришлось взять «языка».

– Не подскажет ли добрый стражник смиренному монаху, где у вас тут отхожее место?

Мужчина с алебардой снисходительно хмыкнул, молча мотнув головой налево.

– Господь не оставит вас милостями! – от души поблагодарил я, низко кланяясь.

Потом пошёл по коридору налево, пока не заметил на повороте вверху общепринятый символ: маленький, скрюченный чёрт, держащийся за

живот. Несмотря на явный символ нечистого, Святой Церковью столь прямолинейный намёк не порицался.

Итак, отхожее место, нужник, сортир или туалет находится здесь. А как говорится, это и есть то самое место, куда и король ходит пешком. На чём, собственно, строился мой пусть не вполне адекватный, но оригинальный план. Уверен, что само собой все и так обо всём догадались, но продолжим.

Я быстрым шагом прошёл по узкому переходу, попав в довольно большое, хорошо проветриваемое помещение с шестью дырками в деревянном полу и двумя отдельными кабинками. На одну из них я быстренько влез, и в общем-то теперь в мою задачу входило лишь набраться терпения и ждать.

Ну и, по возможности, не слишком остро реагировать на аммиачные ароматы этого, несомненно, очень нужного заведения. Это сложно, но нужно.

Лежать пришлось не меньше часа, пока наконец стражники громкими криками не выгнали из туалета всех, кто там ещё находился. Естественно, перед визитом его величества всё проверили. Просто никому и в голову не могло взбрести заглянуть на верх деревянной кабинки – какому идиоту захочется там сидеть?

– Мне, – сам себе ответил я.

Буквально через минуту в сортир вошёл понурый юноша в богатых одеждах. Прежде чем этот тощий тип попытался расстегнуть ремень, я тихо свистнул ему сверху.

– Мой лорд?! – не поверил он.

– Штаны подтяни, – сухо потребовал я.

Метью лихорадочно привёл себя в порядок и уставился на меня собачьим взглядом. Меня мгновенно одолели самые жуткие сомнения. Зачем я сюда припёрся, чего ради, какой смысл вообще было во всё это вмешиваться?!

– Помоги. – Я спрыгнул вниз, упёрся плечом в деревянную кабинку.

Тяжёлое сооружение со скрипом сдвинулось с места. Тут Метью наконец догадался приложить и свои руки, в результате чего нам удалось меньше чем за полминуты забаррикадировать входную дверь.

– Так, что теперь? – Глаза моего бывшего пажа загорелись боевым азартом. – Мы поднимем народ и захватим замок?

– Нет, всё проще. Мы обманем всех и сбежим.

– Но... как?! Отсюда нет выхода...

– Один есть. Даже шесть.

Я взялся обеими руками за вонючую решётку над ближайшим отверстием в полу. Она подалась куда легче, чем ожидалось. Метью вытаращился на меня так, словно встретил в бане пьяного бобра с трубкой в зубах и погонами генерала Военно-морских сил США.

– Нет, нет, не...

– Прыгай, – гнусно ухмыляясь, приказал я.

Метью ещё что-то пытался пищать, но я сгрёб его за ворот, скрутил в охапку и без разговоров рулончиком сунул башкой вниз. Прощальный крик молодого короля стоял в моих ушах благословенным перезвоном рождественских колоколов.

Лететь, в принципе, недолго, средневековые туалеты всегда ставились в отдельных башенках, словно бы нависающих над какой-нибудь речкой или большим ручьём. Так сказать, естественная средневековая система слива. Надеюсь, наши успели разбить лёд, а то неудобно получится.

В дверь заколотили.

– Видимо, мне тоже пора. – Преодолевая брезгливость, я лёг на пол и опустил голову в ту же дыру, куда только что выбросил Метью.

Ага, вся наша банда внизу, мне помахали. И, судя по мешку с ногами, который грузят на спину моего коня, вопрос с новым старым пажом на данный момент всё-таки утрясён. Ладно, мы и так задержались в гостях.

– Смываемся, – сам себе сказал я, храбро протискиваясь внутрь.

Рясу пришлось снять уже по пояс в дыре. Оказывается, традиционный монашеский наряд из грубой коричневой шерсти меня полнит. Лететь вниз и падать в леденющую речку действительно очень малоприятный аттракцион. Но зато короткий...

Резкий свист ветра в ушах, удар о плавающие куски льда, окунание с головой, выныривание, вдох, обжигающий лёгкие... и могучие руки Седрика, подхватив меня под мышки, вытащили моё благородие из проруби.

– Па, ты в порядке? – мигом подскочила Хельга, накрывая меня плащом из шкуры белого волка.

– Жить буду... остальное мелочи, – с трудом прокашлялся я. – Уходим.

Редкий случай, когда едва ли не впервые на моей памяти никто не задавал вопросов, все повиновались молча и дисциплинированно, словно мы перед этим год репетировали похищение молодого короля в полевых условиях, приближённых к боевым.

Поскольку время было раннее и стражники ещё близко не въехали в то, что конкретно произошло в туалете, в погоню кинутся не сразу. Думается, час-полтора форы у нас точно есть.

Скрыться в толпе на Снежной ярмарке было несложно. Центурион легко повез двоих, едва ли не грудью расталкивая торгующий люд. Старый крестоносец и бывший бог, как положено, прикрывали меня с флангов. Хельга грозно смотрела на всех, замыкая тылы, морщила носик и хихикала в кулачок. Нас никто не пытался остановить или хотя бы преследовать, мы не были интересны простым людям.

Стражники на выезде, само собой, узнали и меня и Эда, но золото решило всё. По крайней мере, нас не сдадут, пока их не попросят.

– В последнее время тут так и шастают всякие разные лорды в плащах из волчьих шкур, – напутственно улыбнулся мне вслед командир стражи. – Туда-сюда, сюда-туда, всех и не упомнишь. Правда, парни?

Пришлось добавить горсть серебра на пиво за лояльность и остальным. В результате нас провожали чуть ли не поклонами с аплодисментами. Дальше кони перешли с прогулочного шага на лёгкую рысь, а уже за перелеском махнули в галоп!

Безумный, счастливый хохот мы позволили себе, лишь когда к вечеру впереди показался невысокий заснеженный забор знакомой деревеньки.

Наши наёмники встретили нас радостно, но без какого-то особого удивления, никому и в голову не стукнулась бы мысль о том, что их лорд Ставр Белый Волк мог попасть в какую-нибудь передрагу и не вернуться домой.

В противном случае они бы просто у меня не служили.

А уж в нашем изменчивом мире наёмники хранят верность только тому, кого действительно уважают. Причём далеко не за одну лишь платёжеспособность. Староста тоже быстро сообразил, какую важную птицу мы привезли в качестве контрафактного багажа, выделив нам кучу шкур, запалив самый большой огонь, мигом накрыв стол и предоставив деревянную бочку горячей воды.

В каковую и был торжественно опущен деликатнейшим образом раздетый король.

Ладно, вру, раздевал полузамёрзшего Метью старый крестоносец, а он особым тактом не отличался, от слова «никогда». Тихая Хельга скромненько уселась у очага, в десяти шагах от Метью в бочке, и не сводила с него влюблённых глаз.

Я снова подумал, что мой поступок может иметь весьма неоднозначные последствия. Но что сделано, то сделано, выкручиваться будем потом сообразно ситуации.

Главное, теперь не простудиться и не заболеть. Вымокли-то оба одинаково и замёрзли на скаку по факту тоже оба. Тем паче что наше

платье после пролёта в «канализации» нуждалось в самой серьёзной стирке.

Мне дали сменную одежду, грубые штаны на верёвочке, рубашку и тулуп. Хотелось бы тёплые носки, но их в деревне не было, не научились ещё вязать. Надевать чужие сапоги я не рискнул, тут грибок подхватить – плёвое дело...

Огонь в огромном очаге горел достаточно мощно, хоть целого быка жарь. Деревенские мужички умудрились добыть в лесу кабана, так что горячего мяса было в избытке, хлеба и пива тоже. Мы наелись, согрелись и расслабились.

Рядом со мной присоседился на скамеечке Эд, держа обеими руками глиняную кружку подогретого местного пойла. Он заговорил первым:

– Думаю, ты поступил как надо. Но выйдет тебе это боком, уж поверь.

– Посмотрим. – Я осторожно скосил глаза в сторону Хельги. – Давно не видел её такой счастливой, а ты?

– Первая любовь. Кстати, по меркам асов она ещё жутко затянула с этим делом, наши девушки в её годы уже имели по шестеро детей.

Пуф-ф, вот тут мне оставалось только выдохнуть. Во-первых, чисто исторически кудрявый бог совершенно прав, а во-вторых, лично меня почему-то вполне устраивает то, что я всё ещё не дедушка.

– Староста сказал, что волк по-прежнему рыщет вблизи деревни. Не подходит слишком близко, не нападает, словно бы выжидает чего-то, а он опытный охотник.

– Мы ему не враги и не добыча.

– Не сказал бы.

– Эд? Ты темнишь.

– Ставр, я тупо боюсь, – запросто сознался он, вытягивая ноги к огню. – У нашего племени вековая вражда с ним, и Зверь это помнит. Он вообще никогда и ничего не забывает, особенно вкус крови асов.

– Его проблемы. Нам главное добраться до замка.

– Ты гений стратегии, – уважительно кивнул Эд, приняхиваясь к пиву. – Вот только как мы туда доберёмся, если между нами и Костью бродит гигантский волк, от которого нет спасения. Не хочешь ли выпить? А я хочу напиться!

Я даже не пытался как-то его успокоить или переубедить. Бывший бог практически лишён страха как такового, но здоровое чувство самосохранения у него есть. И да, не спорю, неожиданное появление рядом одной из самых страшных фигур древних мифов рушило все мои планы. А Фенрир был реальным воплощением животного ужаса!

Но как же не хотелось забивать сейчас голову ещё и этим. Нет, принципиально не буду, пусть потом как-нибудь само рассосётся, так иногда бывает – не видишь проблему в упор, она обижается и уходит в туман. Ну, пожалуйста-а...

– Сир, мальчишку вытащить или пусть тонет?

Я невольно вздрогнул, когда Седрик хлопнул меня ладонью по плечу. Оказывается, пригревшийся Метью от эмоций, тепла и нервов просто заснул прямо в бочке.

– Девочка моя, отвернись, пожалуйста, – строго попросил я, когда его голозадое величество вытащили, завернули в медвежью шкуру и отправили досыпать на лавку.

Хельга спрятала лицо в ладони, но её уши полыхали как две морковки.

– Папуль, если я правильно всё поняла, это ещё не всё, да?

– Как ты витиевато выражаешься, – попытался улыбнуться я. – Ерунда, сейчас выспимся, отдохнём, а с утра со свежими силами махнём домой. В смысле в замок Кость, ну а там уже будем думать, как быть дальше с этим твоим... моим... в общем, сколько ещё этот мальчишка будет портить мне кровь?!

– Он хороший, – уверенно ответила моя дочь, зевнула, прислонившись к моему плечу, и уснула практически в тот же миг незамутнённым детским сном.

Я же долго не мог согреться, меня познабливало, ноги никак не могли оттаять, хотя я и выставил босые пятки почти к самому огню.

Снилась какая-то ерунда, вроде того что мы с Даной гуляем в нашем же городе, но он немного другой, дома, улицы, площади знакомые, но всё равно иные. Мы зачем-то пытались найти старый дом моей бабушки, доставшийся мне по какому-то наследству, чтобы заняться там любовью. Обошли кучу частных домов и квартир, блуждая взад-вперёд и доказывая незнакомым людям, что мы имеем право здесь находиться. Бредовый сон, ни о чём и ни к чему...

Кончилось всё это тоже ничем, мы целовались в осеннем сквере на лавочке, потом Дана сказала, что ей надо позвонить, ушла и не вернулась, а меня разбудил божественный дядюшка моей дочери с сообщением, что кони осёдланы и пора в путь.

Я проснулся, как всегда, резко, одномоментно, готовый стрелять во врага и чистить зубы. В смысле одним махом вскочил на ноги и, наверное, в рост рухнул бы в тот же очаг, не подхвати меня дядя Эдик.

– Ставр, какого северного мха? Ты же на ногах не стоишь!

– Глупости. Я сейчас... ох...

Всё тело сковала какая-то странная ватная слабость. Голова кружилась, перед глазами плыли разноцветные круги...

– Да ты горишь!

Похоже, он прав, я слегка простудился в ледяной воде и добавил по полной при скачке на морозе галопом. Люди, не ездившие верхом, ошибочно думают, что зимой тело лошади греет всадника, а уж ездить на Центурионе, наверное, вообще как кататься на печке.

Всё не совсем так. Или совсем не так, короче, ноги замерзают люто! Я вспомнил, что, когда мы приехали, Седрик обухом топора сбивал с моих сапог ледяную корку.

– Быстро переодевайся. – Эд кинулся мне помогать, стягивая с меня чужую рубаху. – Срочно в замок и через фреску домой, тебе нужны серьёзные лекарства. Ох, Один всевеликий, почему люди так слабы и вечно болеют?!

Я готов был собраться с достойным ответом, но приступ лающего кашля оборвал мою речь, не дав ей и начаться. Дядя Эдик длинно и цветисто выругался, без лишних слов взвалил меня, переодетого, себе на спину и выволок во двор. Он вообще-то очень сильный, хоть и выглядит стройным и хрупким. Могучий бог Севера, что ни говори, сейчас таких не делают.

– Па, что с тобой? – кинулась ко мне моя дочь.

Я попытался обнять её, утешить, объяснить, что ничего особенного, так, ерунда, лёгкая простуда, даже насморка нет, но...

– Ты же горишь!

– Я ему об этом уже сообщил, – ревниво откликнулся Эд. – Причём практически слово в слово! Я это первый заметил.

– Сэр, вам бы в замок и на лечение, а? – тут же влез Седрик.

– Мать моя белая медведица, и это я ему уже говорил!

Пока все дежурно переругивались, выясняя, кто что сказал и почему, страшно смущённый Метью подвёл мне коня, придерживая стремя.

– Мой лорд, это же... из-за меня вы попали в ледяную реку и подвергли свою жизнь страшной опасности. Я ваш вечный должник. Скажите, и я отдам за вас жизнь!

– Можешь поболеть за меня? – хрипло спросил я, с трудом влезая в седло. – Нет? Тогда заткнись и валим отсюда. В моей комнате, в моём замке, должен быть парацетамол.

– Тебе к врачу надо, – взвыла моя дочь.

– Поддерживаю и одобряю, – поднял за неё голос бывший бог.

– Сир, кто я, чтобы с ними спорить? – весомо добавил бывший

крестоносец.

Но самыми важными были слова подбежавшего старосты:

– На горизонте стражники. Вам надо бежать, господин.

– Что?! – рывкнул я, из последних сил стараясь выглядеть жутко грозным.

– Э-э, вас наверняка спешно ждут в замке, мой лорд, – тут же поправился он.

Вот это другой коленкор. Благородный феодал никогда не побежит при виде приближающегося врага. Пусть даже они в сто раз превосходят нас количеством, пофиг!

Если ты хочешь, чтобы тебя беспрекословно уважали твои же подчинённые, – никогда не беги! Удались по своей собственной воле из-за страшно важных дел без спешки и суеты на третьей космической, тогда всё будет в норме.

– По коням! – приказал Эд.

Я поддержал его усталым кивком и добавил на ухо Центуриону:

– Идём медленно, чтобы нас увидели. Не хочу, чтобы погоня задержалась в деревне.

– Всё ясно, Ставр, – бросил мне чёрный жеребец. – Брось поводья и держись за гриву, так надёжнее. Я тебя не уроню.

Ему можно верить. Хотя, думаю, на тот момент я просто мало чего соображал. В висках стучали боевые барабаны зулусов, грудь дышала хрипло, глаза слезились, мне было очень, очень холодно...

Наш маленький отряд выскочил за ворота и практически шагом след в след пустился по снегу к лесу. Нас заметили (ещё бы, мы так старались!), и полусотня всадников с гиками и криками отвернула от деревни. В иное время я один с Эдом и Седриком (то есть уже не один), пожалуй, мог бы принять неравный бой. Но рисковать своей единственной дочерью не стал бы ни при каких условиях.

Мы перешли на рысь. Пустить коней диким галопом в снежном поле – значит утомить их в полчаса. Пусть уж лучше те, кто за нами гонится, не жалеют своих лошадей, а мы поступим иначе. До наших старых границ у замёрзшего русалочьего озера оставалось не более полумили, когда сзади послышался гудящий звук арбалетных болтов.

– Устроим им махач? – резко обернулся ко мне Эд.

Я отрицательно помотал головой, не здесь и не сейчас. Это только в кино всадники стреляют из маленьких карманных арбалетов. На деле арбалет оружие тяжёлое, на скаку его не перезарядишь. Раз промажешь, второй ещё когда будет, это ж с седла слезать надо.

Но всё-таки их кони неслись по колее, протоптанной нашими скакунами, а потому медленно, но верно догоняли. Чтобы оторваться, нам очень нужно чудо. Хоть какое-то...

И вскоре оно таки произошло! Но, честно говоря, лучше бы не происходило, уж простите за столь убийственную тавтологию.

– Фенрир!

Центурион встал на дыбы, едва не сбросив меня в снег, хоть и обещал беречь. Остальные успели натянуть поводья до того, как огромный волк, одним прыжком вылетев из чащи, перекрыл нам дорогу у самой кромки льда. Мамочка, до чего же он был страшен...

Я молча махнул рукой вправо и влево. Седрик, моя дочь и двое наёмников, не задавая вопросов, поскакали в обход. Эд на Ребекке, ещё двое мечников и Метью на крестьянской (взятой в долг, а не реквизированной!) лошадке совершил такой же манёвр с другой стороны.

Не решаясь, на кого напасть первым, Фенрир начал понемногу отступать, вертя головой, и мы использовали свой шанс. Зверь не рискнул ступить на замёрзшее озеро, но его тяжёлый хвост в ярости задел два неприметных каменных валуна.

А ведь я говорил, что никому не рекомендуется будить спящих каменных троллей. И минуты не прошло, как задние лапы великого волка попали в холодный гранитный капкан.

– Вперёд! – не своим голосом прохрипел я.

Мы развернулись к темнеющему на горизонте замку. Наши перепуганные лошади выбивались из сил, но неслись галопом. Мы с Центурионом по центру, остальные – успешно обходя по флангам. Как это ни парадоксально, но они в обход двигались быстрее, чем мы по прямой. Видимо, очень хотели жить.

Надо ли говорить, что Фенрир в ярости разметал наших охранников на отдельные булыжники меньше чем за пять минут, и всё-таки это дало нам время. В смысле всем нам, только не мне.

Жёлтые глаза огромного волка, словно две луны, уставились на меня и Центуриона. Мой могучий конь невольно присел на круп, когда над ним нависла оскаленная волчья пасть. Фенрир втянул ноздрями воздух и недовольно прорычал:

– Больной. Волк не ест заболевших. Приду потом.

Я даже не сразу осознал, что, собственно, произошло, но огромный зверь легко перепрыгнул через меня с конём и с удовлетворённым рыком врезался в тех всадников, что нас догоняли. Судя по страшным крикам и нечеловеческому вою, больных там не было, так что бессмертный волк

вполне мог позволить себе отвести душу.

Центурион скакал как никогда, словно на хвосте у него висела бледная смерть всего лошадиного племени. До сих пор не представляю, как и каким чудом, но к воротам замка первыми добрались именно мы с ним!

Остальных, так сказать, притащили на хвосте. Нам заранее открыли ворота, я ещё помню, как кричала Хельга, когда Седрик и Эд ловили меня, падающего с коня. А потом мир вокруг просто заволокло красной пеленой и ледяной холод в последний раз обжѐг лёгкие.

Что-то тяжѐлое и мягкое ударило меня в висок. Всѐ. Темнота. Ночь.

Я проснулся у себя дома, мокрый, как полевая мышь в грозу. За окнами просыпался рассвет, гудели машины мусоровозов, сигналили такси. На прикроватной тумбочке лежали пузырьки с лекарствами, упаковки шприцов и стояла пустая кружка.

Прямо на полу у двери, свернувшись калачиком, спал бывший бог.

Я встал. В голове ещё сильно гудело, живот подвело от голода, во всѐм теле ощущалась страшная слабость, но жар, кажется, спал. Я стянул с себя мокрую футболку, достал из шкафа рубашку и спортивные штаны. Осторожно перешагнул через ноги спящего Эда и тихонечко прошѐл на кухню. Солнце вовсю светило в окна.

Часы на микроволновке показывали девять тридцать три утра. Мой сотовый лежал на столе разряженный, зато рабочий компьютер вполне держал батарею и...

– Что?! – едва не заорал я, увидев дату на экране. – Сколько же я тут провалялся?

– Три дня, мой добрый лорд и господин. – Из-за холодильника, зевая, вышел белый цверг в моих старых шортах. – Вы были такой больной, вас трепала лихорадка. Хорошо, что лекарь дал вам плоские шарики и назначил меня ставить уколы.

Мне резко поплохело.

– А кому же ещё можно было такое доверить? – безмятежно продолжил Десигуаль, устраиваясь рядом со мной на диване. – Сэр Эд в вашем мире сразу становится сумасшедшим, как мой папаша после ведра крепкого пойла, а у вашей дочери, моей любимой хозяйки, слишком тяжѐлая рука. Я колот вас сам, как дятел долбит колоду.

– Что ещё интересного мне предстоит узнать? – с трудом выдавил я, даже в страшных снах не в силах представить себе такого позора – подлый цверг видел меня беспомощным и голым. Это мрак. Застрелиться, что ли?

– Да всё хорошо, мой лорд. – Поковырявшись пальцем в ухе,

Десигуаль извлёк застрявшего таракана, не раздумывая, бросил себе его в рот, прожевал и удовлетворённо потянулся. – Ваш друг подрался с двумя грубыми господами, они имели дерзость требовать с него золото за побитую машину.

– Их спасли?

Белый карлик сочувственно покачал головой. Понятно, он не уверен. Как ни странно, у меня отлегло от сердца, возможно, владельцы джипа всё-таки живы.

– Ещё приходил старик, которого вы звали Капитаном. Смотрел на вас, ходил по комнатам, чего-то искал, но не нашёл. Ничего не стащил, я следил за ним. Я умею быть неприметным.

– Ясно.

На самом деле ясно ничего не было, но ладно. Капитан в подобном случае имел полное право навестить своего захворавшего сотрудника. Без разрешения Хельги он бы в дом не вошёл, а то, что цвергу показалось, будто он что-то там искал... Ну не знаю, не берусь даже как-то это комментировать.

– Кстати, почему Хельга ещё спит? Ей разве в школу не пора?

– Не знаю, добрый господин, она ушла в замок ещё вчера вечером.

Я вскочил так, что едва не стукнулся головой о потолок. Десигуаль здесь, Эд здесь, я здесь, но это значит, что моя маленькая дочь одна в мрачном Средневековье и защищает стены замка Кость от драконов, великанов, мертвецов, готов, колдунов, вампиров и всяких иных потусторонних тварей?

А ведь где-то там ещё рыщет гигантский волк из древних мифов, который волей норн почему-то не умер со всеми богами и сумел выбраться из-за Граней в наше заснеженное Пограничье...

– Кстати, он обещал меня съесть, – непонятно зачем сказал я.

– Кто? – вытаращился верный Десигуаль.

– Фенрир. Когда выздоровею.

– А-а, ну тогда съест, – уверенно подтвердил белый цверг, глядя на меня с неподдельным уважением. – Фенрир, он такой, всегда слово держит. Достойный противник, прямо как вы, мой господин!

Я нервно порыскал по ящикам на кухне, нашёл банку консервированной сайры и отдал парню в награду за уколы. Счастливым до слёз карлик когтем провертел в ней дырку и старательно высосал всё содержимое.

– Когда проснётся сэр Эд, передай ему, что я в замке.

Увы, стоило мне, пошатываясь, встать на кровать, целясь лбом в

старый гобелен, как оттуда птичкой выпорхнула моя дочь. Я не успел уклониться, и мы оба рухнули на пол, всем весом на безмятежно дрыхнувшего дядю Эдика.

– Какого северного мха?!

– Папуль!

– Мать моя белая медведица...

– Господин подарил мне банку сайры! – завершил всеобщее веселье белый цверг, отплясывая вокруг нашей троицы дичайшую смесь канкана, ирландского степа и боевой пляски горячего финского спецназа.

Когда мы все совсем немножечко успокоились, Эд был отправлен в душ, Десигуаль пошёл нести дозор на балкон, нам с Хельгой наконец-то удалось прояснить ситуацию на кухне. Нет, сначала мы, наверное, две или три минуты просто сидели в обнимку.

В её глазах стояли слёзы, она всё ещё никак не научится не волноваться, когда папа болеет. Хотя, честно говоря, даже и не припомню, чтобы меня вот так резко накрывало.

– Доктор из «СМ-Клиники» сказал, что у тебя катастрофическое падение иммунитета на фоне полного нервного истощения. Тебе нужно больше отдыхать.

– Милая, какой отдых? У нас этот год, нет, последние два-три месяца просто какой-то нескончаемый цирк с конями, коньячный бутик «У старого клоуна», то есть никак не курорт и не санаторий.

– Я понимаю.

– Ну вот. Лучше расскажи, что творится в замке?

– Там Седрик, – в два слова успокоила меня Хельга. – Метью пришёл в себя и рассказывает страшные вещи. Представляешь, его должны были короновать до Рождества, но едва он приехал в столицу, как в следующую же ночь на него напали! Люди в чёрных масках били его, предупредив, что если он не станет исполнять приказы их командира, то Совет баронов королевства смирится с его смертью ещё до весны.

– Он не знает, кто были эти люди?

– Не-а, Метью приказал удвоить стражу у его покоев, но через ночь они пришли снова. Его били по почкам. Это же очень вредно, да?

– О, ты не представляешь насколько, – задумчиво согласился я. – Молодой король, которым хотят управлять старые элиты. Знакомая ситуация.

– Ты ему поможешь, па?

– Он сам должен решить, кто он: король или паж? Если король, то взять себя в руки, найти союзников и очистить замок от любых предателей

и изменников.

– Гори они в аду, дьявольские отродья, – поддержала моя дочь. – А если он паж?

– Тогда сидит у меня в замке, не читая рыцарских романов и не рискуя высовывать нос за стены. Святая обязанность любого пажа – исполнять капризы господина, а не бегать туда-сюда, в столицу – домой, получилось – не получилось, спасите-помогите и так далее.

– Зато мы могли бы чаще встречаться.

– Это да, – вынужденно признал я. – Не то чтобы оно меня дико радует, но если смотреть отстранённым взглядом, то ты права.

Мы ещё с минуту посидели молча. Потом на кухню торжественным шагом вошёл бывший бог со справкой. Эд был прилично одет в банный халат и тёплые носки.

Если вспомнить, что в нашем мире ему вечно жарко, то такое явление можно было расценивать как знак родственного уважения равного перед равным. На Севере подобные вещи всегда в цене. Зачастую даже золото имеет меньший вес, чем вежливость и благородные манеры.

– Ставр, друг и брат мой! Хельга, племянница единственная и любимая! Вы не представляете, какая радость овладевает моим сердцем при виде вас двоих в обнимку, живых и здоровых! Чмоки-чмоки!

– Ты что, пустила козла в Интернет?

– Не, па, это он от моих подружек нахватался.

– Эд, признавайся, что ты сделал с владельцами «Гелендвагена»? Десигуаль сказал, будто бы они в больнице.

Хельга покраснела, опустив глаза, но бывший бог, наоборот, гордо поднял взгляд. В его пылающих голубых очах искрил огонь древнего гнева асов.

– Они пришли с дубинками и угрожали мне. Я бы простил их, но из комнаты вышла малышка Хельга, а они были надменно грубы с ней. Они даже пытались ей намекнуть... типа как решить вопрос красивой девушке, ну я и...

– Короче, па, когда подъехала «скорая помощь», бейсбольные биты торчали у каждого негодяя из задницы! – воодушевлённо поддержала моя скромная дочь.

Я опустил лицо в ладони. Ненавижу переезжать из города в город, мы так уютно здесь обосновались, но, кажется, вариантов нет, всё равно придётся.

– Десигуаль говорил, что ко мне приходил Капитан.

– А-а, – неуверенно зевнула Хельга, пытаясь встать, но я удержал её за

руку. – Он приходил вчера утром, просто так, вроде бы случайно шёл мимо и решил навестить. Не знаю, папуль! Он вроде бы хороший дяденька и тут же скользкий какой-то, не разберёшь.

– Ничего не искал?

– Нет, просто спрашивал. Обо всём. О тебе, о замке, о его обитателях, о Дане, о ваших отношениях.

– А ты?

– Па, ну я же блондинка, что с меня взять? – обезоруживающе пожала плечиками моя дочь.

Мы посмотрели друг другу в глаза и одновременно прыснули со смеху.

В конце концов, во всём нужно искать свою выгоду. Вопрос о её походе в школу отпал сам собой, если надо, моя дочь нагонит любую программу. Что всё равно по-любому не исключает учёбы. Именно это я ей и сказал.

– Ну, па-а...

– Не ной. Образование превыше всего, – жёстко обрезал я, чувствуя, как голод буквально поедает меня изнутри.

В холодильнике были яйца, молоко (полпачки), лук и... всё. Специи я нашёл в ящике. Собственно, что в этом, что в том мире вряд ли найдётся мужчина, не способный за пять минут сварганить себе омлет. Лично я мог!

А те, кто не может, пусть тупо сдохнут с голода, как полновесные идиоты. Таких не жалко, по крайней мере, тот же Седрик даже не всплакнул бы. Пока моя дочь изображала душевные метания, я успешно приготовил омлет на троих (Десигуаль уже получил свою сайру) и быстро накрыл на стол.

Хлеб не ели ни я, ни Хельга. Причём каждый из нас по своей собственной причине. Я не ел хлеб, потому что у меня потом изжога, моя дочь – потому что не хотела толстеть, но зато дядя Эдик ел (жрал!) всё подряд, не утруждая себя никакими проблемами.

– Па, ты прекрасно готовишь! Может, тебе книгу об этом написать?

– Милая, сейчас кто угодно пишет книги по кулинарии, от Малахова и до Дарьи Донцовой! У каждого свои весёлые тараканы. Но, конечно, наши, пограничные, будут выглядеть особенно прикольными.

Хельга удовлетворённо хрюкнула и ещё раз прижалась к моему плечу.

На самом деле я не умею готовить, просто она у меня очень непривередлива в еде, одной баночки йогурта в день и двух чашек цикория вместо кофе ей вполне достаточно.

Ну а когда моя милая девочка ещё и экспериментирует с бескозеиновыми, безглутеновыми, кремлёвскими, польскими,

средиземноморскими диетами, то на этом фоне обычная овсяная каша с маслом и мёдом, поданная вовремя, кажется ей вершиной кулинарного искусства. А это так просто, согласитесь?

Я сыпанул себе чайную ложку молотого кофе, залил кипятком на богемский манер, так варят в центральной части Чехии, и едва не опрокинул чашку на себя, услышав знакомый звук – поворот ключа в замке. Я дома, Хельга здесь, дядя Эдик и Десигуаль тоже тут, хоть им ключи и не положены, тогда кто?

Метнувшись в прихожую, мне как раз удалось успеть снять со стены мегрельский кинжал без ножен, как двери распахнулись. На пороге стоял высокий худощавый парень явно в одежде с чужого плеча, в руках у него были два пластиковых пакета из «Пятерочки», а лицо чем-то безумно напоминало...

– Доброе утро, мой лорд.

– Метью?!

– Па-а...

– Хельга?!

– Десигуаль, – радостно поддержал утаскивающий пакеты на горбу белый цверг.

– Дядя Эдик. – Из кухни показалась всклокоченная голова бывшего бога. – А вы тут в имена играете?

В общем, эта итальянская опера длилась, наверное, не меньше минут десяти – пятнадцати, пока меня общими усилиями не обняли, не успокоили, не напоили остывшим кофе и не дали утешительную шоколадку. Попытаюсь объяснить всё без лишних эмоций и нервов.

Хотя какие, штырь вам в забрало, нервы?! У меня их вообще уже не осталось, просто оголённые провода под напряжением.

– Рассказывай. – Я прижал Хельгу к стенке на кухне, пока все остальные толпились в прихожей.

– Па, я хотела как лучше.

– Именно с этой фразы начинаются неприятности...

Ну, не вдаваясь в её пылкий сбивчивый рассказ, изобилующий подростковыми фантазиями, слезами, круглыми умоляющими глазами, концовкой в стиле классического женского «ой, ну всё!», чисто информативная линия была очень короткой.

Перенеся меня домой и вызвав врача, моя умненькая блондинка решила, что теперь просто обязана позаботиться обо всех жителях замка Кость в моё отсутствие. И, как вы уже поняли, восприняла эту заботу чрезвычайно своеобразно, с чисто женской логикой.

Во-первых, она прогнала домой Эда, потому что в замке бывший бог свинячил как свинья. Но и оставлять его с больным мной тоже было чревато, поэтому ей ПРИШЛОСЬ перетащить сюда Метью, который уже третий день исполняет обязанности пажа, слуги, уборщика, мальчика на побегушках в моей квартире.

Кстати, делать мне уколы их брезгливое величество отказался, ибо ему неумоготу видеть голую задницу своего беспомощного господина, а уж тем более причинять мне боль иголкой. Белый принц цвергов согласился не задумываясь, поскольку для него это, наоборот, было развесёлым развлечением. Нет, ну каково?!

А вчера сюда заходил Седрик: видите ли, в замке нет горячей воды, и милая Хельга охотно пригласила старого крестоносца принять у нас душ. В замок он вернулся мало того что чистый, но ещё и в моём почти что новом свитере, зелёном с красными оленями.

Как она умудрялась таскать через фреску и гобелен кого попало, ума не приложу. Да и важно ли это на данный момент? Всё равно завтра-послезавтра меня уволят за грубейшее нарушение всех пунктов устава службы. Лично я бы погнал такого граничара в шею поганой метлой из органов.

– Па-а, папуль, что с тобой?!

Крик дочери привёл меня в чувство, хотя я, кажется, уже сползал по стенке на пол.

– Я тебя породил, я тебя и... – Договорить мне не дал требовательный звонок в дверь.

– Там твой странный Капитан, – шёпотом доложил северный бог, оторвавшись от дверного глазка. – Давай громко скажем ему, что нас нет дома?

– Забирай всех твоих и марш в замок, – сквозь зубы приказал я Хельге. – Ни с кем не воевать, на провокации не поддаваться, ждать меня. Вопросы?

Метью поднял было руку, но тут же словил подзатыльник от Эда плюс пинок под колено от присоединившегося Дисигуаля. Минутой позже я открывал дверь.

Кроме меня в квартире не было никого.

– Добро, – строго кивнул мой начальник, входя в прихожую. – Один дома?

– Как Маколей Калкин.

– Мудёр зело ты, боярин. Вижу, что на ногах держишься. Поговорить бы надо. Уважишь ли стопочкой старика?

Само собой, початая бутылка водки обычно стоит у нас в холодильнике. Я не пью, дядя Эдик пьёт, но не дома, так что для компрессов и гостей на всякий случай есть всегда.

Мы присели на железные табуретки за железным столом на нашей в остальном ничем не примечательной кухне.

– Здрав будь, боярин. – Мой Капитан церемонно опрокинул стопку, привычно занюхав рукавом и отказавшись от предложенной колбасы. – Жалуются на тебя, Ставр Годинович. Бают, что беззаконие полное творишь на вверенном тебе участке. Мало того что дампир местных из Красной Луны к себе на охоту пустил, мало что земли соседа-барона себе присвоил, мало что короля законного из столичного града украл, мало что людишек средневековых к себе на квартиру водишь, так ещё и посланца Комитета избил почём зря?!

– Как я понимаю, последнее самое важное? – осторожно выдохнул я, припоминая, что действительно несколько дней назад вырубил у подъезда громилу, назвавшего меня Белым Волком. – Но он не сказал, что меня вызывают на ковёр. Просто наехал, как отмороженная торпеда в девяностые. Я защищался.

– На то и уповай, – откровенно не веря мне ни на медный грош, кивнул Капитан, демонстративно косясь на пустую стопку.

Я налил не задумываясь.

– По краю ходишь, – вздохнул горько он. – Ну да буде здравы!

Выпив, он с преувеличенной осторожностью поставил стопку на стол, прикрыл глаза и ударился в задумчивое молчание. Прерывать его не хотелось, тем более что оправданий у меня не было. Всё, в чём он меня упрекал, – правда, крыть совершенно нечем, аргументировать или обосновывать тоже.

Я прекрасно отдавал себе отчёт в том, ради чего он сюда пришёл – так называемый Выбор мог состояться в не самое отдалённое время. А ведь единственное, в чём все комиссии и проверки могли быть реально уверены, – первое: Хельга очень сильная; и второе: она меня любит. Но значит ли это, что она отвернётся от материнской родни?

Хм, ну как бы железобетонных гарантий нет ни у меня, ни у неё, ни вообще у кого-либо во всей этой истории.

– Сегодня ты ещё на больничном, но чтоб завтра в час тридцать дня как штык был в управлении, – не размыкая век, медленно протянул Капитан, переходя на нормальную манеру речи. – Само собой, без оружия. Голову не поднимай, не спорь, не возражай, не рви тельняшку на груди, не на баррикадах. Белый Комитет неофициально уже списал тебя со счетов.

Так что, если не будешь особо нарываться, позволят уйти по собственному. Твой участок передадут другому. Это не моё решение, но я и не особо противился. За всё время несения службы ты показал такое вольнодумство, такое вопиющее пренебрежение к любому начальственному мнению, что, будь моя воля, ты б пробкой вылетел, ещё когда затеял любовную интрижку с богиней Хель! Ставр, будь человеком, постарайся хотя бы уйти без скандалов.

Я молча кивнул. Он важно склонил голову так, словно был абсолютно уверен в моём ответе. Потом мой начальник тяжело поднялся, постучал себя в грудь кулаком и посмотрел мне в глаза.

– Дорог ты мне, боярин, – вновь съезжая на привычную колею, вздохнул Капитан. – И юница твоя к сердцу старика свою дорожку протоптала. В Белом Комитете тоже, поди, живые люди сидят, зазря не обидят. Но уж и ты расстарайся, яви им своё усердие.

– Что мне нужно сделать? – Я вновь взялся за бутылку, но Капитан уверенно накрыл свою стопку ладонью. Достаточно.

– Найди того, кто волку очи вырвал. А как найдёшь, не дай ему уйти!

Стоп. Я же не говорил ему про то фото из журнала с изуродованной мордой волка. Задница йотунхеймова, да я вообще никому ничего об этом не рассказывал. Сорвал, смял и собственноручно выбросил в мусоропровод. Что ж, в очередной раз приходится признать, что старый Капитан не зря занимает свою должность и кабинет.

– Завтра в час тридцать, – напомнил он, протягивая руку.

Я подтвердил, что приду, отвечая на его рукопожатие. Когда мой шеф ушёл, я вновь почувствовал вялую слабость во всём теле. Какого северного мха? Эта проклятая болезнь меня доконает, я ничего толком не ел, один омлет с холодным кофе, нервы на пределе, стресс за стрессом, и, кажется, жар снова пошёл вверх. Все мои в замке, я сам просил их не возвращаться, поэтому...

В дверь постучали, хотя могли бы и позвонить. Глянув в дверной глазок, я щёлкнул замком и впустил Дану. Черноволосая дампир, традиционно предпочитающая красные тона в одежде, не задавала вопросов. Она шагнула вперёд, молча обняла меня, прижалась грудью к груди и повалила меня на пол.

Ровно за минуту до того, как в нашу дверь начали стрелять! Кстати, у меня хорошая дорогая дверь, стальная в деревянной обшивке. Выбить её почти невозможно (очень трудно, по крайней мере), но чем же в неё палили, если после каждого выстрела появлялся ещё один новый глазок? Бронебойные пули? Титановое покрытие? Какие-то новые разработки

нашей расчудесной оружейной промышленности? А, не важно-о...

– Ты с ума сошёл?! – рывкнула на меня Дана, когда я поцеловал её в шею. – Ставр, я ценю твой пыл, но вроде как сейчас не очень вовремя, да?

– А мне показалось, что ты легла на меня не просто так.

– Само собой!

Она скатилась вбок и, став на четвереньки, за шиворот потащила меня в спальню. Стрельба продолжалась, вызывать полицию или жаловаться Капитану смысла не было.

Если не можешь дать отпор, отступай. В конце концов, не дать врагу убить тебя – значит полностью разрушить его планы, а это уже маленькая победа. Я взял Дану за руку и, пошатываясь, встал на кровати лицом к старому гобелену.

– Все наши уже там.

– Отлично. Если ты приглашаешь, то я охотно присоединюсь. Поэтому сейчас же пригласите даму, милорд, живо!

– Эд тебе не доверяет.

– Потому что я не сплю с ним.

Ну что ж, по факту да, верно. Бывшего бога трудно обмануть, но как мужчина он доверчивее ребёнка. Пальба прекратилась, похоже, сейчас они начнут выбивать дверь.

Оставалось надеяться, что наши бдительные соседи уже наперебой называют во все службы – в полицию, к газовикам, медикам и пожарным. Мы с дампир, крепко держась за руки, шагнули в тяжёлую ткань старого гобелена и... встали на холодных плитах замка Кость.

– Мой лорд, леди Дана, – церемонно поклонился наш... его величество... мой паж.

– Это тот же Метью? – на всякий случай уточнила дампир.

Я кивнул.

– Хм, вроде бы его признали королём, нет?

– Да, леди, – согласился тощий паж, вовремя успевший сменить и одежду и должность. – Однако жизнь во дворце оказалась вредна для моего здоровья, и благородный лорд Белхорст проявил воистину невероятное человеколюбие, позволив мне вернуться к исполнению прежних обязанностей. Так что я бывший король.

– Говорит, словно диктор на РЕН ТВ, – обернулась ко мне Дана. – Бывший король, бывший бог, бывший крестоносец, бывшая жена, у тебя так много бывших. Надеюсь, мне не придётся пополнить этот список?

Я хмыкнул, пытаясь ответить чем-то остроумным, но коридор поплыл

перед глазами, и в себя я пришёл, уже лёжа под медвежьей шкурой на кровати в своих замковых покоях. Рядом, на дубовой табуретке, сидела, сложа ручки на коленях, моя послушная дочь.

Длинное голубое платье в пол, волосы заплетены в простую косу, на шее серебряное ожерелье с янтарными бусинами. Не помню, покупал я его или это какой-нибудь наш трофей. Главное, что Хельге очень шло, и можно быть уверенным, что она полностью адаптировалась в нашем заснеженном Приграничье.

– Ты всё ещё болеешь, па...

– Похоже, что так, лапка. – Было бы глупо оспаривать очевидное. – Не волнуйся, у меня тут есть маленькая аптечка, в углу под кроватью. Достань парацетамол и ротокан.

– Это ты выпьешь на ночь, но доктор выписал антибиотики, а прерывать курс уколов нельзя, – авторитетно заявила моя дочь. – За свой замок не волнуйся, мы все тут за всем присмотрим. Меня уже слушаются почти все твои наёмники.

– Кто-то против?

– Сегодня дам по мозгам одному нахалу, и точно будут все.

– Ты можешь просто сказать Седрику или дяде Эдику, они разберутся.

– Нет, па. Разберусь я сама. Дочери Белого Волка не пристало прятаться за чью-то спину. – Она уверенно встала, выпрямилась и шагнула ко мне. – А ты будь умничкой, потерпи один укольчик, ладно?

Хельга чмокнула меня в щёку, невзирая на мою небритость, и вышла из комнаты. Взамен ко мне тут же просочился белый цверг в шапочке с красным крестом.

– Мой господин, а я всё взял с собой! Не соизволите ли оголить филей? Вы даже не заметите, словно комарик укусил, ей-ей!

С тихим зубовным скрежетом я перевернулся на живот, приспустил джинсы и... едва не взвыл, когда этот ретивый коновал всадил мне иглу! Больно же, сволочь ушастая...

– Вот и всё! А вы герой, мой господин, – с уважением протянул Десигуаль, едва не обеззаразив ранку от укола языком, мне удалось увернуться. – Любой другой барон или лендлорд не вынес бы подобных пыток. Ну или как минимум захотел бы меня убить после такого.

– Я тоже хочу!

– Намёк понял.

Белого карлика унесло сквозняком, а в комнату осторожно сунулся взволнованный дядя Эдик.

– Ставр, дружище, какого бледного Хеймдалля ты вдруг решил

заболеть? Весь замок в панике, парни собирают монетки тебе на лечение. Лично я никогда ничем не болел. От рождения! И тебе не советую. Но раз уж оно произошло, то лучшим лечением для мужчины является женщина. Хочешь, поговорю с толстой кухаркой Агатой?

– Эд, заткнись.

– А что, представь, что это одна большая грелка, в объятиях которой ты просто утонешь. Не нравится Агата? Давай назовём её по-другому. Аглая, Анюта, Алина?

– Дана.

– В смысле?

– Я говорю, Дана в замке. Ты, наверное, её видел. И Хельга тоже, поэтому любая попытка подсунуть мне женщину в постель кончится тем, что она будет кроваво убита. Кстати, ты тоже.

– А я-то за что? – искренне испугавшись, всплеснул руками кудрявый бог. – Всё-таки вы, люди, очень неблагодарны и не цените заботы и благорасположения. Тьфу на тебя, смертный! Лечись своими антибиотиками, а я пойду стенать о несовершенстве мира куда-нибудь поближе к винному погребу. Только Хельге не говори, ок?

Я устало кивнул головой в знак согласия.

После Эда в моих апартаментах возникла массивная фигура старого крестоносца. Седрик, как всегда, был немногословен, спокоен и бодр, разве что в голосе промелькнули неведомые доселе нотки:

– Вы в порядке, сир?

– Я слегка приболел. Жар, озноб, голова мокрая, и давит грудь, но в остальном ничего страшного.

– А что говорят лекари вашего мира?

– Да что они могут знать? Говорят, что нервное истощение, катастрофическое понижение иммунитета, резкое переохлаждение организма, ну и закономерные последствия в виде ОРЗ или даже инфлюэнцы.

– Последние слова – это чародейское заклинание? – на всякий случай уточнил он.

Я подумал и подтвердил: да, чародейство в стиле «злого медика» самое оно. Святой Ацикловир мне в помощь.

– Вы, наверное, хотели спросить про того большого зверя?

– Да, его видели близ замка?

– Сир, неужели я бы не доложил вам?!

– Седрик, идите в...

– Думаю, мне не стоит дожидаться уточнений куда? – задумчиво

пробормотал участник трёх Крестовых походов и, пятясь, вышел вон.

Взамен переходящее место у моей кровати тут же занял мой бывший (нынешний) паж. Метью был слегка взволнован, попеременно краснея и бледнея, но начал по существу и без лишней патетики.

– Мой лорд, вы спасли меня. Моя жизнь навеки принадлежит вам и миледи Хельге. Она дала мне возможность искупить вину, заботясь о вашем доме в другом мире. Я... я, наверное, должен рассказать обо всём, что со мной произошло, стоило мне переехать в столицу?

– Сделай милость, – прикрыв глаза, попросил я. – Только максимально короче, нет настроения слушать сценарий очередной мыльной оперы.

– О, я знаю, что такое мыло! И шампунь, и зубная паста, и одеколон, и...

– Метью?

– Ах да, простите, – чуть смутился он, не решаясь присесть на край моей кровати. – Да, я расскажу. Если совсем коротко, то в королевском замке был мой двойник и почему-то слуги в чёрном предпочитали исполнять его приказы, а не мои. Он приходил с ними ночью прямо ко мне в спальню и смеялся, глядя мне в лицо, пока меня били. Я звал стражу, но напрасно. Трижды я вырывался и пробовал драться с ним, но он был так силен, что связывал меня двумя пальцами, словно беспомощного котёнка. Бил, но не убивал. Я зачем-то был нужен ему живым.

– Дурилка картонная на троне, – предположил я.

Метью правильно уловил суть и продолжил:

– Я не знаю, кто он, иногда мне вообще казалось, что он не человек. Вы были правы, мой лорд, моё королевское правление оказалось очень коротким. Я мог быть рождён для короны, но несколько дней, проведённых во дворце, когда ты не можешь доверять даже собственному отражению в зеркале, быстро меняют приоритеты. И пусть мой побег недостоин короля, но я просто захотел жить.

На минуточку мне показалось, что я разговариваю с другим человеком. Парень повзрослел, хлебнул лиха, нюхнул пороха, понял, что почём, и, возможно, получил шанс остаться здесь ещё на пару дней. Ну или, быть может, даже до весны.

Если, конечно, за ним опять не придёт какой-нибудь бурый совет баронов с объединёнными войсками всего королевства. Хотя, как выше отмечалось, дороги малопроезжимы, замок практически неприступен, бояться нечего, переживать тоже.

– Только Фенрира это не остановит.

– Что, мой лорд? – дёрнулся Метью, касаясь рукой моего лба. – У вас

жар!

– Не ори, – поморщился я. – Пойди уже займись делом. И это... сэра Эда позови ко мне.

Парень молча поклонился и безропотно вымелся прочь. Неужели действительно изменился? Нет, не верю, и вошедший Эд мгновенно подтвердил мои худшие опасения.

– Ставр, ты зачем отправил это королевское недоразумение помогать Хельге по хозяйству? Он же опять будет ночь напролёт читать под её дверью рыцарские баллады. Хельга уже два раза давала ему по башке, чтоб заткнулся. Один раз с нервами, так что юноша был в отключке до утра. Ты, конечно, не слышал, ты валялся в горячке и стонал, словно раненый лось.

– Эд...

– Но мы с племянницей взяли всё в свои руки. Кроме твоих смешных антикварных торгов, туда мы не лезли, хотя я был бы не против. Ты ведь продаешь оружие за бумажки. А надо брать золотом! Только золотом, уже поверь мне, я участвовал в стольких походах, я привозил в северные фьорды драккары, гружённые добычей так, что они едва не черпали морскую воду бортами! Мои воины носили по три перстня на каждом пальце рук и ног! Браслеты надевали аж до подмышек, серебро не считали достойным мужчины, а драгоценными камнями кидались в обнаглевших чаек!

– Эд, послушай...

– Чего мне тебя слушать, ты же больной! Ты в горячке, у тебя затуманен разум, хотя надо признать, его тебе и так отпущено немного. А я говорил, я всегда говорил: мужчине нельзя не пить! Один кувшин хмельного мёда – и мир бы заиграл для тебя иными красками. Тем более когда рядом рыщет...

Я встал и что есть силы двинул ему в челюсть. Само собой, он легко увернулся, поймал мою руку в захват и мягко уложил меня обратно в постель.

– Словно зайчонка поборол, даже стыдно немножко, – подумав, покаялся бог. – Пойду предложу твоей прекрасной Дане выпить и прогуляться по заснеженным стенам под луной. А ты лежи тут, тебе нельзя волноваться.

Кажется, потом ещё заходил Седрик, что-то спрашивал, но я уже не помню. Видимо, лекарство, прописанное врачом и вколотое Десигуалем, имело побочный эффект в виде сонливости. Меня опять накрыло, спал без снов, тяжело дыша и ворочаясь с боку на бок.

Проснулся с мокрой головой. Пользуясь случаем, переоделся в сухую

одежду. Из всех мыслей в голове почему-то толкалась лишь одна: в час тридцать меня ждёт Капитан. Сколько же времени я провёл в постели, два-три часа?

– Наверное, пора. В замке обойдутся и без меня, их тут много, всем весело, так что обойдутся. – Я на минуточку застопорился, задумавшись о том, почему меня не разбудили заранее. – А-а, так, собственно, никто и не знал, что Капитан ждёт меня в управлении. Мы же один на один договаривались. Так, мне пора.

Видимо, всё-таки укол был не так прост, поскольку помимо добавления сонливости организму ещё и неслабо отключал мозг. Потому что всё произошедшее впоследствии я не мог объяснить ничем, кроме как временным помутнением рассудка. Судите сами.

Во-первых, я тихонечко ушёл из спальни, никого ни о чём не предупреждая.

За замок можно не волноваться, тут Седрик. За Хельгу тоже, потому что тут бдительный Эд. Дана всегда может постоять за себя в любой ситуации, хотя что ей у нас может грозить, если все вокруг знают о наших отношениях? За Метью вообще смысл переживать? Кому он нужен, кто его сюда звал, сам напросился, верно? Ну вот и всё.

К старой фреске я подошёл практически на цыпочках. Ещё раз воровато огляделся по сторонам, зачем-то глупо хихикнул, представив себе, как они все будут искать меня в спальне, а фигу, птичка упорхнула!

Потом преспокойно шагнул в стену, вышел прямо в сапогах на свою кровать и замер. Посторонних звуков в доме не было слышно, зато запах пороха буквально раздирал ноздри. Да, в нас же с дампир стреляли! И, как помнится, страшно изуродовали мне дверь.

Я быстро прошёл в прихожую, нашёл на стене ирландский топор конца восемнадцатого века с традиционными узорами на обухе и деревянной рукоятью, снял его со стены, выровнял дыхание и, повернув ключ, резко выпрыгнул на площадку.

На меня недоумённо уставились трое парней в чёрной форме спецназа. В их руках ещё дымились стволы странных угловатых автоматов, больше похожих на какие-то фантастические бластеры из звёздных войн.

– Охренеть, реальный викинг? – успел выдохнуть один.

– Гореть вам в аду, дьявольские отродья!!! – на манер Хельги взревел я, вздымая топор над головой и бросаясь в атаку. – Покрошу, порешу, покоцаю!!!

На узкой лестничной площадке им некуда было деваться, и мне удалось раскроить два шлема из трёх, пока они ломились в лифт. Но с

восьмого на первый он идет не меньше полминуты, а значит, время для мести есть...

– Неожиданность рукопашной атаки вкупе с яростью берсерка почти всегда гарантирует положительный исход боя, – наставительно заметил я высунувшимся соседям и изо всех сил рубанул по кнопке лифта.

Искры, дым, грохот и матюки застрявших между этажами спецназовцев. Деревянная рукоять топора спасла мне жизнь. Повесив оружие в кольцо на поясе, я быстренько заглянул домой, сунул за пазуху кошелек и сотовый, а потом пешком спустился вниз, попросив по ходу бабу Нюру с третьего вызвать полицию.

– Дык уже, милоч, – гордо объявила она. – Как те фулюганы палить-то начали, тотчас и вызвала!

– Давно? – на автомате спросил я, перепрыгивая через три ступеньки.

– Да, поди, минут пять али десять прошло! Милиция давно бы приехала, а энти полицейские, ох...

Уже на выходе из подъезда в голову стукнулась робкая мысль о времени. То есть по двери стреляли, мы с Даной ушли в Кость, я там общался, лечился, спал, вернулся домой, а прошло всего ничего? Получается, практически меньше минуты, раз эти спецы не успели даже перезарядить оружие.

Сам я «сдвигать» время не умею, быть может, дядя Эдик на автомате устроил мне такую шутку? Он же в прошлом настоящий бог, ему и не такое подвластно, если подумать.

Ну и ладно. Я вызвал такси, благо по городу это всего сто рублей и приезжают, как правило, практически сразу же, у них стоянка за углом соседнего дома. Водитель белой «шкоды», небритый парень дагестанского типа, не выразил ни малейшего удивления, когда я бухнулся к нему на переднее сиденье.

– Топор, э-э, уберите нэмнога, – единственное, что попросил он. – Гаишники злые, да. Мне штраф, вам проблэмы, нам нэ надо, правильна?

– Не буду спорить, – решил я и не стал, переложив оружие на заднее сиденье.

Водитель удовлетворённо кивнул, поставил что-то эмоциональное в стиле «А он бродяга, по жизни холостой...» и в пятнадцать минут доставил меня в центр. Я вылез, поправил на плечах плащ белого волка, достал из-за пазухи кошелек и расплатился рублями.

Хотя, судя по моему костюму, парень, скорее всего, ждал серебряную монетку семнадцатого века. Да в принципе он бы и древнегреческую драхму взял бы без претензий или, допустим, красное эльфийское золото.

Осенью погода у нас на юго-востоке скачет непредсказуемо, сегодняшний день как раз выдался прохладным, но в моём средневековом платье со шкурой волка на плечах всё равно было жарковато. Я легко взбежал по ступенькам офисного центра и, широко улыбнувшись охраннику, бросил на ходу:

– Граничары. Второй этаж. Капитан назначил в час тридцать.

После этих слов на меня словно обрушился ледяной душ. Какого северного мха со мной происходит? Капитан просил быть завтра! Но после его ухода появилась дампир, потом в нас стреляли, потом замок, упал, потом я возвращаюсь и разгоняю стрелявших кого-то там, так? Бегу вниз, сажусь в такси и еду сюда.

Но ведь это означает, что сейчас всё ещё сегодня! А меня ждут завтра. Куда же я попёрся не вовремя, не в тот день и в таком виде, словно только что отразил набег диких готов? Что-то странное творится с моей головой...

– Ну не разворачиваться же назад, раз пришёл, – тяжело вздохнул я, костеря на все лады свою болезнь, как будто бы только она во всём подряд виновата.

Кабинет моего непосредственного начальника, как вы помните, был на втором этаже бывшего здания райисполкома времён сталинской постройки в стиле ампира. У старых дверей с облупившейся белой краской я на миг замер, старательно приводя себя в порядок, и...

– Что значит – он ушёл? – гремел изнутри голос Капитана. – Вы получили новейшее оружие, вам точно сказали, когда он дома, и вы позволили ему уйти?! С каким ещё топором? Кто ранен? И это вы называете раной?! Да хоть задохнитесь все втроём в этом лифте, я и пальцем не пошевелю. Один всемогущий, с кем приходится работать...

Я сумел чудом остановить руку в считанных сантиметрах от двери.

– Нет, вы будете отвечать не передо мной. Провал такого простейшего, по сути, задания будет разбирать ваше прямое начальство, а уж его вызовут на ковёр там, где следует. Белхорст был один, а вас трое! У него древний топор, у вас современное оружие! И вы бежали. Бежали, когда у вас был прямой приказ о ликвидации объекта?!

Я с огромным трудом поборол искушение войти и раскроить ему башку тем же ранее обсуждаемым ирландским топором. Он предал меня. На раз, легко, не задумываясь, ради чьих-то высоких (очень высоких) и важных целей.

Конечно, если злые враги отнимут жизнь отца у взрослеющей дочери и Капитан, вхожий в нашу семью, будет помогать Хельге пережить ужасную трагедию, то как, по-вашему, в чью пользу будет её так

называемый выбор? Уверен, что в правильную.

Белый Комитет избавит себя от возможных проблем и заодно перетянет на свою сторону верную адептку, связанную по рукам и ногам памятью погибшего отца, а потому ревностно оберегающую нестабильные Грани. Как-то примерно так...

И почему мне никто не сказал, насколько это изумительно просто? Ведь если Хельга моё слабое место, то и я её ахиллесова пята. Мы всегда вместе, мы слишком привязаны друг к другу, чтобы один согласился хоть как-то жить, если другого уже нет на этом свете.

Однако, помнится, разок был случай, когда меня всё-таки убили, но Хельга устроила такой разнос Смерти, что её мамаша, подумав о последствиях, предпочла вернуть меня в мир живых. А надо помнить, что древние скандинавские боги ничего не делают просто так и богиня Хель очень хочет привлечь к себе дочь. Пусть даже она и родила её не от настоящего бога, а от простого смертного. Для северного пантеона это в порядке вещей.

Другой разговор – если этот самый случайный отец как-то вдруг исчезнет. Причём не в Приграничье, не за Гранями, а у себя дома, в квартире, жестоко расстрелянный неизвестными спецслужбами. Куда в таком случае идти бедной сиротке Хельге? Конечно, в заботливые материнские объятия. Только её мать и есть Смерть, о чём тоже не стоит забывать.

Но могла ли божественная Хель договориться с Капитаном?

– Девочка моя, – пробормотал я вслух, ещё не осознавая, что уже стою на улице. – Пожалуй, мне пора вновь побеседовать с твоей мамой. Ничего личного, просто снова умирать почему-то совсем не хочется. Как говорят патологоанатомы, спешки нет!

Вызванное такси подъехало минуты через три-четыре. На этот раз водитель попался любопытный и шумный, пытавшийся в шутку обыграть мой внешний вид. Однако вид боевого ирландского топора с красными пятнышками на лезвии резко успокоил стендапера из таксопарка.

Поначалу он, кажется, не верил, что оружие настоящее, и даже поставил мне новый матерный шансон, но сегодняшнее моё настроение не способствовало толерантному восприятию мира и снисхождению к идиотам. После того как я, нервно повернувшись, одним взмахом сбрил ему правую бакенбарду, мужик вёз меня, словно китайскую вазу эпохи Цинь, закусив губу и не дерзая даже дышать чрезмерно громко.

Это разумно, я был не в лучшем расположении духа. Таксист с меня потом даже денег не взял.

– Не, не! Братан, купи себе пива за мой счёт. Чё, я не понимаю, все беды из-за баб. Выпей, короче!

Пока я соображал, можно ли отнести мою дочь к этим так называемым бабам, машина успешно уехала. Или поспешно?

Не знаю, не уверен, у меня, кажется, снова начала подниматься температура. Голову кружило, меня качало во все стороны, и даже код подъезда удалось набрать лишь с третьей попытки. На первом этаже вовсе трудилась бригада лифтеров. Я вежливо кивнул им, преспокойно поднявшись на восьмой этаж пешком.

Двери лифта на третьем этаже были распахнуты, значит, стрелков успели спасти банальные службы ЖКХ. Да и задница Фенрирова бы с ними! Они лишь обычные исполнители, то есть, по сути, никто и звать их никак. Главное, что за всем этим стоит человек, по долгу службы призванный защищать таких, как я. Почему?

Да потому что именно мы ежедневно защищаем сотни миллионов людей на этой планете. Тот самый мир, где все уже давным-давно забыли, что такое рагнарёк и чем он опасен. Хотя в те стародавние времена войны в Асгарде были не менее страшны, чем ядерные, но люди имеют короткую память. Это помогает им выжить.

Открыв изрешечённую пулями дверь, я шагнул в квартиру. Внутри, как и ожидалось, никого. Все уже в замке Кость, там куда интереснее, чем у нас дома, поэтому я тоже не буду тут задерживаться. Дверь запираем изнутри, всё равно новую ставить, дальше, что мне надо взять? А надо ли хоть что-то? Ох, я старался не думать о Капитане, но его предательство жгло, словно раскалённое тавро у меня на загривке.

Есть вещи, которые нельзя забывать и нельзя прощать никому. Определённым моментам жизни Приграничье учит лишь один раз. Не запомнил урок – сдохни, неуч! У нас с этим как раз очень просто, у нас – выжить сложнее.

Я повесил топор на те же крючки на стене, взял с собой початую пачку молотого кофе, сунул за пазуху маленькую шоколадку для Хельги и, не задумываясь, шагнул в старый гобелен.

Должен признать, что на этот раз меня никто не встречал.

Метью в засаде у фрески не было, на горизонте не маячил бывший крестоносец, дядя моей дочери также не спешил меня обнять, но хуже всего, что с первым же вдохом я почувствовал ничем не истребимый запах псины.

– Фенрир, – выдохнул я, бросившись по коридору вперёд.

В пень болезнь, тяжёлое дыхание, вновь нахлынувший жар, боль во всём теле и звон в ушах. Я успел. Во дворе замка Кость стоял огромный волк, чёрный как ночь, с жёлтыми глазами, в которых полыхал неземной ад. Жуткое зрелище...

С клыков волка капала слюна, прожигая наледь и снег. В его шкуре торчало два десятка стрел и копий. Значит, наши наёмники сражались, как могли.

Клыки Фенрира ещё не были окрашены кровью, это хороший знак. Я выскочил во двор ровно за миг до того, как бывший бог взмахнул топором, бросаясь на извечного врага.

– Пусти! Ставр, не держи меня, я всё равно ему врежу!

– Уймись, он не за тобой пришёл.

– Пусти, смертный!

– Эд, вспомни, твой отец уже пытался драться с ним в последней битве. И чем всё закончилось? Великий город Асгард пал, а он жив! Отвали, короче.

Но бывший бог асов не намеревался отступать ни на шаг. И я прекрасно знал, что заставить его отойти в сторону можно только прямым ударом его же молота по затылку. А поскольку я никому не говорю, куда я этот кузнечный инструмент спрятал, то и вариантов разрешения ситуации было немного. Бить я его не мог, поскольку опять накатила дикая слабость, а вот выйти вместо него...

– Я здесь!

Волк едва повернул голову в мою сторону. Не уверен, возможно, он лишь покосился на меня. Но жёлтые глаза Фенрира сменили цвет на синий, в них мелькнуло узнавание. Кто бы что ни говорил, я был уверен, он узнал меня и теперь просто ждал. Не кого-то, никто другой не был ему интересен, только я. Что, как ни удивительно, устраивало и меня тоже.

– Фенрир! Ты вошёл в мой дом, не спросив разрешения хозяина. Чего ты хочешь от замка Кость?

Огромный волк на мгновение зажмурил левый глаз, когда в его веко ударился арбалетный болт. Не думаю, что железо причинило ему бóльшую боль, чем комариный укус. Просто мне ещё раз дали понять, что великий зверь не может быть побеждён никаким оружием.

– Выйди ко мне.

Я послушно шагнул вперёд, вставая напротив самого страшного кошмара рагнарёка. Не знаю, кому как, но мне не часто приходится вот так стоять лицом к лицу со смертью. А ведь именно она сейчас смотрела на меня круглыми глазами цвета мартовского льда. И не подумайте, что это

была Хель. Её я ещё мог бы хоть как-то уговорить...

– Сир? – С вопросительным возгласом из-за моей спины выскочил бывший крестоносец, размахивая двуручным мечом.

Фенрир резко выдохнул через ноздри, и героического старину Седрика вмяло спиной в каменную стену конюшни.

– Мой лорд, я готов умереть за...

За что конкретно был готов умереть мой бывший паж, неизвестно.

Хельга, появившаяся из дверей той же конюшни, резко вдохнула носом, и бедняга Метью, как и ранее Седрик, прилип к стене. Что ж, малышка такое может, а, быть может, может и не такое. Если, конечно, так позволительно выразиться.

По факту моя Хельга самая сильная девочка на планете, и, будь её воля, она бы запросто пошла даже на самого могучего волка древних мифов. Это была бы эпохальная схватка, кто желает сделать ставки? Не я, ибо я просто не позволю им драться.

– Чего ты хочешь?

– Справедливости, – прорычал зверь, скаля клыки.

Я на мгновение прикрыл глаза, пытаюсь вызвать в памяти классические сюжеты Старшей Эдды. Рёв трубы Хеймдалля, рушащийся радужный мост, толпы врагов, земля сгорела, Иггдрасиль рухнул, погибли все. Фенрир, видимо, как-то выжил.

Хоть об этом ничего не написано, но он – сила природы, дикая жизнь, никак и ничем не управляемая воля. Такое не может запросто взять и исчезнуть.

– Что ж, ты на моей земле, здесь моё право и лишь от меня зависит исполнение законов чести. Если я или кто-то из моих людей виновен перед тобой, то можешь требовать искупления кровью. Но драться ты будешь со мной как лордом этих земель!

– И со мной. – За моим плечом встала Хельга.

– И со мной! И со мной! И с нами! – неровным хором отзывались все вокруг.

Наёмники спустились со стен, Центурион и Ребекка, оскалив зубы, вышли из конюшни, Седрик, Метью и Эд подняли щиты, из кухни спешила толстая Агата с половником наперевес, а у моего колена гордо выпрямился белый цверг Десигуаль, угрожающе поигрывая кирпичом.

– Подойди, – не обращая на наше войско ровно никакого внимания, потребовал Фенрир. Потом опустил голову и тихо добавил: – Пожалуйста.

Я шагнул вперёд, Хельга закусила губу, но раскинула руки, призывая никого не совершать опрометчивых поступков.

– Ты Ставр Белый Волк и мой должник. Я могу убить тебя, как ты убил моего сына, того, чья шкура у тебя на плечах, но я прошу тебя о помощи.

Он вытянул шею, и я вдруг впервые заметил что-то розовое, сверкнувшее в густом подшёрстке. Это ещё что за гламурная штучка?

Гигантский волк кивнул, я подошёл поближе. Засунув руку поглубже в шерсть, мне удалось нащупать нечто вроде ошейника. Шею Фенрира схватывала тоненькая лента.

– Мразь йотунхеймская, – невольно выругался я и крикнул: – Эд, иди сюда! Смотри. Ты видел такое раньше?

– Драккар мне в ухо, – невольно присвистнул бывший бог, ошарашенно хлопнув себя по лбу. – Та самая лента! Но... как... он же не мог сам, а... кто способен связать Зверя?!

– Вспомни, вы со своей роднёй и друзьями уже делали это раньше.

– Так мы, как честные асы, всё провернули обманом! – праведно возмутился дядя Эдик. – Связанный враг побеждён, но не унижен. А вот заставлять его, как купленного раба, ходить в ошейнике...

– Сними с меня это, – глухо прорычал Фенрир.

Я кротко вздохнул и кивнул Хельге. Моя хрупкая девочка храбро подошла к нам и взялась за ленточку. Губы её побелели, руки напряглись, на лбу появились капельки пота.

– За-адушишь же, – прохрипел волк, падая на одно колено.

Лента не порвалась. Её невозможно было разорвать никому из смертных, да и бессмертных тоже. Мы огорчённо уставились друг на друга.

– Что будем делать, па? Жалко собачку.

– Я... я волк!

– Он волк, – строго подтвердил Эд. – И он был честным противником в день рагнарёка, когда в огне погиб наш мир. Я ненавижу его, но не могу не уважать. Когда ты снимешь ленту, мы сразимся с ним снова.

– Только об этом и мечтаю, – буркнул Фенрир, вылизывая шерсть.

Я же зябко повёл плечами. На дворе мороз, минус пятнадцать – двадцать. Не слишком холодно для здорового человека, но мне сейчас лучше сидеть в тепле.

Угу... прям вот засиделся! Кто ж мне тут даст хоть поболеть-то спокойно?!

– Ты можешь зайти через несколько часов, ближе к вечеру? – спросил я огромного волка. – Нам надо подумать и поискать ответ в книгах. Даю слово чести, что сделаю всё, чтобы помочь тебе.

Фенрир едва заметно кивнул, резко развернулся на месте и одним

прыжком взлетел на стену. Чёрный силуэт волка застил солнце. Ещё один прыжок вниз – и он исчез в синеющем мареве. Кажется, все облегчённо выдохнули.

– Что будем делать, папуль?

– Читать, – сухо ответил я.

Все вокруг понимающе загомонили, хлопая друг друга по плечам в полной уверенности, что их мудрый лорд способен разрешить любую проблему. Ну молодцы, чё...

– Седрик.

– Да, сир?

– Поблагодари ребят за то, что не трусили. Всем по кружке горячего вина и серебряной монете.

– За что, сир?! – нахмурился он.

– Да, ты прав, они лишь выполняли свою работу, – вовремя поправился я. – Никаких аттракционов невиданной щедрости. Просто вино.

Старый крестоносец одобрительно хмыкнул и пошёл разбираться с бойцами. Награда от лорда-хозяина полагается всем, а подзатыльники Седрика тем, кто недостаточно быстро спешил со стен встать в боевой строй против общего противника.

Не буду вмешиваться, это его право и его служебная обязанность, в конце концов, именно Седрик отвечает передо мной за каждого лучника, мечника, копейщика и часового.

– Мой лорд, я...

– Метью, будь добр, займись моим гардеробом, – скорее попросил, чем приказал я. – И в комнате приберись, и кровать перестели, и камин затопи, и...

– Я найду себе занятие, – сразу согласился он, пятясь задом.

– Парень умнеет на глазах, – вынужденно признал я. – Ты что-то хотела, милая?

– Просто обнять тебя, па.

Мы обнялись крепко-накрепко, как в детстве, когда я целовал её перед сном и заботливо прибирал в угол все нежелезные игрушки от её кровати.

– Лапка, пожалуйста, найди мне в библиотеке томик Старшей Эдды, репринтное издание тысяча девятьсот семнадцатого года в переводе господина Свириденко. Я сяду на конюшне у Центуриона.

– Ок. А потом?

– Ну попроси для меня у Агаты чего-нибудь горячего.

– А твою Данку вернуть?

На минуточку у меня случилось короткое замыкание в голове. Во-

первых, что значит «мою» Данку? Наши отношения с чернокудрой дампир пока ещё весьма неопределённые и не связаны священными узами брака или иных гражданских обязательств. Во-вторых, что значит «вернуть»?!

– Так она попросилась выйти погулять вокруг замка, – охотно пояснила Хельга. – Кстати, давно ушла, наверное, ещё за час до того, как сюда запрыгнул волк. Надеюсь, он не съел её по дороге?

– Попроси Седрика отправить двух всадников на её поиски. Мало ли...

– А ты сам не пойдёшь?

– Нет. А должен?

– Ну-у, я думала-а, – неопределённо протянула моя дочь и неожиданно закончила: – И правильно! Никуда не ходи, пусть теперь она за тобой бегает. Ты лекарство выпил?

– Да.

– А укол?

– Тоже да, твой Десик расстарался.

– Всегда готов служить, мой господин! – коlobком подкатился белый цверг. – Быть может, вам ещё угодны пиявки и клизмы? Так и на это я со всем моим старанием.

Посмотрев мне в глаза, умненькая Хельга решила не искушать судьбу и за ухо увела слишком болтливого карлика на кухню. Это очень правильно, в последнее время выбесить меня крайне легко и боевой топор буквально прыгает в руку.

Когда они быстренько ушли, я на секундочку испытал укол стыда из-за того, что действительно подзабыл, что сам за руку отвёл Дану в замок и за всё это время ни разу даже не вспомнил о ней. Получается, это не любовь? Ну или наши чувства занимают в моём сердце куда меньше места, чем хотелось бы любой женщине.

Хотя, по сути, какой мужчина, даже единожды переспавший с богиней Смерти, способен всерьёз обратить внимание на другую?

Нет! Я никогда, даже в самом страшном сне, не вернусь к Хель! Но и забыть о ней тоже не смогу уже никогда...

– Что ты задумал, смертный?

– Отвали, Эд.

– Какого северного мха?! Ты же прекрасно знаешь, я был там! Был в тот самый день, когда хитроумный папаша Один устроил показательные «соревнования силы» и никто из асов не смог разорвать волшебную ленту карликов. Даже я!

– Так иди и выпей по этому поводу. – Я развернулся к конюшне, но бывший бог схватил меня за запястье:

– Мы не смогли её порвать. Никто! И Фенрир купился на это, он думал, что мы притворяемся, мы играем с ним. Но кто же сумеет противиться игре? Она управляет и людьми и богами! Великий волк добровольно позволил связать себя.

– Только перед этим для гарантии он взял в зубы руку Тюра, – резко обернувшись, рявкнул я. – Тюр был благороден, он один из всего вашего племени рисковал собой, отлично зная, что его ждёт. А вы, боги, его предали! Фенрир откусил ему руку, но все вы лишь плясали от радости, что сумели пленить такого врага.

– Так ведь мы были пьяные, – безмятежно пожал плечами Эд. – Впрочем, как и всегда. А что такого? Кто ты есть, чтобы навязывать свои моральные кодексы древним богам асов?!

– Иди и вслух повтори это Хельге.

– Нашёл самоубийцу, – нехотя отступил кудрявый бог, почесал в затылке и неуверенно определился: – И в самом деле, не выпить ли мне?

Ну вот вроде и всё. Я спокойно, дрожа от озноба и спотыкаясь на ходу, направился к конюшне. Отлично помню, как дошёл туда, открыл дверь, ступил внутрь...

В себя я пришёл, уже полулёжа спиной на широком и горячем конском боку, словно на диване с подогревом. Могучий Центурион опустился на солому, а его белокурая подружка с отросшей гривой старательно дула мне в лицо ароматами овса и сена.

– Таки вы очнулись, хвала Моисею? А этот великорослый дубина всё доказывал мне, что инфлюэнца не лечится! Шо ты теперь скажешь, упёртый поц с копытами?

– Слушай, вот не надо дезинформации. Во-первых, я говорил не инфлюэнца, а иммунитет. Во-вторых, не...

– Ой вей! Таки он ещё будет находить себе оправдания в том, от чего умрёт мой дико любимый и страшно уважаемый лорд Белхорст?! Уверена, шо вы всё слышали. Ну и кто он после этих слов, а? Ну разве не шлимазл неподкованный?!

Я с трудом продрал глаза. Эта парочка вечно собачится, но, судя по всему, к весне нас ждёт пополнение. Это будет весьма оригинальный жеребёнок от высоченного чёрного фриза и белоснежной красавицы-андалузки.

Что получится, я даже не берусь судить. Мы в замке не занимаемся селекцией лошадей, но если малыш будет упрямым в папу, а болтливостью в маму, то... ох!

– Нам надо поговорить. Тут, случайно, моя дочь с книгой не

появлялась?

– Таки это же не было случайностью! – искренне удивилась эмоциональная Ребекка. – Маленькая Хельга сказала, шо вот эта книга вам очень нужна, а я ей ответила, шо папа спит и будить его всячески не очень надо. Потом он проснётся сам и скажет ей за то огромное спасибо. Но книга вот!

Центурион страдальчески выдохнул, закатывая глаза так, как это умеют только мужчины во время женских разборок, и, не меняя позы, подтолкнул правым передним копытом потрёпанную книжку. Старшая Эдда – популярнейшая вещь для любого, кто интересуется реальной историей мифов северных народов.

Книга сложная и противоречивая, там ничего не стоит принимать на веру буквально и также ничего нельзя категорически отрицать. По-моему, и сами авторы-составители-переводчики изрядно путались в неких вопросах исторической правды или творческого вымысла, периодически вставая не на ту сторону.

Лично я волей судьбы и командования был вынужден участвовать в ряде последних эпизодов этой эпопеи. Но только это даёт мне право весьма и весьма сомневаться в общепризнанной трактовке классических текстов.

– Итак, пытаемся вспомнить вместе. Верховный бог Один вызвал трёх карликов, славящихся своим умением создавать волшебные вещи. Предвидя будущее, обладая талантом ещё не родившихся Макиавелли и Ришелье, верховный правитель асов заказал им создать цепь, которую никто на свете не мог бы разорвать, разрубить, разгрызть или разрезать. Надо признать, что с этой невыполнимой в принципе задачей (ибо то, что создано, всегда можно и сломать!) небритые карлики всё равно успешно справились.

Все кони внимательно слушали меня, даже те, что не умели говорить.

– Однако они принесли Одину не цепь, а розовую тонкую ленту. Символически это свидетельствовало о том, что атласная девичья ленточка способна удержать любого мужчину круче самых тяжёлых оков. Но верховный бог планировал сковать не человека, не колдуна, не карлика, не великана, ему нужно было остановить самого Фенрира как дикую, свободолюбивую, хищную и никому не подвластную часть матери-природы. Задача не из простейших. Если бы не самопожертвование Тюра, доверие к Слову и врождённая любовь к Игре, богам нипочём бы не удалось пленить огромного волка. Они намеревались таким образом отсрочить неминуемый рагнарёк, но увы...

Лошади понимающе переглянулись и закивали.

– Центурион, напомни, из чего соткана эта проклятая лента?

Наша вежливая Ребекка скромно отошла в сторонку, а чёрный жеребец, образно выражаясь, «нацепил очки на нос» и, языком перелистывая страницы, быстренько нашёл мне нужный текст.

– «Оковы, в которые боги хитростью заковали Фенрира, были созданы искусными карликами из племени цвергов. Они сумели соткать атласную ленту из кошачьего плача, женской бороды, корней гор, песни ветра, медвежьих жил, дыхания рыбы и слюны птицы», – с выражением прочитал мой конь, брезгливо фыркнув. – По другим версиям считается, что ингредиенты могли дополняться или заменяться оленьим следом, сладостью соли, шипением змеи и всяческим подобным бредом. Однако же огромный волк каким-то образом всё равно сумел вырваться на поверхность земли! Его огненное дыхание сжигало леса всего Севера, когда он, пылая мстью, нёсся на рагнарёк. А в остальном да, это дитя природы, милый и общительный пёсик, как мы только что видели.

– После страшной битвы и конца света Фенрир исчез. Никто не знает куда. Ходили слухи, что, проглотив самого Одина, великий волк не смог переварить главного бога асов и ушёл умирать под землю, а все волки трёх миров пели ему прощальную песнь скорби, – вздохнул я.

– Таки шлимазл жив и шо с того? – стуча копытцами, влезла в мужской разговор Ребекка. – У вас же волшебное копьё того самого Одина, ткните ему туда, куда вам оно подскажет ваша фантазия. Никаких переговоров с террористами!

– Это я её научил, – под моим мрачным взглядом признался Центурион. – Мне надо хоть с кем-то говорить о современной литературе? А она впитывает всё как губка.

– Умная девочка, – согласился я, скрипнув зубом. – Увы, копьём Одина может пользоваться лишь король, тот, у кого в жилах течёт хоть капля крови, объединяющей богов и людей.

– Ша, таки у нас же есть Метью!

– Дура-баба. – Центурион махнул хвостом, символически запечатывая подружке рот. – Метью, быть может, и король, но не воин. Волк порвёт его как салфетку. К тому же лорд дал слово.

– Я поспешил.

– Да уж, ты спорол горячку, – толкнул меня храпом в плечо мой конь. – Но теперь поздно. Откажись ты сейчас, тебя не поймут твои же люди. Я уж молчу о том, что месть Зверя не заставит себя ждать.

Центурион был во всём прав. Хоть я и близко не задумывался о том, как бы кого обмануть, но Фенрир действительно способен заставить весь

замок заплатить за данное мной обещание. Слово лорда дорого стоит, иначе какой в нём смысл...

– Мне нужен Серый Брат. – Я решительно встал.

Плащ грел спину, как в парилке, возможно, опять накатывает жар. Нужно выпить пару таблеток.

– Передай конюху, чтоб тебя оседлали. Мы едем в лес.

– И я с вами, – подпрыгнула на месте Ребекка, пылко хлопая ресницами. – Таки даже готова сама себя оседлать, если возьмёте.

Почему нет? Всё равно одного меня никто никуда не отпустит, значит, по-любому или Эд, или Седрик навяжутся в провожатые. Лучше уж кудрявый бог, по крайней мере, с ним мне точно есть о чём поговорить.

И пусть в моём мире его разум даёт крен на оба борта, но здесь он помнит страшные дни рагнарёка так, словно ему впечатали их в мозг калёным железом. Он должен знать, как именно Фенрир вырвался на свободу и почему самая сильная магия великих богов неожиданно уступила банальной грубой силе.

Я вышел из конюшни и направился к себе. Голова слегка кружилась.

– Папуль, ты куда? – Хельга поймала меня на выходе из моей комнаты, когда я лихорадочно пытался проглотить две таблетки жаропонижающего без воды.

– Да в общем никуда. С чего ты взяла?

– Ой, па! Там Центурион бьёт копытом во дворе и дядя Эдик уже сидит на своей белой кобылке. Имей в виду, ты болен и я никуда тебя не отпущу!

– Во-первых, я лечусь! Мне даже уколы делают. Во-вторых, мне полезно подышать свежим воздухом в окрестностях, в-третьих, Эд всегда за мной присмотрит, в-четвёртых, я тут хозяин и господин. Мой замок – мои правила.

– Угу, – в упор не поверила она. – Это ты из-за своей Даночки так засобирался?

– Кстати, да. Из-за неё тоже, – поспешно подтвердил я. – Сама знаешь, нехорошо, если она пропадёт на нашей территории.

– Мог бы вообще её сюда не пускать!

– Мог бы, но это невежливо.

– Подумаешь!

– Да что случилось, вы же вроде даже дружили?!

– Ха, дружить с этой клыкастой овцой, что положила глаз на моего отца? – пренебрежительно фыркнула моя дочь. – Я тя умоляю, па! Застегни плащ, не хочу, чтоб тебя опять продуло, и чтоб вернулись оба до темноты,

ок?

Я на автомате кивнул, а напряжённая Хельга быстрыми шагами ушла по коридору. На миг мне показалось, что она готова разреваться, но это вряд ли. Моя малышка не любит слёз. Чужие рыдания её бесят, а свои она презирает. Такой сложный возраст, но, надеюсь, со временем это пройдёт. Наверное. Мне почему-то очень хочется в это верить.

Спустившись во двор, я первым делом уточнил у Седрика, вернулись ли те парни, которых он должен был послать на поиски дампир. Как и ожидалось, нет. Ладно, у нас ещё полно времени. Наверняка мы встретим их по дороге, если они недалеко ушли.

На вопрос, подходили ли в последнее время наши волки к стенам замка, старый крестonosец тоже ответил отрицательно. Он и близко не делил лесных хищников на наших и ненаших, но по факту любые волки традиционно воют у жилища человека по весне, а никак не в конце осени – начале зимы. До этого времени в лесах полно добычи, а вот с таянием снегов волки начинают вязнуть в грязи не хуже оленей и на пятки стаи наступает голод. Месяц-два, пока земля не прогреется скупым северным солнцем, они обречены бродить с впалыми животами, ловить мышей, грызть кору и терять шерсть клочьями.

Когда мы выехали за ворота, я, наверное, в сотый раз мысленно дал самому себе по башке за то, что по сей день не договорился с вожаком стаи о сигналах вызова. Ему-то проще – если чего надо, подходи к замку, запрокидывай голову и вой во всю глотку!

А вот как мне его позвать, когда очень нужно, это, извините, Хеймдалль наманикюренный его разберёт. И ведь винить-то некого, кроме самого себя!

– Ставр, мой случайный родственник из мира смертных, ты ведь хотел поговорить со мной?

– Эд, не выёживайся, – вздохнул я. – Ваши боги тоже небессмертны, они вполне себе умели умирать. Говори нормально.

– Бог с тобой.

– Я в курсе, ты же рядом, – не стал спорить я, поскольку Эд частенько обижается, когда кто-то забывает о его божественном происхождении. – Не думай, что я до тебя так уж докапываюсь, но... Мы оба видели рагнарёк. И мы оба знаем, что всё было не совсем так, как утверждают мифы.

– Их сочиняли одни люди, записывали другие, переводили третьи, исследовали четвёртые, а обсуждают пятые, – мудро согласился он. – Как я понимаю, всё из-за Фенрира?

– Да.

– Хочешь знать, каким образом он вырвался? – тяжело вздохнул кудрявый красавчик, опуская взгляд. Наши кони несли нас лёгкой рысью в сторону Граней, поводья и управление им не требовалось. – Ставр, никто не знает, как волк появился в тот день. Принято считать, что его дети проглотили солнце и луну, а без их света атласная лента, что соткали карлики, быстро потеряла силу.

– Но он же сидел в ледяных пещерах под землёй!

– Вот именно, туда отродясь не попадал ни лунный, ни солнечный свет. Как лента могла порваться? Кто ему помогал? Даже великий Один, отец богов, и тот не мог с ней справиться! Я не знаю, право, это...

– Твоё мнение?

– Это подстава. Предательство и измена. Я не знаю чья. Все наши погибли в тот день, то есть выгоды не приобрёл никто. Разве что твоя Хель.

– Ну, положим, она такая же моя, как и твоя, – буркнул я себе под нос. – Хель – богиня смерти вашего мира. И да, уж кто-кто, но она всегда в выгоде при любом раскладе. Если мир, то люди умирают медленно, так сказать – в ипотеку, а если война, то ей остаётся лишь подставлять ладони! Новые трупы падают каждые несколько секунд.

– И при этом ей самой даже не надо участвовать в войне, – нахмурившись, поддержал меня бывший бог. – Она единственная из всех нас, что была довольна любым исходом битвы. Возможно, это объясняет, почему она на миг прельстилась тобой. Она пыталась ощутить себя смертной. И ты дал ей это.

– Эд, всё было не совсем так. Или, правильнее сказать, совсем не...

– Ты единственный мужчина, давший Смерти шанс зародить жизнь! Ваша дочь, моя милая племянница, по самому факту своего рождения является невозможным противостоянием двух миров, поскольку обречена жить в обоих. Я люблю её, но она меня пугает.

– Чем именно?

– Малышка почему-то не пошла ни в отца, ни в мать. Она слишком самостоятельна, не находишь?

Я постарался выдохнуть так, чтобы не ощущалось ни разочарования, ни скорби, ни сомнения. Хельга – моя дочь, и я не отдам её никому! Ну, быть может, кроме того молодого человека (бога, робота, инопланетянина), которого рано или поздно она сама себе выберет. К тому же что-то говорит мне, что по данному вопросу ни у меня, ни у мамы, вообще ни у кого не будет спрашивать разрешения или совета.

В этих размышлениях я не сразу заметил, что мой конь замер. Ничего страшного, просто нам навстречу из-за поворота дороги выехали два

всадника. Наши ребята, лучники, видимо, те, которых Седрик послал на поиски загулявшей Даны.

Лица у обоих были встревоженные, а доклад коротким. Они честно объехали вокруг замка, там, где могли пройти кони, нашли следы нашей гостьи, которой вдруг взбрело в голову прогуляться почти до опушки леса, а потом...

– Лорд Белхорст, её нет. Она словно взлетела под небеса. Ни крови, ни обрывков одежды, ни следов драки. Её просто не стало.

Эд уточнил направление, а я отправил подзамёрзших воинов в замок. У нас не было причин сомневаться в правоте их слов, но они простые наёмники, а не следопыты. А вот бывшему богу в этом смысле равных нет.

И ещё, если кто считает отправку двух вооружённых парней обратно в Кость недальновидным поступком, то напрасно. Мы же никуда не собирались лезть и ни во что не были намерены ввязываться. В пень войну! Можно ведь просто подышать свежим воздухом и немножечко разведать обстановку.

Первое время я, честно говоря, даже и близко не думал, что с нашей прекрасной гостьей может случиться хоть что-нибудь малоприятное. Дампир взрослая, сильная, уверенная женщина, вполне способная за себя постоять. И вообще, это я тут больной, а она, вместо того чтобы меня лечить ласками, вдруг решила умотать в лес... Ау?!

– Кстати, в прошлый раз твоя красотка разворошила гнездо вампиров в поместье барона Роскабельски. Что же леди Дана затеяла сегодня?

Я молчал, но кудрявый бог и не думал униматься.

– Кстати, она у тебя горячая штучка, способная растопить вековые льды Йотунхейма! Быть может, ты и не замечал, но когда она виляет бёдрами при ходьбе, словно ладья викингов на хорошей волне, то на стенах нет ни одного вояки, кто бы ни обернулся ей вслед. Слюни в снег так и капают.

Мне нечего было на это ответить, да я и не хотел. Понятно, что как брутальному мужчине мне должны быть весьма приятны такие грубоватые комплименты. Собственно, на это и рассчитывал единственный и чрезмерно любопытный дядюшка моей дочери.

– А почему ты никогда не рассказываешь, какова она в постели? Ведь все женщины разные, я же знаю. Вроде бы мы делаем с ними одно и то же, а сколь разнообразные реакции приходится наблюдать. Они стонут, орут, говорят ласковые слова, выкрикивают ругань, визжат, царапаются, пытаются взять над тобой верх, подчиняются, млеют, бьются, тают, хватают тебя за...

Поскольку лично я всё так же не реагировал, мои прямые обязанности исполнила Ребекка. Пылкая белая андалузка непредсказуемым движением крупы просто выкинула Эда в сугроб.

– Таки я девочка, и при мне нельзя вслух говорить всякие вещи. Я права, лорд Белхорст? Вот! Тока вы всегда меня понимаете. Ой, я вся вас так люблю, шоб вы знали, если вдруг забыли-и...

Забудешь её, как же?! В прошлый раз, когда Хельга умудрилась протащить в наш мир эту говорящую лошадь из Средневековья, потом её украли цыгане, а потом мы всей толпой спасались от целого цыганского табора! И кстати, не факт, что их барон нам этого ещё как-нибудь не припомнит.

– Тьфу на вас, – громко сообщил дядя Эдик, отплёвываясь свежим снегом. – Необязательно было так сразу мной кидаться. Богами, знаете ли, вообще не разбрасываются.

– Таки я ему ещё слегка добавлю? – Вдохновлённая Ребекка с надеждой приподняла левую заднюю, но я отрицательно помотал головой.

Нет, он нам ещё нужен, тем более что после пятиминутного поиска бывший бог сумел обнаружить то место, откуда «улетучилась» чернокудрая глава клана Красной Луны.

И надо признать, что Эд почти полностью повторил рассказ наёмников, посланных Седриком. Ну разве что с некоторыми весомыми уточнениями.

– Набросились сверху, но она сопротивлялась. Твоя клыкастая брюнетка умеет драться. Крови нет, это верно, но вот пара перьев здесь у сосны имеется. Одно прилипло к коре, значит, они боролись. Это элементарно. Я не слишком рисуюсь?

Голубоглазый бог из всех сил изображал передо мной Шерлока Холмса в манере Камбербэтча. Он его знал, видел по телевизору, мы не успели выключить.

– Надо ли говорить, какая тварь могла унести эту дамочку под небеса?

– Понятия не имею, – закашлялся я. – Драконы спят, цверги не летают, мертвяки не оставляют перьев, Карлсоны у нас тоже не водятся, кхм...

Эд заботливо похлопал меня по спине, а Центурион покачал умной головой, словно не решаясь, подсказать мне очевидное или нет. Да ладно, я и сам легко догадался после минутного размышления.

– Это Арьян?

– Браво! – поаплодировали мне.

– Конечно, это она. Безмозглая стерва баньши, получеловек-полуптица, больше некому. Напомни, почему мы не убили её в прошлый

раз?

– Вопрос риторический, ответ на него сам, – возвёл очи к небу дядя Эдик. – Вот мы, древние асы, всегда убивали врагов. Это разумнее, логичнее и проще. Похоронить всегда легче, чем спорить или договариваться. Не, ну а чего?

– Куда она полетела? – перебил я.

Кудрявый северный бог осмотрелся, поднял над головой обслюнявленный палец и уверенно рубанул ладонью в сторону Граней. Естественно, куда же ещё...

– Поехали. – Я толкнул пятками Центуриона.

Чёрный конь даже не пошевелился.

– Не понял?

– Ставр, там холодно, страшно и ничего хорошего нас не ждёт, – неуверенно затупил он, топчась на месте. – Может быть, сэр Эд, хоть он и вечно косится на мою подругу, в чём-то прав? Ну её, эту твою дампир! Она слишком красива и вечно всех возбуждает. К тому же природа требует гармонии: если жив ты, то дай умереть другому.

– Я больной, поэтому, если прямо сейчас врежу тебе по ушам, ведь это не будет воспринято как обида? – на всякий случай уточнил я, замахнулся, но мой конь тут же опустил голову ниже колен. Чёртов гений... – Мир, – согласился я, поскольку дать ему по ушам с седла всё равно никак не мог. – Мы едем за Грани. Следов нет. Курса пока тоже. Но Дану надо вернуть.

– Ставр...

Я обернулся на похолодевший голос бывшего бога. Позади нас стояли волки, с десяток, не меньше. Неагрессивно, тихо, молча глядя на наших лошадей очень голодными глазами. Не нравится мне это, а что делать? Но тут на поляну шагнул крупный серый волк.

– Брат? – Не узнать его было невозможно.

Я спрыгнул (соскользнул, упал, не помню, что вернее?) с седла в снег и сделал три-четыре шага ему навстречу, проваливаясь по колено. Большой волк улыбнулся, не показывая зубов, и по-приятельски толкнул меня лбом в плечо. Почти небожно-о-о...

– Серый Брат, мы подозреваем, что летающая тварь унесла мою женщину. Спроси у своих: её доставили за Грани? Ну, по крайней мере, в ту сторону или как?

Я не берусь судить, а уж тем более не пытаюсь воспроизвести все те разговоры, которые волки вели меж собой. Да и кто бы там вдруг разобрал их рычание, ворчание, лай и всякие компромиссные повизгивания? Уж точно не я, увольте.

Думаю, что и не дядя Эдик. Он явно был не в лучшем расположении духа – как бывший бог, он вообще недолюбливает волков. И в целом, признаем, у него есть на это основания. В кровавом месиве рагнарёка даже те белые волки, что служили великому Одину, приняли сторону Фенрира как сильнейшего. А за богов не вступился никто.

Помнится, что сам Эд в те времена дрался один на один с мифическим мировым змеем, способным опоясать весь земной шар! Но, с другой стороны, где теперь этот змей? Никто не знает, а кудрявый бог Севера вот он, жив-здоров и всегда готов к приключениям.

Закончив переговоры со стаей, суровый вожак, легко скользя по рыхлому снегу, затрусил вперёд. Центурион поймал его взгляд, брошенный через плечо, и такой же рысью припустил следом, взрывая снежные сугробы, словно быстроходный бронетранспортёр. Ребекка плавно переставляла копытца след в след за своим могучим любимым.

Волчья стая замыкала наш отряд, и я знал, что эти хищники по-своему верны слову, а значит, нам не придётся опасаться разбойничьей стрелы в спину или внезапного нападения разбуженного дракона. Надо ли говорить, куда привела нас дорога?

Серый Брат осторожно коснулся лапой неподвижного льда Граней, выковыривая когтем из малозаметной трещинки чёрное перо.

– Баньши, – в один голос определили мы с Эдом.

– А-а-а, это та летающая мерзавка, шо говорила нам всем нехорошие слова, за шо цверги выдрали ей хвост? Ой, таки зря вы её не доби́ли, такую женщину нельзя оставлять без внимания. Всего один удар подковой по голове надолго избавляет от желания заходить к нам в гости! Ой вей, могли бы и меня попросить, что же, мне разве жалко...

Тем не менее, как вы понимаете, невзирая на болтовню белой андалузки, не Арьян была сегодня нашей целью.

Я молча прыгнул с седла, подошёл к волку и ещё раз спросил:

– Дана с ней?

Серый Брат повёл носом, приняхался, подумал и уверенно кивнул. Что ж, он своё дело сделал. Получается, теперь и у нас нет вариантов.

– Эд, сможешь открыть?

– Слушай, я-то открою, но ты ещё не очень здоров, – виновато поморщился он. – Может, вернёмся за подкреплением, а там уж...

– Ты лучше меня знаешь, что выжить за Гранями больше двух часов способны немногие. У неё просто нет шансов.

Кудрявый бог викингов спорил чисто для проформы: о том, что и как творится за этими прозрачными стенами, никто не знал лучше его.

Застывшие развалины Асгарда и Йотунхейма, всё ещё живущие своей страшной жизнью, словно угли, присыпанные пеплом, могли вспыхнуть в любой момент. А скрытый в глубине вечного царства Хель мёртвый Ледяной ад вообще заповедная мечта любого суицидника!

Вот туда мы и идём. Уф...

– Тьфу, да подумаешь, мы туда сто раз ходили, – сам себе ответил я, не понимая причин собственной паники. – Если это действительно Арьян, то вряд ли она долго сможет нести в когтях взрослую женщину. Мы догоним их.

Дядя Хельги не стал спорить. Либо не видел смысла, либо ему тоже не терпелось догнать злобную рыдающую тварь, которая носила броню и служила кому-то, кто был нашим врагом. Эд у нас всегда на любой кипиш ведётся, как ослик на морковку, только намекни.

Он опустился на одно колено, сосредоточился, нахмурил брови, сжал губы, и за какие-то полторы-две минуты нечеловеческих усилий незыблемые стены дрогнули. Уходящие в небо ледяные вершины стали разъезжаться в стороны, словно двери в супермаркете.

– Вперёд! – крикнул бывший бог, с места прыгая в седло.

Ребекка припустила со всех ног, Центурион нёс меня следом, едва не тыкаясь храпом в её круп. Я успел оглянуться, чтобы увидеть, как в снежном мареве Серый Брат прощально машет мне лапой. Пока, пока!

Волки – они вообще умные и туда, где слишком опасно, стараются нос не совать. В конце концов, он не затем выбрался из-за Граней, чтобы ради меня лезть туда снова. Но до места довёл честно, так что уже спасибо и за это. С нас причитается, как всегда.

Кони успели вынести нас на белую равнину ещё до того, как позади раздался характерный скрежет смыкающегося льда. Если задержаться в проходе, тебя размажет тонким слоем меньше миллиметра. Я пару раз наблюдал такое малоприятное зрелище.

В лицо ударил обжигающе-ледяной ветер, погода за Гранями всегда холодная, примерно шестьдесят градусов в минус. Дышать трудно и людям и животным, блеск снега слепит глаза, невзирая на отсутствие солнца, здесь всегда сумерки.

Но, хотя позёмка и заносит следы, мы чётко видели две неглубокие рытвины от сапожек Даны, словно рельсы, по которым её увозили вдаль.

– Я прав, эта тварь устала и едва волочит добычу.

– Держись крепче, – стиснув зубы, попросил Центурион и ринулся вперёд.

– Таки я тоже в деле. – Резвая андалузка понеслась было за ним,

и только Эд сохранил трезвый разум, не прельстившись азартом погони.

Кудрявый бог выхватил боевой топор, на скаку с размаху врезав по не приметному сугробу слева. Алая кровь фонтаном брызнула вверх, но один из инеистых уже был обезглавлен. Трое оставшихся гигантов преградили нам дорогу.

– Засада, – догадался я.

Хотя, можно подумать, для кого-то здесь это неожиданность? Какого северного мха? Мы даже любим засады, в них куда интереснее драться!

Центурион, не сбавляя шага, грудью ударил в грудь инеистого великана. Тот пошатнулся и на миг потерял бдительность, что дало мне возможность, дотянувшись, первым рубануть мечом. Так себе размах, да и сил было немного, но тяжёлое, отточенное до остроты бритвы лезвие перерубило ему сонную артерию.

Мы уже вставали на дыбы для разворота, когда великан схватился за шею, ещё даже не понимая, что для него всё кончено. Я сумел на секундочку отвлечь второго, пока Эд, спрыгнув с седла, подрубил колени третьему. В общем и целом инеистые сумели задержать нас минуты на две короткого боя, не больше.

След всё же был вполне читаемым, но ни баньши, ни похищенной дампир в белом мареве не виделось. Наши кони отважно несли нас сквозь летящий в лицо снег, пока не стало ясно: следы уводят нас прямо в никуда. Или правильнее – в большой сугроб.

Эдакая белая гора максимум на две головы выше Центуриона, скорее даже пригорок, у которого след обрывался так резко, словно его стёрли.

– Куда теперь? – тяжело поводя боками, спросил мой конь.

И, пока я собирался с ответом, северный бог с боевым кличем берсерков направил Ребекку прямо лбом в стену. Один миг, и их не стало. Ровная стена нетронутого снега.

– Не понял? – Центурион повернул голову, недоумённо уставившись на меня.

Я тоже ничего не понял, холод притуплял движение мысли, а жар недавней схватки быстро переходил в плохо контролируемый озноб. Неприятные ощущения, но за Гранями всегда так. Брр...

– Ладно, не истери, разберёмся. Берём разбег и с маху летим в этот же сугроб.

– От слова «гроб». А если мы разобьёмся?

– Тебе не всё ли равно? – искренне удивился я, заглядывая ему в глаза. – Раз там прошли Эд и Ребекка, имеем ли мы право отступить? Нет! А сдохнуть, как они? Да! Ибо это правильно, достойно и благородно, не так

ли?

– У всех хозяева как хозяева, а у меня псих какой-то.

– Поговори мне тут! – успел грозно рявкнуть я, когда мой чёрный конь, зажмурившись, с разбегу бросился на снежную гору. Позднее мне подумалось, что это мог быть портал. Очень похоже, согласитесь...

Мы с Центурионом пролетели куда-то внутрь словно в полусне. И попали в очень тёмный коридор, довольно высокий и широкий, где могли бы пройти в ряд трое всадников, не касаясь друг друга стремями. Чёрный болтун мощно втянул воздух трепещущими ноздрями, как пограничная овчарка.

– Ребекка, не останавливаясь, унесла твоего приятеля вперёд. Он тоже не был против. Как ты выражаешься, его колбасило от предвкушения охоты на кого-то там.

– Арьян влетела сюда же? – перебил я.

Верный конь снова обнюхал всё по периметру и удовлетворённо кивнул.

– Да, они все тут! Я запомнил их запах. В конце концов, теория эволюции Дарвина утверждает, что собаки, волки, гиены, шакалы, лошади и ослы произошли от одного общего предка. Грех не воспользоваться семейными ценностями.

Центурион опустил морду и, жадно принюхиваясь, уверенно пошёл по коридору вперёд. Я без малейших сомнений ослабил поводья, полностьюверя ему свою жизнь. Во-первых, он явно лучше видит дорогу, а во-вторых, бежать и отступать всё равно некуда, и в-третьих, я же не идиот оставаться здесь один-одинёшенек? По факту даже умирать в компании веселее. Викинги неоднократно это доказывали.

Высота потолка позволяла мне растянуться на спине Центуриона, а он сам шёл вперёд, отлично ориентируясь в темноте и чутко принюхиваясь ко всем запахам. Я абсолютно доверял ему, ибо эта четвероногая скотина могла быть капризной, вредной, обидчивой, сонной, не в настроении, то есть всякой, но... никогда неблагодарной!

Чёрный конь всегда помнил, чем по большому счёту он мне обязан, и вёл себя соответственно. Почти всегда. Исключая те редкие случаи, когда был чрезмерно занят своей книгой и весь окружающий мир его попросту не интересовал. А сейчас чёрный жеребец со всей возможной осторожностью вёз меня по широкому, практически не освещённому проходу куда-то вниз.

– Помнится, в прошлый раз мы так же блуждали подземными коридорами, – на ходу бормотал мой многофункциональный конь. –

Правда, тогда мы бежали от карликов, но сейчас тут цвергами и не пахнет. Кстати, жаль. Я почти привык к этим маленьким греховодникам. Или пакостникам. Или как бы их ещё так обозвать в литературной питерской манере?

Я даже не спрашивал, с чего он это взял. Наверное, за всё то время, пока меня трепала горячка, Хельга тайком проносила ему в конюшню не только книги, но ещё и аудиозаписи на современном носителе. Дисциплина рухнула в пыль, устав службы повержен, все правила развеяны в прах, вот только не надо меня уверять, что именно так пробивает себе дорогу всё новое и прогрессивное.

– Ставр, там что-то блесит, – резко тормознул Центурион, настороженно втягивая ноздрями холодный воздух.

Я пригляделся, мрак был уже не так глубок, мне казалось, что откуда-то издалека лился призрачный свет. Получается, мы куда-то доехали. Мороз стал совсем лютым, или меня знобило, да и какая разница, понятно же, что под землёй должно быть холоднее, чем на поверхности. Я толкнул пятками коня.

Центурион стоял насмерть, как легионы Рима.

– Не-э, сам иди.

– В смысле?

– Запахи пропали, – нервно фыркнул чёрный гигант лошадиного племени. – Там нет ни Ребекки, ни твоего родственника Эда, ни Даны, ни даже рыдающей курицы, никого. Тебе не кажется это странным?

Я тяжело, с хрипом выдохнул, сползая с седла.

– Друг мой непарнокопытный...

– Ты хрипишь. Болезнь ещё не отпустила?

– Не важно. – Я постучал себя кулаком в грудь. – Сейчас мне гораздо интереснее, что у нас там впереди. Раз уж нас сюда непонятно какой египетской силой занесло, то неужели повернём назад из-за каких-то запахов?

– Которых нет!

– Тем более. Ты со мной?

– Угу, нашёл дурака.

– Значит, позади меня?

– Естественно, – подтвердил он. – Когда я тебя бросал?

Это верно. При всех выше озвученных минусах его непростого характера в любом бою этот философствующий зануда вставал за меня горой!

Скорее Грани расплавились бы под напором лучей весеннего

солнышка, чем Центурион бросил своего всадника, господина и друга. Поэтому мы на миг стукнулись лбами, я положил ладонь на рукоять меча и храбро пошёл вперёд, а мой верный конь дышал ячменным теплом мне в затылок.

Сияние приближалось. Через сотню метров из-за поворота открылся вход в большую пещеру с высоким полусводчатым потолком явно не природного, а искусственного происхождения. Пол был выложен чёрными плитами, на первый взгляд из полированного гранита. Но нет, судя по характерному звону под каблуком, это скорее лёд. Только чёрный как смоль и твёрдый как камень.

Свет лился со стен, бледно-голубой, но довольно яркий, и в его сиянии чётко читалась жутковатая картина. Совершенно голый, очень красивый мужчина лежит лицом вверх на чёрном камне, испещрённом красными древнескандинавскими рунами. Его руки и ноги скованы белым металлом, возможно, серебром или полированной сталью.

Над ним, словно изваяние, нависает медная змея, с языка которой что-то капает. Черноволосая женщина в простых одеждах держит в руках каменную чашу, стараясь ловить эти капли, чтоб они не попали на тело несчастного.

Я знал, кто он. Не это меня удивило.

– Дана?

Она медленно обернулась и кивнула мне.

– Мы ждали тебя, Ставр. Мой Повелитель хочет говорить с тобой.

– По-моему, это чистой воды провокация, – тихо проворчал Центурион за моей спиной, но его услышали. – Предлагаю быстренько сбежать.

– Вы не уйдёте, пока этого не пожелает Повелитель, – спокойно откликнулась Дана.

Чаша с ядом наполнилась, она отвернулась, чтобы выплеснуть её, и в этот момент одна капля упала на голую грудь распятого. Ужасный крик взлетел под своды пещеры. Мужчина повернул ко мне порочно красивое лицо венецианской лепки...

– Боги всегда были искусны в пытках. Я вижу, ты узнаёшь меня, Белый Волк.

– Я видел, как тебя убили, Локи, – подтвердил я, чувствуя, как холодеет спина. – Ты погиб в бою с родным братом, хранителем радужного моста.

– Ох, не надо фальшивых сантиментов, – поморщился древний бог. – Я никогда не был принят асами в семью. Они терпели меня за общим столом лишь потому, что я разгребал за них все грязные делишки. А когда

мне лишь раз взбрело в голову высказать им всю правду в лицо, Один тут же засунул меня сюда, в Ледяной ад, где я должен был провести вечность. Ты представляешь себе вечность, смертный? Знаешь, что может быть хуже? Лишь монотонное однообразие мук, на которые ты обречён чужой волей.

– Я не судья ни тебе, ни им.

– О да, ты ведь всего лишь случайный любовник моей обаятельной дочки! Кто же посмеет отказать в поцелуе самой Смерти. Ну и как она в постели?

– Хель – благородная женщина, и она взяла меня в мужа, заключив законный брак. Мы давно не вместе, но для всех я муж Хель, а не её любовник.

– Ты смеешь спорить с Повелителем?! – гневно обернулась дампир, но в этот момент капля яда скользнула мимо чаши, и вопль Локи вновь заполнил пещеру.

Пока Дана лепетала сбивчивые извинения, страдающий бог продолжил свои речи:

– Она ещё неопытная и неумелая, смеет подавать голос, но лет через десять – пятнадцать это пройдёт. Люди недолговечны, я сбился со счёта, мне постоянно приходится подыскивать себе новую жену. Я не испытываю к ним вождения, но должен же кто-то держать эту проклятую чашу.

Мне нечего было ему ответить. Впервые в карих глазах Даны, смотрящих на меня, полыхала такая страшная ненависть, что просто мороз пробежал по коже. Невозможно было поверить, что именно эта женщина спасала мою жизнь и её губы я целовал всего несколько дней назад.

– Что ты сделал с ней?

– Позвал. Просто позвал, и она пришла, почему нет? Вы ведь ничем не связаны, а я предложил ей стать моей смертной женой. Очередной из многих. Женщинам важен статус, но ты ничего ей не предоставил. Ты только спал с ней. Возможно, даже без удовольствия, ибо такие, как ты, помешаны на своей работе, на долге, на славе, на чести. Всё это тлен...

Я почувствовал, как мои пальцы невольно сомкнулись на рукояти охотничьего ножа. Как было можно хоть на миг забыть, с кем я имею дело? Это же Локи, бог хитрости и обмана. Ни одному его слову нельзя верить, он врёт как дышит!

Древние искренне пытались привлечь его и использовать, но чем это кончилось? Кровью, погоней и пленом. Однако ему удалось вырваться, прийти на рагнарёк и вступить в бой, выпустив в мир Севера самых страшных монстров.

– Ты волен уйти в любой момент, Белый Волк, я не держу тебя, – меж

тем равнодушно пообещал он. – Но мне почему-то кажется, что на твоём языке вертится куча вопросов. Быть может, мы сможем быть полезны друг другу.

– Ты не держишь слово.

– Неправда! Я иногда... подхожу к деталям договора слишком прямолинейно или, наоборот, игриво, но даже великий Один признал, что шутка с великаном, построившим стены Асгарда, вполне себе удалась. К тому же отец богов получил восьминогого коня Слейпнира. Разве я не сдержал тогда слова?

– Слейпнир не спас Одина в той кровавой бойне, что называлась рагнарёк, оставив один на один с волком.

– Ну, этот конь не мог поступить иначе, ведь он мой сын, – словно припоминая что-то, ответил Локи. – Как, кстати, и зловещий Фенрир. Моя новая жена сказала, что он бродит вокруг твоего замка. Это очень печально, ибо, поверь, защиты от него нет. Волк, сумевший проглотить самого Одина, не боится копий и мечей.

– Фенрир пришёл ко мне за помощью. На его шее удавка из той самой ленты. Никто не в силах её...

– Её порвать, – хихикнув, закончил за меня бог обмана. – Что ж, в рагнарёк порой творились самые невероятные вещи, и далеко не всё, о чём писали люди возрождённого мира, было правдой. Хотя ты и сам это знаешь, граничар.

Я опустил голову. В этом моменте Локи был прав. Исторически пересказ Старшей Эдды максимально точно записывался учёными-монахами по устным преданиям северян, передаваемым от отца к сыну и от деда к внуку. Но кто поручится за их память?

Кто поверит в то, что каждое очередное поколение не добавляло чего-то там от себя, в то время как другие слепо следовали букве пересказа? Да это же викинги, для них хвастовство и преувеличения единственно правильная и естественная подача сюжета после двух литров горячительного.

К любым древним мифам стоит подходить с трезвой головой, а количество «великих деяний» смело делить на пять. То есть хотя бы двадцать процентов правды там есть. Или должно быть. Примерно как-то так.

– Услуга за услугу, честь по чести, – медленно протянул распятый лжец. – Я научу тебя, как освободить Фенрира, а ты дашь слово не выдавать меня Хель.

– Думаешь, она не знает, где ты?

– О, конечно же знает, ещё бы! Она даже заглядывает сюда, когда ей приходит в голову забрать мою очередную земную жену. Но, если случится так, что только твой голос будет решать, жить мне или умереть, что ты скажешь богине Смерти?

– Допустим, я вступлюсь за тебя, – невзирая на все попытки Центуриона за шиворот оттащить меня подальше от этого опасного диалога, кивнул я. – Но она всегда принимает собственные решения. Смерть нельзя торопить, не стоит умолять и уж тем более глупо ею манипулировать.

– Ставр Белхорст по прозвищу Белый Волк, – на меня с болью смотрели самые честные глаза на свете, – я слишком хорошо знаю собственную дочь и верю тебе. Мне довольно того, что, если нечто подобное когда-нибудь вдруг случится, лично ты молча поднимешь палец вверх, а не опустишь его вниз.

– По рукам!

Дана, механически ловящая капли яда, на миг отвлеклась, и новый, полный ярости и боли страдальческий крик взлетел под своды пещеры. Вывернув дыхание, Локи кивком головы указал мне налево. Яд, который выплёскивала дампир, а до неё сотни других женщин, выливаясь на лёд, замерзал красновато-бурым коркой.

– Отломи кусок поострее. Только яд этой змеи способен растворить ленту цвергов. Но будь осторожен, не порежься сам и не касайся его голыми руками. Клянусь остатками всей своей жалкой жизни, продолжением всех своих мук, и пусть ледяная пасть ада навеки поглотит меня, если я лгу!

– Он лжёт, – прошептал мне на ухо мой конь.

– Не сейчас, животное, – тут же откликнулся бог. – Я всегда блюду свою выгоду, это верно. Но если между мной и моей свободой будет стоять Хель, я хочу, чтобы её муж хотя бы кивнул в мою защиту. Разве это не взаимовыгодная сделка? Разве я так уж много прошу?

Ни мне, ни Центуриону было нечего ответить. Скованный и распятый Локи, обречённый на вечные муки древней магией рун, прекрасно понимал: после того, что он сделал, его некому прощать или освобождать. Он, мягко говоря, не греческий Прометей, благородно принёсший свет людям. И пусть древние боги погибли в страшном огне, Смерть никогда не покинет свой пост, никуда не уйдёт и всегда достанет беглеца в любом из миров. Ей будет глубоко безразлично, скажу я что-то хорошее в сторону её жертвы или нет. Хель с одинаково безучастным лицом забирает всех: и героев и негодяев. Такая у неё работа. И я был бы последним, кто мог её

за это осуждать.

– Обнажи свой меч, граничар! Бей по вековому льду! Но берегись отскочивших осколков, этот яд действует довольно быстро, причиняя жуткую боль. Таковую, что за пару минут взрывает твой мозг, заставляя умолять об избавлении. А избавление одно...

Я бесстрашно (ставьте знак равенства к слову «тупо») шагнул вперёд, встал перед ядовитой наледью и, прикрыв лицо плащом, осторожно тюкнул кончиком меча по краю. С десяток осколков отлетели в стороны. И хотя кожаные перчатки надёжно защищали мои руки, я крайне осторожно выбрал самый большой осколок с острыми гранями, завернул его в носовой платок и переложил в седельную сумку на боку нервничающего Центуриона, вопреки этикету мигом развернувшегося на выход.

– Желаю тебе удачи, Белый Волк, – с дружеской улыбкой простился Локи. – Я держу своё слово, ты убедишься сам. Сдержи и ты своё. Не будь как асы – ты же помнишь, чем для них это закончилось?

Мне оставалось лишь молча поклониться. А что ещё?

Говорить «до свидания»? До какого? «До встречи? Удачи? Всего хорошего? Выздоровливайте? Рад был увидеться?» – все возможные варианты вежливого прощания выглядели как-то натянуто и нелепо. Быть может, кто-то и подобрал бы более подходящие к ситуации слова, но у меня на тот момент с этим делом было туговато.

В конце концов, нас, граничар, не обучают дипломатическим тонкостям, скорее мы нужны Белому Комитету как воины. Хотя умение владеть языком чаще предотвращает мелкие да и крупные стычки с особо ретивыми соседями. Тем более что...

– Ставр, – перебивая мои мысли и не поворачивая головы, вдруг подала голос черноволосая дампир, – забудь обо всём, что между нами было. Я лишь использовала тебя, чтобы добраться до своего Повелителя и умолять его позволить мне быть его верной рабыней.

– Нет проблем, хорошо, – невпопад ответил я, потому что в действительности это было, оказывается, больно.

– И запомни: если ты ещё раз встретишься на моём пути, вынимай меч первым! Ибо я убью тебя, не задумываясь.

– За что?

– За то, что ты посмел так грубо говорить с моим возлюбленным. – В мягком тоне Даны звучала такая неугасимая ненависть, что даже мой конь, кажется, слегка присел на задние ноги. А ведь Центурион далеко не трусишка.

На мгновение мою голову захлестнула жгучая обида. Я же верил ей,

я впускал её в свой дом, я дрался за неё в пещерах замка барона Роскабельски! Мне казалось, что, если даже моя дочь нас ревнует, значит, между нами действительно что-то есть, а не... тьфу!

Ерунда. Простите. Иногда сильные мужчины куда более подвержены истерикам, чем слабый пол. Просто потому что женщины умеют выплакаться в нужный момент, а мы, дураки, нет.

– Сваливаем. – Я взял чёрного жеребца под уздцы.

Он безропотно позволил увести себя, хотя пару раз всхрапывал и бросал косые взгляды назад. Погони не было. Да и с какого перепугу? Мы исполнили всё, ради чего бог обмана заманил нас в свою пещеру.

Ничего на свете не происходит без причины, явной или неявной, поэтому у меня не было ни малейших сомнений в той цепочке случайностей, когда за минуту до стрельбы в мою квартиру вошла прекрасная дампир и так вовремя положила меня на пол. Случайно?

Потом она сама вывела меня к гобелену, мы попали в замок, из которого она всё так же беззаботно вышла погулять. Зачем? Куда? Тебе внутри, на стенах, дышать нечем? И тут же, мать её за ногу, посреди леса налетает злая баньши, они якобы дерутся. Абзац!

Где были мои мозги? Дампир в рукопашной драке вряд ли уступит мне, а уж с летающей курицей в доспехах вообще справится на раз-два-три с прихлопом! Как я мог в это верить? Как мы все могли поверить, что рыдающая женщина-птица способна нести в когтях другую женщину весом около сорока восьми килограмм на протяжении десяти – двенадцати километров?!

Да в пень меня! Но Эд?! Следопыт, бывший викинг, знаток женских хитростей... он-то как на всё это купился, а?! Тоже мне всезнающий герой-любовник! После того как я нашёл для себя крайнего, дышать стало в разы легче.

Центурион остановился, давая возможность мне влезть в седло. Он пошёл скорым шагом, бесстрашно переходя на рысь, когда мы скакали в полной темноте до тех пор, пока он вдруг не перешёл в галоп и, одним прыжком кинувшись в стену, не выпрыгнул на свет!

Вокруг нас расстилалось снежное поле, за нашей спиной стоял высокий сугроб, а прямо перед нами в двух шагах замер припорошенный снегом всадник. Честно говоря, я не сразу узнал Эда на Ребекке. Они были похожи на чуть меньший сугроб, у которого мы только что выскочили.

Вороной гигант чрезвычайно нежно сдунул снежинки с короткой чёлки своей подруги и ткнулся ей в щёку плюшевыми губами.

– Ставр... мы... тебя как-то... потеряли, – с трудом, клацая зубами,

оповестил бывший бог. – Мы тут уже с час, наверное, или больше. Не знаю. Я задубел. Как ты?

– На энтузиазме!

– Это значит домой?

– Галопом, – подтвердил я, пуская застоявшегося коня вскачь.

Ребекка, стряхнув снег с ушей, изо всех сил припустила следом. Не догонит, так хоть согреется. Но это я так, для красного словца, белая андалузка всегда догонит чёрного фриза уже просто потому, что она легче и манёвреннее.

Да и дядя Эдик, если уж на то пошло, куда более искусный наездник, чем я. Всё-таки у него почти тысячелетний опыт верховой езды. И хотя сейчас этот отморозок (реально, а не в оскорбительном смысле) только и мог, что держаться за гриву, всё равно делал это элегантно и непринуждённо. Впрочем, как и всегда.

Ребекка деликатно несла на своей спине его божественное величество, словно хрустальную вазу. Два всадника, взрыхляя снег, мчались к голубеющим вдали Граням, и нам ещё круто повезло, что никто не пустился в погоню. По крайней мере, до тех пор, пока мы не достигли высоких ледяных стен.

Начали спускаться сумерки, наши кони рвались вперёд, вздымая клубы снежной пыли. Возможно, поэтому я не сразу заметил пять или шесть тёмных силуэтов справа.

– Инеистые!

– Понял, открываю, – процедил Эд, ещё с седла начиная делать некие пассы руками.

Очень вовремя, кстати. Инеистые великаны, хоть и рождены в снегу, на морозе, не обладают никакими особыми зимними чародействами. Они просто бегут за вами с топором в руках, и, если догонят, вам хана. Ничего особо волшебного, чистая физика и сопромат. Короче, нам всем лучше поторапливаться.

– Эд!!!

– Я стараюсь...

– Стена открылась, есть проход! Центурион?

– Я же едва протискиваюсь, дай мне пару минут, и я...

– Ребекка, девочка моя, вперёд!

– Таки куда мне ломиться, если этот поц закрыл своим толстым задом всю дорогу? Лорд Белхорст, вы бы уже могли посадить его на слабенькую диету, шоб он таки неслабо похудел?

Вот примерно так, обдирая бока и толкаясь, мы проходили сквозь

Грани. Довольно успешно, если принять во внимание хруст костей и предсмертные вопли инеистых великанов, бросившихся за нами в погоню.

– Таки ой.

– В смысле? – резко остановился Центурион на нашей стороне границы.

Я обернулся в седле. Самый кончик хвоста нашей белой андалузки был намертво зажат сомкнувшимися стенами вечного льда. Ребекка дёрнулась разок-другой и, виновато улыбнувшись, сделала круглые глаза, типа уж она-то тут точно нигде и никак не виновата.

Ну если вдуматься, то, разумеется, так оно и есть. Если бы Эд подольше держал Грани открытыми, они бы не прищемили ей хвост. А с другой стороны, вслед за ней в наш мир могли бы прорваться один-два... три... пять... десять инеистых великанов, далеко не факт, что мы бы дико обрадовались неожиданным гостям.

Таким образом, скорее всего, бывший бог поступил абсолютно правильно, уничтожив их ещё в проходе. Хотя по современным веяниям оно невежливо, негуманно и нетолерантно. В Средние века два последних слова воспринимались как дьявольские происки. В принципе правильно, тут я даже соглашусь. Правда на земле одна, а всё прочее – искушение от лукавого.

– Давай уже, – поторопил меня Центурион. – Режь!

Я послушался его совета, выхватил охотничий нож и на один взмах отчекрыжил белой кобылке кончик хвоста.

– Шоб я таки ещё хоть раз его себе отращивала, – сердечно поклялась Ребекка, козочкой выпрыгивая на свободу. – Считаем, шо короткие стрижки оно мне практично, модно и жуть как идёт.

– Валим домой, – тихо попросил я.

Вокруг уже сгущалась темнота, ночь на Севере настанет рано. Нам надо спешить, пока моя нежная дочь не поставила всех на уши в честь исчезновения любимого папы и драгоценного психованного дядюшки. Нет ни малейших сомнений, что она это сможет!

До замка мы добрались без проблем. Что поразительно, я уже кашлять перестал и озноб отпустил. Хотя вроде бы мы были под землёй на лютном холоде? Не знаю, как такое могло произойти, но ни малейшего ощущения недавней болезни, трепавшей меня несколько дней, во мне не было. Более того, я, наверное, никогда не чувствовал себя более здоровым! Чудеса-а...

В Кости нас ждали, на стенах горели факелы, при нашем приближении затрубили трубы и открыли ворота. Старый крестоносец встречал меня во дворе, по его безмятежному лицу было ясно, что ничего такого особенного

в наше отсутствие не случилось. Да и чего, собственно, тут могло произойти.

– Сир?

– Седрик?

– Позвольте придержать вашего коня?

– А он не против?

– Центурион?

– Седрик?

Убедившись, что теперь эти двое будут выяснять отношения в характерной манере нашего седого героя трёх Крестовых походов, я молча спрыгнул с седла.

– Где Хельга?

– На кухне, – откликнулся кто-то из наёмников. – Вроде как своего злобного карлика кормит.

– Почему злобного?

– Да он вон одного мечника за палец укусил. Чуть не оттяпал, зверюга страшная.

– Значит, было за что, – уверенно заявил я.

Десигуаль, конечно, мелкий мерзавец и продажная тварь, но в своей хозяйке он души не чает. И если моя девочка предупреждала, что хочет поставить на место одного из наших бойцов, то, видимо, мы имеем именно этот случай. Хельге даже приказывать не надо маленькому белому цвергу, он искренне считает себя самым преданным защитником и слугой моей блондинистой малышки.

В этом смысле я почти готов простить ему тот факт, что он колол мне антибиотики. Ну то есть видел меня, лорда и господина, без штанов. Непорядок.

– Папуль, ты вернулся. – Хельга бросилась мне на шею, как только я шагнул в обеденный зал. – Дядя Эдик с тобой? Вы нашли эту Данку?

Она на миг приложила ладонь к моему лбу.

– Ой, а ты нормальный. Температуры нет. Вот хорошо, что ты у меня такой послушный и всегда лечишься. Люблю тебя!

– И я тебя. – Мы обнялись на полминуты, крепко держа друг друга.

– А где этот...

– Метью на тренировках, – сразу поняла она. – Он сказал, что у тебя есть какое-то волшебное копьё, которым можно заколоть того большого волка. Па?

– Да, лапка.

– Ты только его не отпускай.

– Против Фенрира? И в мыслях не было.

Очередной шанс, как бы абсолютно законно и втихую избавиться от неистребимого пажа, был безвозвратно утерян. Сколько теперь ждать следующего, ума не приложу. Быть может, очень не скоро. И какого северного мха я его спасал?

– Ради Хельги. – Мне удалось самому себе ответить на этот вопрос. – А чего ж я тогда переживаю? Из-за неё же!

– Па, ты о чём?

– Так, глупые мысли вслух, – честно признался я, опускаясь на скамью. – Давай тащи сюда этого задохлика и позови к столу Седрика с дядей Эдиком. Есть пара моментов, которые нам надо обсудить коллективно.

Когда моя умничка, мотнув золотистыми волосами, метнулась из зала, я, пользуясь случаем, попросил что-нибудь на ужин. Добрейшей души толстуха Агата мгновенно выставила мне тарелку овсяной каши и ломоть солёной свинины сверху. Вполне себе сытная мужская еда. Здоровая, полезная, настоящая, без примесей, красителей, сои и ГМО, мечта любого современного диетолога.

Кстати, ребята у нас тут желудком не маются, разве что зубы у большинства жуткие. Уровень средневековой стоматологии крайне невысок: либо зубы чёрные и выпадают, тогда перетирай мякиш деснами, либо тебе нужно повыдёргивать все свои зубы и вставить новые полной обоймой, штамповать искусственные челюсти местные алхимики уже намастрячили.

Только подобный набор новых зубов стоит весьма недёшево и по карману разве что королям или самым зажиточным баронам. Мне же дико везёт, что в нормальную поликлинику я могу ходить в своём мире, иначе просто кошмар. Хотя я и в своём боюсь стоматологов...

– Мой лорд, миледи Хельга сказала, что вы меня звали? – Пока я расправлялся со свининой, передо мной возник мой тощий паж. – Я всегда к вашим услугам!

– Да, – потянулся я, вытягивая из-под стола левую ногу. – Почему мои сапоги не начищены?

– Но вы же где-то разъезжали... упс.

Метью вовремя заткнулся и безропотно принялся тряпкой оттирать мою обувь. Это правильно, в обязанности пажа входит полный уход за гардеробом господина. Пусть включается в работу его недоделанное величество.

Но, прежде чем он справился с одним моим сапогом, в дверь

обеденного зала деликатно постучали обухом боевого топора.

– Войдите, – разрешил я.

– Сир?

– Седрик?

– Снова хотите продолжить игру? – догадался он.

– Ничуть, – ушёл я от прямого ответа. – Просто спрашиваю: чего стучал?

– Могу ли я задать вам прямой вопрос, сир?

– Ну почему бы и нет?

– Леди Дана действительно наскучила вам как женщина? – прямолинейно рубанул старый крестоносец.

– Ты ел жёлтый снег?

– Хм, сир?!

– Тогда с какого нетрезвого бодуна ты это взял?

– Но разве не вы дали приказ Центуриону размозжить ей голову копытом?

– Что?! – Я вскочил, едва не опрокинув стол.

Метью кувыркнулся сам с моим правым сапогом в руках. Весёлая игра в «переболтай Седрика вопросами» вновь кончилась не в мою пользу.

– Во-первых, её не может здесь быть, она за Гранями! Во-вторых, я никогда бы не отдал столь жуткого приказа этому черноголовому киллеру с мешком овса вместо мозгов! И в-третьих, что значит «размозжить голову»? Дана жива?

Седой вояка покорно склонился передо мной.

– А ты молчи! – рявкнул я на ни в чём не повинного пажа. – Отдай мой сапог, и... и... сэра Эда ко мне!

Обуваясь на ходу, я бросился по коридору направо, подпрыгивая, как хромая утка. Во дворе у конюшни толпились наёмники. Мой чёрный конь, оскалив зубы и грозно притопывая передними ногами, никого не подпускал к телу распластавшейся перед ним женщины. На её ровном и белом лбу зрела шишка размером с кедровую. Прекрасная дампир получила своё.

– Крови нет, – пробормотал я, опускаясь на одно колено и быстро осматривая несчастную. – Без сознания, но жива.

Вот умеют же у нас, чуть что, сразу кричать: «Конь размозжил ей голову-у!» Размозжил – это копытом с размаху, череп всмятку, мозги наружу. А тут... похоже, он её самым аккуратнейшим образом пристукнул, просто чтобы остановить. Да, дружище?

– Ставр, она собиралась убить тебя, – тихо прошептал Центурион, едва не касаясь храпом моего уха. – Ты уже забыл, что она говорила в той

пещере? А я нет.

Я тоже, хотелось рывкнуть мне. Помнить об угрозах – это совсем не одно и то же, что бегать плакаться о них каждому встречному-поперечному. Измена в Средние века венчалась всего одним наказанием – смертью. Быстрой или медленной – зависело от настроения и общего эмоционального фона судящих лиц. А они обычно были очень строги в подобных ситуациях.

Если хоть кто-то в замке узнает о том, что эта женщина – любовница Локи и она угрожала меня убить, то леди Дана будет мгновенно похоронена заживо прямо здесь, под булыжниками двора замка Кость. И поверьте, это ещё весьма милосердная казнь!

Моего мнения уже никто не спросит, а невнятная мягкость в вопросах наказания предателя считается едва ли не проявлением лютой трусости. Такой вот диковатый супермикс языческих законов и христианской морали.

– Драккар мне в устье, – ахнул подоспевший Эд. – Что тут происходит? Кто плохой? Кого повесить?

– Чёрный конь лорда Белхорста лягнул его гостью, – глухо ответил кто-то.

– Значит, за дело, – тут же сменил тон бывший бог. – Центуриона я знаю с молодых копыт, он зазря и муху хвостом не тронет. А эта... как её... в общем, она всегда слишком много о себе воображала. Я к ней и так и эдак, с вином и цветочками, а она вся из себя...

Взглядом заткнув Эду рот, я молча поднял бесчувственную дампир на руки и понёс. Больше ей в моём замке делать нечего, но и смерть её будет не на моей совести.

– Эд, остаёшься за главного, – на ходу бросил я. – Мне нужно вернуть её в наш мир, там её место. Но если вдруг неожиданно появится Фенрир, сразу дуй за мной. Кажется, теперь мы сможем помочь ему избавиться от той ленты.

– Ты ничего мне не рассказывал.

– Просто не успел. Поговори с Центурионом, он в курсе.

Уже когда я подходил к фреске, меня догнала Хельга:

– Па, что происходит?

– По-моему, это самый популярный вопрос на сегодняшней повестке дня. – Я слегка развернулся, чтобы она увидела синюю гематому на голове дампир. – Вот, полюбуйся, это Центурион шархнул её копытом.

– Не может быть! – округлила глаза моя дочь. – Он же добрейшей души коняшка!

– Вот именно, но у него была весома причина. Поможешь мне?

– Конечно!

Она первой шагнула во фреску и поддержала меня, когда я двинулся следом и покачнулся, ступив на пружинистый матрас кровати.

– Главное не уронить. – Мы в четыре руки аккуратно уложили Дану на железный кухонный диван. – Присмотри за ней, мне надо срочно позвонить.

Контактный номер телефона в офисе девочек из клана Красной Луны уже вряд ли был хоть для кого-то секретом. Золотце, Прелесть, Клубничка и Бусинка появились у наших дырявых дверей через две минуты после звонка, словно дежурили поблизости. Хотя вполне возможно, что именно так оно и было. Они же обещали охранять мою дочь.

Дана – глава клана (глупая рифма), поэтому, где бы она ни находилась, её подчинённые всегда рядом. Мне не задавали лишних вопросов, девочки-дампыр вообще крайне немногословны. Мне не угрожали и не смотрели на меня как на врага, они просто забрали Дану с рук на руки. В последний момент она зашевелилась, её веки дрогнули, по щеке покатились слеза.

– Ставр... – Она узнала меня, попыталась приподнять голову и вновь потеряла сознание.

Я не врач, но думаю, что там как минимум сотрясение мозга. Центурион умеет соизмерять силу, само собой, он не хотел её убивать, но, с другой стороны, много ли надо изящной женщине, если приложить её тяжёлым копытом с размаху в лоб? Это даже не риторический вопрос, так, чисто физический опыт на уровне средней школы.

Закрыв за ними изуродованную выстрелами дверь, я вернулся на кухню. Не успевшая (да и не особо спешившая) переодеться Хельга уже поставила чайник, приготовила пачку молотого кофе для меня и баночку йогурта себе.

На минуточку я подумал, что если бы зарабатывал на книгах, то непременно указал бы название, фирму-производителя, подробно описывая великолепный вкус и аромат продукта. Так же многие делают, за это даже что-то платят. Но поскольку я пишу всё это для себя, то какой смысл пытаться угодить рекламодателям?

– Давай, папуль, рассказывай.

– Про что? – Я принял из её рук горячую кружку крепкого кофе.

– Про всё, всё, всё!

Хельга села за стол напротив, сложив руки, как примерная ученица, и ободряюще кивнула. Ладно, про всё так про всё. Я начал с того момента, как неизвестные в форме спецназа расстреляли нам дверь, а очень вовремя появившаяся за минуту до пальбы Дана уложила меня на пол, а потом

отволокла насквозь больного в замок Кость. Где я отлежался, выспался и откуда успешно сбежал, чтобы встретиться с Капитаном.

Но, перепутав дни, пошёл, когда не надо, в результате невольно получив доступ к информации, которую мне знать не полагалось. Памятуя о том, что «предупреждён, значит, вооружён!», я сумел вернуться в замок, твёрдо зная, кому уже не стоит доверять.

Хельга слушала меня, как именитого профессора на кафедре, – не перебивая, открыв ротик и хлопая ресницами. Лишь раз она беззвучно произнесла одним губами:

– Их всех надо убить!

– Не могу с тобой не согласиться, малышка. Но продолжим...

Моё путешествие лесом с Эдом, Центурионом и Ребеккой за Грани вдохновило её ещё больше, встреча с Локи, предательство Даны и наш договор с богом хитрости и обмана о спасении Фенрира в обмен на моё (возможное!) заступничество перед Хель произвели ещё более яркое впечатление. По нашим приключениям хоть кино снимай!

И лишь когда я окончательно выдохся на последнем эпизоде передачи отбитой на всю голову дампир её подружкам, моя девочка встала, обняла меня и тихо сказала:

– Я люблю тебя, па.

– И я тебя. Никому не говори, это наша тайна.

Наверное, мы странно смотрелись, отец и дочь в средневековых костюмах, с боевым оружием на современной кухне, в обычной квартире стандартной девятиэтажки современного города, за кофе и йогуртом. Ну и пусть.

– Папуль, только обещай больше так не рисковать.

– У меня не было выбора. Зато видишь, после Граней я забыл, как кашлять.

– Там же холодрыга под минус шестьдесят, все бактерии сразудохнут, – свысока хмыкнула моя образованная дочь. – Мы это на биологии проходили. Эскимосы вообще не знают, что такое насморк, представляешь?

Столь интересный рассказ о несопливых жителях Крайнего Севера был прерван трелью дверного звонка. Хельга метнулась в прихожую, невзирая на моё предупреждение «будь осторожна». Глянув в дверной глазок, она вздрогнула, поёжилась, обернулась ко мне и драматическим шёпотом просигналила:

– Мама пришла!

Мне резко поплохело, я схватился обеими руками за дверной косяк, судорожно глотая внезапно похолодевший воздух.

– Впустить или пусть думает, что нас нет дома?

Я кивнул – пустить, конечно.

Да, собственно, попробуй её не впустить. Смерть всегда приходит незваной, и на всём белом свете нет человека, который бы смог отказать ей в визите. Поверьте, вот так постучаться в дом, прежде чем войти, – это вообще нереальный жест вежливости с её стороны. Надо соответствовать рамкам приличия.

Я лично открыл дверь, Хельга пряталась за моим плечом.

– Добрый день, муж мой, – с мягким скандинавским акцентом, то ли шведским, то ли датским, протянула высокая стройная женщина в голубом брючном костюме.

Светлые волосы Хель были уложены в строгую причёску, в руках дорогая сумочка, а у её ног внезапно материализовался чёрный поджарый доберман в серебряном ошейнике. На груди пса было одно светлое пятнышко, что автоматически делало его непригодным для собачьих выставок. Впрочем, вряд ли он в них нуждался.

– Дочь моя, ты позволишь нам войти в дом?

– Папа же открыл, заходите, – вежливо откликнулась Хельга. Она не боялась Смерти, но помнила, как в прошлый раз та едва не подчинила себе её душу. – Милый пёсик.

– Его зовут Гарм, – без улыбки сказала Хель, проходя в прихожую.

Доберман протиснулся вперёд, дружелюбно виляя купированным хвостом.

Я прекрасно помнил Гарма, адский пёс у трона своей госпожи в Хельхейме. Он может принимать облик любой собаки или даже волка. Причём, как ни странно это звучит, но данный зверь единокровный брат самой Хель по отцовской линии. Тоже сын Локи.

Так что, считайте, к нам в гости зашли родственники.

– Проходите на кухню.

– Дочь моя, ты не должна обращаться к матери, как к чужому человеку.

– Проходи на кухню, ма, – тут же поправилась Хельга. – Будешь завтракать?

– Я всегда голодна, – буднично напомнила Смерть, без любопытства озираясь по сторонам. – Значит, вот здесь вы живёте вдвоём.

– Втроём, – добавил я, подвигая стул. – С нами ещё Эд, помнишь?

– О да, это единственное место, где ты смог на время укрыть его от меня. Разве такое забудешь? Но сегодня я пришла как гостя. Нам надо поговорить.

– Чай, кофе?

– Хмельной мёд, – кивнула она.

Мёда у нас дома, само собой, не оказалось, но в шкафчике нашёлся коньяк. Хель не выразила особого удивления, крепкие напитки были отлично известны и в древнем Асгарде. В конце концов, как вы знаете, викинги успешно грабили Британию, Ирландию, Францию, Германию и даже доходили до русских земель. Так что с чем с чем, а с поставками разнообразного алкоголя у них проблем не стояло.

– Гарм?

Чёрный (или чёрноподпалый, так правильнее с точки зрения кинологии) доберман мгновенно бросился кружить у колен Хельги, приседая на задние лапы, заискивающе глядя в глаза и жалобно поскуливая.

– По-моему, пса надо выгулять, – перехватив взгляд бывшей супруги, сообщил я. – Лапка, справишься?

– Конечно, па, – без задней мысли откликнулась моя доверчивая блондинка, ища поводок, с которым она выводила в кусты белого цверга. Тоже, кстати, та ещё собака.

– Гарм не нуждается в цепи, он никогда не убежит от тебя, девочка, – ровно заметила Хель. – И, если вы понравитесь друг другу, когда-нибудь он будет твоим.

– Классно!

Наша счастливая дочь, похоже, влюбилась в адского пса с первого взгляда и, чмокнув меня в щёку, выбежала из дома. Доберман, радостно тыча во всё кожаным носом, вприпрыжку кинулся за ней, стуча когтями о линолеум. Только когда они вышли, Хель впервые позволила себе лёгкую улыбку.

– У тебя серьёзное лицо, муж мой. Я же сказала, что пришла просто поговорить. Мне не нужно никого забирать.

– А если бы и нужно, разве ты спрашивала бы моего разрешения?

– Нет, но такова моя суть. Я честна перед тобой.

Это верно. Смерть честна перед всеми, изысканное коварство асов не в её крови, и пусть даже её отец бог обмана, она сама не нуждается в этом. Она служит миру мёртвых, поэтому мольбы, угрозы, дары или шантаж живых ей неинтересны. Её нельзя подкупить или запугать, хотя порой возможно договориться. Она умеет принимать игру, но лишь если она сама этого захочет и сама установит правила.

– Ты был в Ледяном аду и говорил с Локи. Меня это тревожит. Я никогда не доверяла отцу и не советовала бы делать это никому другому, ни смертным, ни богам.

– Мы заключили нечто вроде договора, – осторожно начал я,

прекрасно отдавая себе отчёт в том, что врать богине бессмысленно, она видит людей насквозь.

– Боги не заключают честных договоров со смертными.

– Ну как бы асы тоже не совсем бессмертны. Их можно ранить, убить, обезглавить, расчлениить и всё такое. – Подумав, я сдался и быстро рассказал всю предысторию.

Хель слушала молча, изредка маленькими глотками попивая французский коньяк. Настоящий, мне знакомый из дьюти-фри привозил. Травить бывшую супругу суррогатами армяно-азербайджанских цехов местного разлива было бы чревато совершенно непредсказуемыми последствиями.

В конце моего незатянутого монолога Смерть задумчиво отодвинула пустую стопку и деликатно отломила пальчиками кусочек чёрного шоколада.

– Я знаю, что Фенрир вырвался из-за Грней. Им нельзя управлять, он сама стихия дикой природы, но нынешний мир людей доселе не был ему интересен. Кто-то вновь сумел навязать ему свою волю, пленив обрывком ленты цвергов.

– Спасибо, капитан Очевидность, – не сдержавшись, буркнул я. – А есть какие-то более детальные предположения?

– Локи.

– Он прикован заклятием Одина к чёрной ледяной плите, и кровь змеи, капая на грудь, по-прежнему причиняет ему дикие муки. Я это видел!

– Ты тоже капитан Очевидность? – Хель кокетливо показала мне кончик языка. – Не забывай, он в Хельхейме, а в моём мире ничего не творится без моего ведома. Хотя я и должна признать, что довольно долгое время отцу удавалось водить за нос и богов, и людей, и любых монстров. Он способен на всё.

– Может, его просто убить? – чисто наудачу бросил я.

Смерть отрицательно помотала головой, переводя нарочито блуждающий взгляд на бутылку. Я долил ей коньяк, почему нет? У древних считается страшной обидой отказ в еде и питье. Даже если это всего лишь алкоголь и шоколад.

Моя бывшая чуть заметно кивнула и приняла стопку.

– Поверь, я сама не единожды задумывалась об этом. И то, что Локи породил меня, вряд ли бы остановило мою руку. Однако в своё время великий Один, которого я почитаю как мудрого отца богов, взял с меня слово, что моей волей не будут прерваны мучения Локи. И если даже сейчас кто-то захочет его убить, хотя бы из милосердия, он встретится с

моим гневом. А ты знаешь моё истинное лицо.

Да, увы. Доводилось видеть, и не раз.

Существует несколько общепринятых традиций изображения истинного облика Хель. Большинство художников визуально делят её тело поровну вертикально или горизонтально в свете двух ипостасей. Это когда левая половина молодой девушки, а правая гниющий скелет или от пояса и выше она цветущая красотка, а под подолом у неё голые кости с обрывками смердящей плоти. Примерно такое описание вы прочтёте в любой статье. И да, оно верное.

Однако лично для меня Хель использовала и третий вариант – либо девушка, либо скелет без совмещения и дробления половинчатостями. Я был её избранник, каприз, всплеск человеческих чувств, нелепое чудачество или холодный расчёт, не знаю.

Но мне была оказана вот такая милость – видеть её целостной!

– Что-то Хельга задерживается.

– Да пёс с ней!

– В каком смысле? – недопонял я. – Ты имеешь в виду Гарма?

– Ставр, я имею в виду... – Она махом опрокинула коньяк, икнула и требовательно пододвинула ко мне пустую стопку. – Что у нас уже взрослая дочь и она наверняка понимает, когда нужно дать папе и маме возможность побыть наедине.

Честно говоря, я въехал не сразу. А въехав, чуть сам не выпил налитый для неё коньяк. То есть мы даже пару секунд поборолись за стопку, но я вовремя пришёл в себя.

– Думаю, мы так долго были в разлуке и... у каждого своя жизнь. Поэтому, надеюсь, никаких обид на то, что... Хель?

Она залпом выпила третью стопку, и сто пятьдесят грамм хорошего коньяка заплескались оранжевыми искорками в её голубых, как лёд Граней, глазах.

– Я при-красн... знаю-у, чё ты не хочешь меня обидить, – не очень уверенно, практически по слогам выговорила Смерть. – Хде у тибя сп-пальня?

Прежде чем мне удалось вставить хоть слово, моя бывшая супруга сама схватила бутылку и на манер древних викингов выхлестала остатки в одно горло меньше чем за минуту. Какого северного мха тут происходит?! Цирк с нетрезвыми конями...

Я пару раз хлопнул в ладоши, привлекая её внимание.

– Дорогая, ты в курсе, что твоя единственная дочь категорически не приемлет пьяного отца?

– Я ж... мать!!! – У Хель разве что слегка порозовели бледные щёчки.
– Не уверен, что её это остановит.
– Пшёл в эту... в спал-ню, – жёстко приказала Смерть, словно доминирующая госпожа с хлыстом в немецких порнофильмах.

Нет, я их не смотрю. И да, я раз сто выключал дичайшее порно, когда счастливый дядя Эдик на раз-два вёлся на все интернет-рассылки, со всей дури счастливо подписывая нас на всякие подобные каналы. Он псих, ему всё простительно, а мне нет.

Тем более что моя бывшая супруга встала, на хрен (прости господи!) разбила пустую бутылку об кафельный пол в лучших традициях асов и, поймав меня за воротник, жадно поцеловала! Губы Хель были на удивление тёплыми, нежными и податливыми.

Меня на миг захлестнули старые чувства. В себя я пришёл уже в спальне, когда мы в обнимку пытались расстегнуть друг на друге одежду, но тут...

– Ставр? Хель? Ух ты! А чё вы тут делаете? А чё тогда я тут делаю, упс...

Дядя Эдик вышел на нас из гобелена в самое неподходящее время. Или, наверное, нет, как раз таки очень вовремя! Мы ещё не успели толком раздеться, а он застал нас в момент невинных прелюдий и поцелуев.

– Я... убью-у его!

– Дорогая, мы вместе его убьём.

– Эй, эй, вы чего?! Ставр, ты же сам просил меня предупредить, когда придёт Фенрир? – взмолился наш псих, и ко мне вернулся разум.

– Мать твоя белая медведица, почему ты не сказал мне этого раньше?! – взревел я, хватая бывшего бога за шиворот и тряся как грушу.

– Потому что Пушкин! – взвыл он с такой болью в голосе, что я невольно отступил.

– Пушкин, это который Александр Сергеевич, солнце русской поэзии, наше всё?

– Да! – страстно продолжил дядя Эдик, глядя мне прямо в глаза. – Я думал об этом три дня, и я понял: ты не на том воспитываешь ребёнка! Вспомни, как он писал в «Сказке о мёртвой царевне и о семи богатырях»:

Перед утренней зарёю
Братя шумною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,

Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.

– И? – не понял я.

– И пусть твой ответ будет краток, сын Одина, – совершенно нормальным языком честно предупредила Хель, вставая с кровати и поправляя блузку.

– Ну как же? Их семеро! А сарацин один! А татарин один! Даже пятигорский черкес и тот сидит в лесу один-одинёшенек! Нельзя учить детей нападать всемером на одного! И уж тем более «тешить правую руку»...

Поверьте, в этот двусмысленный момент он реально рисковал огрести с двух сторон и наверняка огрёб бы, когда во входной двери опять-таки крайне вовремя начал проворачиваться ключ. Девочка моя, какая же ты умничка...

– Папуль, мамуль, я выгуляла Гарма! Стой, куда, блин?!

Чёрный доберман, вырвавшись из рук, успел влететь к нам в спальню с оскаленными клыками. Я нежно улыбнулся ему и послал воздушный поцелуй Хель.

– Лапка, позаботься о маме. Ей нужен горячий кофе и холодный душ!

– А ты? – Хельга вбежала в спальню, когда мы с Эдом уже практически ушли в старый гобелен.

– А я в замок Кость.

Мы успели удрать, не дожидаясь непосредственных разборок на месте. Клянусь, на какое-то мгновение я даже успел услышать клацанье стальных зубов адского пса в считанных сантиметрах от моей задницы, но тем не менее мы удрали!

Причём крайне удачно, потому что с той стороны у фрески прогуливался мой верный король-паж. Таким образом, на Метью сначала рухнул стройный дядя Эдик, а поверх него тяжёлый я. Визг размазанного по каменному полу его величества до смеха напоминал поросятчий. Мы с Эдом разулыбались...

– Сир? – В конце коридора показалась могучая фигура старого крестоносца.

Я удовлетворённо встал, поставив ногу меж лопаток кудрявого бога. Он в свою очередь вновь придавил коленом живот Метью. Тот обложил нас матом, веселуха-а...

– Могу ли я включиться в ваши странные игры?

– Нет, старина, мы уже закончили выжимать подсолнечное масло из бывшего короля. Какие новости?

– Вы просили предупредить вас, когда дозорный увидит волка?

– Именно так. Мне есть что ему сказать. Прикажи оседлать Центуриона. И да, – я предупреждающе поднял ладонь, заранее пресекая рвущийся с губ Седрика вопрос, – если эта скотина начнёт качать права, разрешаю от моего имени дать ему промеж ушей!

– Вы читаете мои мысли, сир?!

Я не стал отвечать, слишком велико искушение опять попасться на его удочку и вновь вести диалог из одних вопросительных предложений. Нет уж, хватит, проехали, тем более что в этой игре мы не на равных, а победитель всегда предопределён заранее.

Переодеваться не пришлось, как вы помните, я влетел к себе домой едва ли не в боевых доспехах и при оружии. Нужно было всего лишь зайти в свои покои, забрать седельную сумку с куском окаменевшего яда и свой плащ из шкуры белого волка.

– Ставр, имей в виду, мы идём вместе! – Ко мне ворвался пылкий Эд, совершенно не помнящий, как несколько минут назад критиковал, а честнее, попросту докапывался (!) до бессмертных пушкинских строчек.

Ему легко, он свои скачки разума на раз-два забывает. Хорошо хоть вообще вспомнил, зачем меня звал.

– Наверное, мне стоит сказать тебе большое спасибо. – Я хлопнул его по плечу. – В общем, там твоя сводная сестричка Хель была несколько пьяна и... Короче...

– Она захотела вспомнить былое?

– Приблизительно, – покраснел я. – Только тогда, в былом, мы были трезвые. Ну и... Хельга тоже вернулась очень вовремя. Если бы она застала нас голыми в спальне, так, ох...

– Ты лучше скажи, что с твоей прекрасной дампир?

– Я передал её с рук на руки девочкам из клана Красной Луны. Всё.

– В смысле – всё? Вы расстались? – искренне удивился бывший бог. – Это глупо, друг мой! Она же красивая и так досадно верна тебе.

– Поговорим об этом позже, – быть может, слишком резко оборвал я, поскольку любопытный Эд зубами вцепился в эту тему.

– Ставр, ты что-то от меня скрываешь!

– Я же сказал, давай потом. Сейчас есть и более важные вопросы.

– Что может быть для мужчины важнее любви его женщины?!

Мне пришлось махнуть на него рукой. Нет, в самом деле, дай этому типу волю, он же все нервы вымотает. Я не хочу сейчас об этом говорить, ясно?!

На данный момент смертоносные клыки Фенрира волновали меня куда больше всех самых сладких поцелуев чернокудрой дампир. Можете считать меня бессердечным, тем более что по большому счёту так оно и есть.

– Центурион! – крикнул я, глянув сверху во внутренний двор.

Мой конь, осёдланный и подготовленный, ничего не ответил, просто опустил голову и прикрыл глаза гривой. Что-то не так?

– Сир, вы ведь не против сопровождающего конвоя? – Сзади неслышно подошёл старый крестоносец. – Шестеро бойцов, не более, верно?

– Нет, дружище, это только мой поход. Поход, а не война.

– Сир?

Я оставил его вопрос без ответа. Со стены был отлично виден силуэт гигантского волка, словно нарисованный китайской тушью на фоне белого снега. Он знал, что мы его видим. Как знал, что я приеду к нему. Да бросьте, в конце концов, я же не отказываюсь, у меня по-любому и выбора-то нет.

– Всем оставаться на стенах! – громко крикнул я, так, чтобы все бойцы слышали. – Если хоть одна стрела вылетит в сторону волка, я вернусь, сниму ремень и лично выпорю негодяя. Мне надо повторить?

– Да здравствует наш лорд и господин, – привычно ответили со стен и двора.

Тон не тот. Они нервничают. Придётся повторить.

– Но если кто-то вдруг испугается вон той большой собачки, то клянусь своим мечом, что отправлю его на кухню и женю на кухарке Агате! Кто возьмёт за себя толстуху?

– Да здравствует Белый Волк! – уже гораздо веселее откликнулись парни.

Седрик одобрительно улыбнулся мне и подмигнул. Ладно, старина, продолжим только ради тебя.

– А тот, кто откажется жениться на нашей милой Агате, пусть прямо сейчас пойдёт и поцелует Фенрира под хвост! Уверен, это безопаснее. Парни, клыки или свадьба, выбор за вами. Не могу я вечно всё за вас решать. Мне просто лень.

Наёмники на минуту задумались. Оставалось немножечко их

подтолкнуть.

– Дьявол вас раздери, отмороженные простофили! Если храбрецов нет, тогда я сам выбью пыль из шкуры волку, а потом заберу толстуху Агату себе в постель. Или, наоборот, выбить пыль из кухарки, а волка... Тут, главное, не перепутать!

Не бог весть как смешно, но грубые шутки всегда в цене, особенно поутру и на морозе. А когда орёшь, то всегда греешься.

– Да здравствует наш отважный лорд Белхорст!!!

– Я пошёл? – шёпотом спросил я Седрика.

– Кто ж вас остановит, сир? – хмыкнул он в седые усы, указывая взглядом на моего застоявшегося коня.

Что ж, пора спускаться во двор, судьба не ждёт...

Я неторопливо расстегнул пояс с мечом. Против Фенрира было бесполезно любое оружие, так что какой смысл таскать с собой тяжести. Топор тоже. Я оставил лишь нож.

В конце концов, никто всерьёз не рассчитывал биться с великим Зверем, тем более что Локи подарил мне возможность разобраться с этой проклятой лентой и богами лентой. Не думаю, что у нас будет второй шанс.

– Ну что, поехали?

– Поедешь ты, – сухо бросил конь.

– Если хочешь, можем вместе пройти пешком.

– Слушай, садись уже, – уныло поморщился он. – Поговорим по дороге. Возможно, потом не будет ни времени, ни возможности. А может, и не поговорим, я же всего лишь непарнокопытное животное...

Ох, египетская сила, вот прямо-таки его комплексов и душевных метаний мне только не хватало на данный момент. Я прыгнул в седло и толкнул коня пятками. Он фыркнул, бросившись с места в галоп, и понёс меня сквозь распахнутые ворота по белоснежному листу узкой дороги к синему горизонту. Туда, где на четырёх лапах картинно замерла одинокая чёрная фигура Зверя.

Общеизвестно, что волки те ещё позёры и умеют эффектно себя подать. Фенрир в этом плане также не был исключением. Он стоял, выгнув спину, выпятив грудь, высоко подняв голову, прямо и грозно, словно отлитый из благородной бронзы. Его глаза горели синим огнём, шерсть на загривке была вздыблена, а в рыхлом снегу перед ним валялось жалкое тело какой-то старой крестьянки, укутанной в жуткое тряпье.

Я заговорил первым:

– Мне удалось найти то, что разрежет ленту.

– Ты держишь слово, человек, – глухо прорычал волк. – Но однажды я уже был обманут. Помнишь о руке Тюра?

Да, эта старая история, не особо красивая, но тем не менее показывающая, что отдельным асам были не чужды честь, благородство, совесть и самопожертвование. Я не сразу понял, к чему Фенрир клонит, пока он не подцепил зубами тощую старушку так, что при малейшем сжатии стальных челюстей просто перекусил бы несчастную пополам.

– Стой тут. – Я спрыгнул с седла и, едва ли не по колено проваливаясь в снег, пошёл к хищнику. Вот ещё жертв среди простого населения мне не хватало.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – нервно бросил мне в спину Центурион. – Если эта зверюга решит съесть вас обоих, я десертом не буду! Имей в виду, мы, лошади, в случае опасности стараемся убежать.

– Если убежишь, то дома тебя придушит Хельга, – не оборачиваясь, парировал я.

Мой черногривый ворчун, болтун и зануда мигом заткнулся, помня, что вот у милой блондинки Хельги с этим делом как раз таки и не заржавеет.

Встав перед волком, я слегка поклонился ему, проявляя гостеприимство как хозяин своих земель. Надо признать, что и Фенрир столь же церемонно поклонился мне, волки уважают границы чужих территорий. Таким образом, общие правила вежливости были соблюдены обеими сторонами.

Я осторожно раздвинул густую шерсть на его шее и нащупал края атласной ленты.

– Придётся потерпеть.

Волк сдержанно рыкнул, не разжимая зубов.

Я чувствовал себя каким-то неопытным ветеринаром, которого на первом же семестре заставили лечить огромного пса, не дав абсолютно никаких базовых знаний по этому вопросу. Оказывается, при попытке оттянуть ленту она стягивалась ещё сильнее, буквально впиваясь в тело. С огромным трудом мне удалось просунуть под неё два пальца. Дыхание волка стало хриплым.

– Потерпи. Ещё немного.

Я осторожно вытянул из сумки крепкий осколок льда и прикоснулся им к атласной ленте. Локи не солгал, режущая кромка полосовала волшебную ткань не хуже бритвы.

Атлас буквально плавился, но я был очень осторожен, не хватало ещё порезать отравленным льдом самого Фенрира. Должен признать, он терпел,

не вырывался, не рычал, даже дышал через раз, но не сжимал зубов и не поторапливал меня.

– Всё.

Под последним нажимом лента лопнула. Я удовлетворённо выдохнул, не заметив, как сам себя полоснул по большому пальцу. Кожаная перчатка не спасла ни на миг.

Великий волк облегчённо выплюнул крестьянку в снег и торжествующе завыл, подняв морду к небу. Мгновением позже ему подобострастно ответили волки окрестных лесов. Мне даже показалось, что я узнал голос Серого Брата. Вот ведь клыкастый мерзавец, как быстро поспешил перебежать на сторону сильного.

А потом ноги вдруг стали ватными...

– Ставр! – резко бросился ко мне верный Центурион. – Что с тобой? Где болит? Кто это сделал?

Ответить я не мог. Мне почему-то дико захотелось лечь прямо в снег и ни с кем не разговаривать. Просто лежать, смотреть в небо, считать облака, ничего не делать, мирно ожидая, пока меня занесёт снегом.

– Собака блохастая, это ты во всём виноват! – не своим голосом взревел мой конь, бросаясь на Фенрира. – Я тебя убью!

Тот в некотором недоумении подставлял яростным ударам копыт свои бока, хотя по факту в один миг мог бы просто откусить Центуриону голову. Однако сейчас, невзирая на разницу в размерах, силе и весе, именно мой бешеный жеребец бесстрашно наезжал на великого волка.

– Ты чё натворил, сучара безбожная?! Ты кого положил, ушлёпок беспонтовый, крыса чумная, мусорень приклатнённая? Да ты знаешь, что, если он не встанет, я ж с тебя шкуру спущу и с петухами голого по ярмаркам трепать буду, шелупонь подзаборная!

– Что ты хочешь от меня, странное домашнее животное? – без злости и насмешки спросил Фенрир. Видимо, он слишком рано списал со счетов моего чёрного спутника.

– Спаси его!

– Глупости, люди умирают каждый день, – уже с явным оттенком раздражения пробурчал великий волк, но тем не менее, втянув ноздрями воздух, вдруг развернулся. – Кровь...

– Только попробуй! – Взмыленный Центурион закрыл меня своим телом.

– Прочь с дороги! – Фенрир мотнул головой, тяжёлым лбом сбивая моего коня в сторону.

Могучий жеребец взлетел вверх тормашками и тяжело рухнул в снег,

словно Винни Пух, бухнувшийся в сугроб с парашютом, подняв тучу искристой пыли.

Я с трудом приподнялся на локте, не очень интересуясь происходящим. Посмотрел на разрезанную перчатку, зачем-то снял её и выбросил. Хотя ведь, если подумать, так там и зашить можно. Или нельзя? Или просто уже смысла нет?

Меня всё сильнее накрывало сном, наверное, сказывался давнишний недосып. Впрочем, это не важно. Всё не важно. Всё.

– Ставр, не смей спать! – Тяжёлый хвост Центуриона хлестнул меня по щеке.

Больно же...

– А ты, волчара позорная, не тяни, или тебе ещё раз врезать?

Фенрир издал громогласный рык, а потом, резко наклонив голову, словно домашний пёс, лизнул мне ладонь. Ну-у как лизнул...

– А-а-у-уй!!! – взвыл я, когда горячий язык, мокрый и шершавый, словно тёрка, просто снял у меня кожу с двух пальцев.

Хорошо ещё не до крови. Хотя нет, похоже, что всё-таки с кровью.

Зато сонливость пропала, как не было. Меня аж на два метра вверх подкинуло, и я чудом приземлился на ноги. Огромный волк пару раз махнул лапой, взрывая снег вплоть до промёрзшей земли. Центурион с величайшей осторожностью толкнул кусочек ядовитого льда в ямку, где эта опасная дрянь и была навеки похоронена.

– Ты сдержал слово, – медленно протянул Фенрир, облизывая страшные клыки. – Но и я уплатил тебе честь по чести. Мы квиты, меж нами нет долгов.

– Долгов нет, – согласился я, стараясь не обращать внимания на жгучую боль в пальцах правой руки. – Но если позволишь, то есть вопросы.

– Будь по-твоему, смертный. Ты можешь спросить три раза, а я спрошу три раза тебя. Но помни, спрашиваем друг у друга лишь то, на что можно ответить «да» или «нет».

Я, не задумываясь, кивнул.

– Согласен!

Во-первых, спорить с древними монстрами такого ранга чревато откусыванием чего угодно, во-вторых, всё равно жутко интересно, ну а в-третьих, нам по-любому ничего и никогда не даётся в руки даром. Особенно здесь, на Севере, в Приграничье.

Волк сел на задние лапы, я встал напротив, скрестив руки на груди. Мой конь отошёл в сторонку, делая вид, что его тошнит от наших

фамильярностей. Хотя мы, надо признать, ничего лишнего себе не позволяли, а потрепать языками любили и боги, и люди, и звери, даже являясь заклятыми врагами.

Первым начал Фенрир, он был старше, за ним и право.

– В замке есть золотоволосая девочка, твоя дочь. В её жилах течёт кровь древних?

– Да, – подтвердил я, – по материнской линии, и её мама – богиня Хель. Тебе Хельга приходится племянницей.

Волк помолчал, взвешивая в уме полученную информацию. Уверен, что он всё знал заранее, но хотел услышать это именно от меня. Ладно, теперь мой черёд.

– Ты ведь пришёл сюда из-за Граней не по своей воле. Способен ли кто-то отдавать приказы великому Зверю снежных пустошей?

– Да, – не сразу ответил он, в его глазах блеснул огонь раздражения. – Тот, кто сумел подкрасться и пленил меня, спящего, накинув мне ленту на шею, назвал твоё имя. Но если бы я знал его, то не ушёл бы, не обагрив клыки его кровью.

Понятно, если уж даже сам Фенрир не в курсе, кто мог такое с ним сотворить, то дело серьёзное. Ни он, ни Хель, ни Локи не в курсе, что происходит у них за спиной.

Волк вновь посмотрел мне в глаза.

– Тот, кого ты зовёшь Эдом, на самом деле поверженный змеем бог? Из объятий моего брата Йормунганда ещё никто не уходил живым.

– Да. И то и другое правда. Мифы утверждают, что они оба погибли, один размозжил другому голову молотом, а другой, умирая, раздавил бога в объятиях и утопил в собственном яде. В этом мире его бы похоронили вместе со всеми, а в моём он провалялся в коме полгода, врачи собирали его кости, как конструктор лего, и всё-таки спасли ему жизнь.

– Спрашивай ты. – Дыхание чёрного волка стало заметно тяжелее, он всё чаще облизывал губы и даже пару раз глотнул снег, словно мои слова будили в нём неприятные воспоминания.

– Это странный вопрос, и по идее мне следовало бы просить ответа не у тебя, но тем не менее. Хель очень не любит, когда кто-то покидает Грани, как не любит, когда без спросу заходят на её вотчину. Вопрос такой: Смерь может остановить тебя?

– Да, – склонив голову, признал он. – И нет. Я бессмертен, но ничто не вечно. Дикую природу нельзя убить, но отравить можно. Однако то, что умерло, может и воскреснуть.

Я не очень понял, к чему он это вёл. Мой вопрос имел совершенно

другой подтекст. Я лишь хотел узнать, как реально относится моя жена к тому, что опасный зверь вырвался на свободу и разгуливает у стен замка, в котором проживает её дочь.

Как ни сильна Хельга, она всё ещё ребёнок, ей нет восемнадцати, а случись что, так вспомним, что огромный волк сумел проглотить великого Одина! Не самого слабого среди мировых богов, мягко говоря. Тут есть над чем задуматься...

– Какого северного мха? – сбился я с мысли, потому что волк вдруг начал заваливаться на бок. – Тебе плохо? Ты в порядке? Что тут вообще происходит, я не...

– Ставр Белый Волк, – в синих глазах Фенрира на миг сверкнула откровенная боль, – я должен был убить тебя, но спасаю твою жизнь. Яд, попавший тебе на кожу, ныне сжигает меня изнутри. Мой последний вопрос: думал ли ты, что отец захочет избавиться от нас обоих?

На мгновение у меня волосы встали дыбом. Когда я резал эту проклятую ленту, мне действительно словно кто-то нашёптывал под руку: колючи его! Одно незаметное касание ядовитым льдом – и ты избавишь свои земли от опасности. Да что там, весь Север, всё Приграничье, даже весь мир вздохнёт спокойней, когда Великого Зверя не станет.

Смысл обманывать самого себя, будто бы я этого не хотел. Хотел.

– Твоя смерть была бы избавлением для людей.

– Верно, – устало согласился он, медленно закрывая глаза. – Если бы ты не избавил меня от ленты, я бы убил тебя и всех, кто живёт в твоём замке. Если бы ты избавил меня от неё, рано или поздно я бы сделал то же самое. Я не щажу и не милую, этого нет в моей сути. Но твой странный конь был так убедителен. Он на миг показал мне, что животное может быть человеку не рабом, не пищей, а другом.

– Я... я не знаю, не понимаю, как Локи мог это сделать, но обещаю, если он виновен, я убью его.

– Слово Белого Волка?

– Да.

– Твой последний вопрос? – едва слышно прошептал Фенрир.

Я опустил на колени, глядя его по огромному лбу. Возможно, я плакал, а быть может, просто снег слепил глаза. Мне уже доводилось видеть гибель богов, и я ни за что не хотел быть свидетелем ещё одной нелепой смерти. Как всё глупо...

– Я дал тебе слово. Но я хочу знать... ты... ты вернёшься? Хоть когда-нибудь? В любом обличье? Я не хочу, чтобы ты оставлял этот мир. Он и так становится беднее со смертью каждой древней легенды.

– Да, – скорее услышал я, чем ответил он.

Тяжёлые веки Фенрира сомкнулись, из горячих ноздрей вылетело последнее облачко пара. Великий волк умер.

Сзади, хрустя снегом, подошёл Центурион, привычно цапнул меня зубами за шиворот и поставил на ноги, силой уводя в сторону.

– Всё кончилось, Ставр. И уж поверь мне, оно могло бы быть куда хуже. Рано или поздно звериная натура взяла бы верх, тем более что он никогда ей и не противился.

– Это древний мифический герой, плод насилия бога обмана над великаншей из Йотунхейма. Он не виноват в том, что рождён без любви, и он не заслуживал такой смерти. Его отравили, как бродячую собаку.

– А ты бы хотел умереть вместо него?

– Я сам виноват, что порезался.

– Ставр, ты дурак или тебе вмазать для прочищения мозгов?! – взвился мой конь.

Не в фигуральном смысле. Он реально поднялся на дыбы, яростно помахав тяжёлыми копытами у меня перед носом. И да, само собой, Центурион был во всём прав.

Я оглянулся, огромное тело Фенрира быстро покрывалось падающим снегом. Со стороны леса раздался тоскливый вой. Чёрный жеребец даже ухом не повёл, значит, узнал знакомый голос. В этом человеческий слух, пусть даже и самый тонкий, в разы проигрывает слуху животного.

– Это Серый Брат, – понимающе кивнул я. – Стоим ждём, мне надо с ним поговорить.

– Вот не люблю я этих хищников, – поморщился Центурион, нервно встряхивая гривой. – Да, конечно, это наши волки, да, они не укусят, но они всё равно смотрят на меня, как на бегающую сардельку! Почему не все звери созданы травоядными?

– Тогда они бы воевали за капусту с вегетарианцами.

– Не смешно.

– Я и не пытаюсь шутить. Это горькая правда.

Со стороны леса в нашу сторону направлялись волки. Не шагом, не галопом, а особенной волчьей трусцой, вроде бы неспешно передвигая лапы, но зверь может бежать так, не теряя ритма, с утра до ночи, не останавливаясь на обед и отдых. Наверное, прошло не более десяти минут, как стая окружила большой сугроб, под которым покоился Фенрир, а их вожак подошёл ко мне.

– Серый Брат, я твой должник. – Мне пришлось вновь встать на одно колено, чтобы обнять его, потрепать за холку, потереть уши и шутливо

растянуть уголки пасти в дружелюбную улыбку.

Он не обиделся, по-моему, ему самому дико понравилось, что в сравнении с остальными волками лично у него есть свой человек!

– Тут один из ваших, – я мысленно искал подходящее слово, – ушёл в страну доброй охоты.

Серый брат настороженно сдвинул уши.

– Нет, я не убивал его. Это роковая случайность, он спас мне жизнь, и теперь мой долг не допустить, чтоб его тело расклевали вороны.

Вожак сделал вид, что задумался. Потом как-то насмешливо сощурился и кивнул в сторону сугроба. Я не понял смысла, но так же старательно кивнул в ответ, типа да, это о нём речь. Серый волк сел передо мной, потянулся, хрустя всеми суставами, а потом, хитро покосившись на меня, оттопырил передней лапой правое ухо.

– О чём это он? – спросил я у Центуриона.

Чёрный конь также поднапрягся, прислушался и тихо предупредил:

– Что-то тут не так. Смотри на сугроб, он же шевелится.

Я обернулся с замершим от счастья сердцем. Неужели он жив?! Низ сугроба действительно едва заметно осыпался, словно если бы великий волк судорожно дёргал передней лапой.

Серый Брат посмотрел на меня многозначительным взглядом и неожиданно громко чихнул. Сугроб рухнул, разлетевшись алмазной пылью! А когда всё улеглось, из белого снега выполз новорождённый крупный, едва раскрывший глаза волчонок, чёрный как ночь.

У меня перехватило горло.

«Природу нельзя убить. Её можно отравить, но рано или поздно она возродится», – неточной цитатой всплыло в моей голове.

– Челюсть подбери, – сухо посоветовал верный конь. – И щенка на руки возьми, просится же. Пряма ми-ми-ми какой-то, как Хельга выражается.

Я на автомате присел, и волчонок действительно пошёл ко мне, смешно бултыхаясь в снегу. Стая несколько напряглась, некоторые даже оскалили зубы, но без команды вожака никто не смел дёрнуться. Трогательная кроха храбро уселась у меня на руках, крупные синие глаза бесстрашно смотрели мне в лицо.

Я почесал его за ухом. Он смешно зажмурился.

– Прости меня.

Щенок с самым серьёзным видом лизнул меня в нос.

Не знаю, по-видимому, это что-то означало, поскольку на меня неожиданно снизошло такое душевное спокойствие, которого я не знал уже

лет десять как минимум. Потом Серый Брат ненавязчиво забрал у меня волчонка, взяв его в зубы, и, не оборачиваясь, потрусил в заснеженный лес.

Стая увязалась за вожаком, мы с Центурионом больше не были им интересны. Волки сумеют позаботиться о маленьком Фенрире, а когда он вырастет, возможно, мы встретимся снова. По крайней мере, я бы хотел его увидеть.

В замок Кость мы возвращались неспешным шагом, спасённая нами крестьянка давно и успешно доползла до ворот, её впустили. Для нашей встречи на стену вышли Эд и Седрик, бывший бог со справкой подпрыгивал и махал мне рукой.

Ох, как же здорово, что всё кончилось хорошо. Ну разве что чуть побаливали те два пальца на правой руке, с которых волк слизнул кожу, но это, по сути, такая мелочь.

– Ты что-то хотел мне сказать? – наклонившись к гриве Центуриона, спросил я.

– Когда?

– Когда мы выезжали.

– Ставр, давай попозже, – невнятно отмахнулся он, явно что-то скрывая. – Всё равно ничего уже не исправишь.

– Как скажешь. – Я тоже не имел ни малейшего желания копаться сейчас в чьих-то комплексах, у меня и своих проблем выше носа. Тем более что на въезде в ворота у наших ребят отмечалась некая обречённость на постно-счастливых мордах.

– Кто не видел, как наш господин победил Фенрира? – громовым голосом проорал старый крестоносец.

– Да здравствует Белый Волк!!! – в полную грудь отозвались бойцы.

– Что надо сказать?

– Ох, лорд, ты головой-то хоть иногда пользуйся, пжлста, – нестройным хором отозвались двое-трое лучников со стен, а прочие поддержали их согласным гулом.

– Бунт? – терпеливо спросил я, хотя рукоять самсоновского ножа уже буквально легла в ладонь.

– Как вы могли подумать такое, сир? – укоризненно помотал головой Седрик. – Но, пуская в дом дьявола, надо же хоть чуть-чуть думать, нет?

– Развели тут мусорную свалку. – Центурион осторожно толкнул копытом ворох грязного тряпья, не замеченный мной на снегу. – Знакомый запах, кстати...

– Видимо, та крестьянка, что выплюнул волк, ох... Нет, не-э-эт!!!

– Лорд Белхорст, я никогда не устану говорить, что вы мой любимчик

и спаситель, – громко раздалось из окна гостевой башни. – Как честный мужчина, вы теперь просто обязаны на мне жениться. А кто скажет, что вы нечестный, тот получит от меня ночным горшком по голове! Дураки есть?

– Дураков нет, – скорбно раздалось со стен и двора.

По-моему, меня опять слегка накрыло, поскольку я тупо рухнул с седла вбок и был подхвачен седым крестоносцем ровно за миг до соприкосновения головой с промёрзшими камнями брусчатки. Мир снова окунулся в тёмные тона. Пурга с пургеном, так вот кого я собственноручно спас из пасти Фенрира?!

Парни абсолютно правы, даже героям следует время от времени подключать головной мозг к руководству действиями организма. Если раньше я был уверен, что имею, как и все люди, право на ошибку, то сегодня, похоже, мой годовой лимит исчерпан.

– Ставр, держись, а мы держим тебя!

– Эд, это тавтология.

– В дупло к белой медведице твои наукообразные термины, – тепло посоветовал кудрявый бог, помогая Седрику поставить мою милость на ноги.

Леди Мелисса причмокивала впалыми губами в мою сторону и, хвала небесам, была при этом закутана в одеяло по самую шею. Уверен, что, когда на замок нападут враги, нам будет достаточно разрешить ей выйти голый за ворота, чтобы ряды противника стушевались, вытошнились и бежали без оглядки, вопя от ужаса.

– Несите меня в мои покои, типа я потерял сознание от счастья, – не размыкая глаз, сквозь зубы приказал я.

– Потом мы будем тебя этим шантажировать, – мстительно пообещал Эд.

И да, уж поверьте, по крайней мере, с него оно точно станется. С другой стороны, ему всегда можно пригрозить лишением мультиков, и куда он тогда денется? С богами всегда держи ухо востро, они же веками обожали манипулировать людьми. Ну-ну, как же...

– Хельга не появлялась? – первым делом спросил я Эда, когда операция по моему спасению от поцелуев любвеобильной старушки успешно завершилась.

Мы заперлись в моей комнате, а Седрик встал с обратной стороны на охрану, могучий и непотопляемый, как крейсер с ядерным оружием. По факту он мог уступить дорогу лишь моей дочери или толстой кухарке Агате, у прочего мира богов, людей, монстров или демонов шансов не было. От слова вообще.

– Дружище, ты должен рассказать мне всё.

По-моему, эта фраза претендует на то, чтобы её считали девизом дня.

Я только и делаю, что постоянно всё всем рассказываю. То дочери, то жене, то начальству, то богам, то ещё кому-нибудь, им же всем всё жутко как интересно! Причём с ответными откровениями мне тут никто особенно не разбазаривался. Ну, видимо, их время ещё не настало, а у меня затяжная чёрная полоса. Такое порой бывает, новопассит с пустырником мне в помощь.

– Хотя почему бы и нет?

Я усадил дядю Эдика на край кровати, принял подходящую случаю позу и пустился в пространную сагу о Дане, Локи, Фенрире, Хель, Хельге и Центурионе. И уж поверьте, кудряшка Эд умел слушать как никто!

То есть активно, с восклицаниями, аплодисментами, хохотом, воем, слезами, вскакиванием с места, хлопаньем себя по коленям, хватанием меня за грудки, рычанием, непристойными ругательствами и так далее. Бывший бог не умеет слушать просто так, он всегда превращает любой монолог в полноценный спектакль двух актёров.

Если Смерть выслушала меня минут за шесть-семь, то её братец по божественному пантеону Асгарда растянул практически ту же историю аж почти на час. Он меня просто выжал всухую, до капли, не оставив ни сил, ни эмоций.

– Не, ну а так по большому счёту ничего страшного, – в конце концов пожал плечами Эд. – Ты заключил договор с лжецом, отвергнул любовь Смерти...

– Я не отвергал, это ты припёрся и... Хотя чего я оправдываюсь?!

– ...перед этим напоив её, убил Фенрира и присутствовал при его возрождении. Я уже молчу, что ты нагло стащил с трона законного короля и зачем-то вернул в наш тихий замок милейшую леди Мелиссу. Но тем не менее я искренне люблю тебя, друг мой, потому что с тобой не скучно!

Собственно, тут и возразить-то было нечего. Скука – это единственное, с чем я не знаком по жизни в принципе. А как хотелось бы...

– Будь другом, присмотри за леди Мелиссой, – виновато попросил я. – Что-то душа не на месте, надо сгонять домой, там Хельга одна со Смертью.

– Ставр, я тебя умоляю, Хель её мама. Что бы ты там себе ни напридумывал, она никогда не причинит зла своей единственной дочери. Смерть не склонна к интригам, она просто в них не нуждается.

– Знаешь, вот не надо мне тут семейных сантиментов. Если бы я не вытащил тебя тогда, милая сестрица Хель прекраснейшим образом добила бы тебя, тупо отрезав голову кровавым серпом.

Бывший бог возмущённо поиграл бровями, но подходящих слов не нашёл, он знал, что я прав. Хотя, конечно, на тот момент, полузадохнувшийся в объятиях змея и едва не захлебнувшийся в его ядовитой крови, мало что помнил, а понимал, видимо, ещё меньше.

Фактически именно эта страшная «смерть» и последовавшее за этим длительное пребывание в коме и привели к катастрофическим последствиям для его мозга. Психика и разум бывшего бога в нашем мире необратимо изувечены, а уж его так называемая божественность вообще безвозвратно канула в обоих мирах. Ему приходится с этим жить, он привык, даже я, наверное, парюсь по этому вопросу больше.

Спокойно переодевшись у себя в комнате, я прошёл по коридору, стараясь внять совету Эда и не заморачиваться проблемами Хельги и Хель раньше времени. Не хочу, не буду, и так голова вскипит скоро.

– Сир? – У старой фрески меня ждал смущённый Метью.

Опять косит под Седрика. Нашёл же себе пример для подражания, нет чтобы у меня чему-то хорошему поучиться?!

– Вы не передадите письмо миледи Хельге?

– Нет.

– Почему?

Я закатил глаза к потолку. Вот мало ему, что я феодал, что я хозяин этого замка и этих земель, что я, в конце концов, её папа, он ещё требует от меня объяснений, почему я не Гименей?! И что самое обидное, пороть его уже бессмысленно, меня собственная дочь не поймёт. Хотя какого северного мха, хоть разок-то ему треснуть можно?

– Давай свою бумажку.

Я, честно говоря, не очень понимал, что произнёс и что сделал. Потом стиснул зубы и гордо ушёл в стену.

Дома было тихо.

Ни шума драки, ни сдерживаемых рыданий, ни деликатного чавканья на кухне. Прямо на кровати, так, чтобы сразу было видно, лежал тетрадный листок с коротким текстом от руки: «Папуль, мы с ма пошли в кино. Целую, целую!» Понятно.

То есть ничего не понятно, конечно, но, если дело обошлось без слёз и кровопролития, это всё равно уже хорошо. Ну или очень даже неплохо. Не представляю, правда, куда они дели добермана Гарма и на какой фильм пошли – Смерти, знаете ли, трудно угодить с сюжетом. Но и это дело десятое.

Я открыл ноутбук, быстро заварил кофе на кухне, проверил сотовый

(ничего срочного) и с наслаждением позволил себе несколько минут релаксации за антикварными торгами. Приятно же поговорить с умным человеком, то есть с самим собой.

Когда сметает горы рок,
И льют дожди печаль,
И затрубит в победный рог
Литая вражья сталь,
Чужак придёт с кривым мечом
На отчие поля, –
Укройся за моим плечом,
О Грузия моя!

Неожиданно для самого себя вслух процитировав классика грузинской поэзии, я открыл проверенные аукционы. Ну-с, что у нас тут сегодня?

– Кавказская сабля с европейским клинком. Клеймо Золингена и солярные рисунки – луна, солнце, звезды. Тифлисская подделка под «аббасмирзу». В принципе вполне стоит своих заявленных ста тысяч рублей. Но кому я её потом продам? Тем более что мои собственные торги висят. Три ставки на дагу для левой руки, это приятно, но мало. А тащить из Приграничья золото и ювелирку достаточно проблематично. В девяностые оно бы ещё как-то прокатило, но сейчас, после «пакета Яровой», ну его на фиг, все эти риски.

Я пролистал три основных рабочих аукциона, зашёл в свой интернет-магазин, оформленный на подставное лицо, убедился в практически полной тишине и отсутствии всяческого действия. Ничего страшного, деньги пока есть, в торгах всё циклично, как-нибудь справимся. Я отправил эсэмэску Хельге, сообщая, что жду их дома. Встал, чтобы сделать себе ещё кофе, но...

В этот момент окно на кухне разлетелось вдребезги, и на полу закружилась дымовая граната. Клубы удушливого дыма мгновенно заполнили помещение. Я ещё успел услышать, как вышибают мою многострадальную дверь, как тяжёлые ботинки спецназовцев грохочут по ламинату, и рухнул на диван, теряя сознание до того, как меня начали бить. Всё.

Если кто по жизни в разных ситуациях попадал под раздачу российского ОМОНа, знает, что лучше всего лежать на боку, лицом вниз, подтянув колени к животу и прикрывая голову руками. Не то чтоб ребята

злые, просто у них работа такая – меньше сопротивляешься, меньше бьют. Я не сопротивлялся, не та ситуация.

Ну и, как вы понимаете, они тоже люди, у них тоже совесть есть, поэтому в себя я пришёл уже в машине, на металлическом полу, запястья в наручниках, голова болит, над бровью щиплет подсыхающая ранка, но в остальном жив. Это главное, а прочие детали как-нибудь согласуются и утрясются по ходу. Ехали мы довольно долго, видимо, куда-то за город, что одновременно и хорошо и плохо.

Хорошо, потому что меня могли запросто бросить к уголовникам в общую камеру предварительного заключения городской тюрьмы, она у нас прямо в центре и называется «Белый лебедь». Возможно, в честь того, что рядышком, буквально через дорогу и пару домов, расположено искусственное лебединое озеро. Водный парк, высокие ивы и тополя, излюбленное место семейного гулянья горожан ещё с прошлого века.

И плохо, потому что если меня вывезут на какой-то более секретный объект, то, значит, арест не вполне законный, адвокату мне не дозвониться, а обвинения вообще могут не выдвигать. Сидишь и сиди, значит, так надо! В целом одно уравнивает другое.

Лично мне в равной мере претит как быть «узником замка Иф», так и заваривать чифир с реальными урками. По-любому приходить в себя ещё рано, полежим, посмотрим, что будет дальше. Если кто-то ожидал головокружительного сюжета, так грузинскую птицу обломидзе вам в руки! Всё шло по накатанной, привычно и предсказуемо.

Меня слегка пнули сапогом под рёбра, просто для того, чтобы убедиться, что живой, и без лишних сантиментов (как и лишней грубости) выволокли из машины. Я принципиально отказывался приходить в себя, им надо, пусть несут. В конце концов, это их служебные обязанности, мне приглашения не присылали, смокинг надеть не позволили, а сама вечеринка явно будет тухлой, как прогорклый рыбий жир...

Я был с почётом отвлочен в какое-то здание: коридор, лестница вниз, традиционный подвал, полумрак, сыро, но тепло. Сняли наручники, заново надели, приковав к какой-то трубе. То есть ничего нового, вы наверняка стопятысот раз видели нечто подобное в кино. Ну вот по жизни оно тоже так бывает.

Когда все ушли и зловеще проскрежетал проворачиваемый ключ в замке, я позволил себе роскошь полностью открыть глаза. Увиденное не обрадовало и не напугало. Хотя вот эта извечная двойственность, инь-ян, хорошее перетекает в плохое и наоборот, меня, признаться, изрядно достала.

Ну что ж, я не в первый и, возможно, не в последний раз нахожусь в безвыходном положении. Моя дочь со своей мамой вернутся домой и найдут опечатанную квартиру с полицейским у входа. Вот он, несчастный, за всё и ответит. Если моя девочка не в настроении, то вряд ли кто встанет у неё на пути. А если за рыдающую Хельгу вдруг обидится её мама, то...

Не знаю, на этом моя фантазия выдохлась.

Да, Смерть заберёт любого в положенный ему срок, но кто сказал, что она не имеет права на вспышку гнева, приступ ярости, в конце концов, банальный женский каприз, имеющий лишь одно нелогичное, но хотя бы вменяемое объяснение: потому что!

И если без того не очень трезвая Хель уверена, что в этом мире кто-то груб... да какого северного мха, только лишь недостаточно вежлив с её малышкой, всем кирдык!

Чудесное татарское слово, объясняющее грядущее даже лучше традиционно русского «песец». В конце концов, этот зверёк вызывает скорее положительные эмоции, а вот «кирдык» в исполнении мамы Хельги может быть очень и очень неприятным.

– Здрав буди, боярин, – прерывая мои мысли, раздалось из дальнего угла.

Пристально взглядевшись в темноту, мне удалось различить мужскую фигуру, также прикованную к какому-то теплораспределительному разъёму. – Вот где довелось свидеться, судьба! Не узнаёшь али как?

Само собой, ещё бы я его не узнал! Но кто мне теперь поручится, что Капитан тут не по своей воле? Быть может, он как раз таки изображает такого же, в доску своего «пленника», чтобы вытянуть из меня какую-то там секретную информацию?! А давайте-ка я помолчу, пожалуй...

– Ну и молчи. Обиделся, поди? Правильно. Что ж, мне-то, старику, обидеться не на кого. Сам во всём виноват. Тебе поверил, супротив всего Белого Комитета подставился. Пенять не на кого, когда ума нет, считай калека.

– Я стоял за дверью, когда вы по телефону отчитывали тех, кто с автоматами расстреливал мою дверь. Вы упрекали их в непрофессионализме.

– Ложь сие.

– Да неужели?

– Ставр Гоудинович, – мой Капитан попытался встать на ноги, но оковы не позволяли даже выпрямиться, – реальность никогда не такова, как кажется. Я никогда не предавал своих парней. Быть может, мне и не очень рады в Белом Комитете, но я ни разу не подал свой голос против любого из

моих граничар!

Мы было зацепились с ним языками, но я вовремя опомнился. В памяти всплыл образ моего друга Фрола, потом той дампир, что овладела и телом и душой барона Роскабельски, вспомнил прекрасную Дану, которая ловила чашей капли яда, падающие на Локи. Да, мир сложен, неоднороден и крайне плохо делится на белое и чёрное.

– Как вы сюда попали?

– Так же как и ты, боярин, – глухо ответил он, опустив голову. – Меня прямо в кабинете взяли. Я сам пошёл. Мог пострелять их, да жаль стало ребят молодых, подневольных. Уж больше недели тут сижу.

В мой мозг словно ткнули раскалённой шпагой.

Если Капитан уже неделю здесь, то кто приходил ко мне в гости? Чьи слова я слышал из-за двери? Кто раздавал приказы и команды вместо него? В Комитете вообще хоть кто-нибудь в курсе, что их сотрудников из командного состава способны выкрасть и заменить двойником? Прямотаки шпионские игры на фоне глобальной теории заговора.

Нет, ерунда, я не верю в эту фигню. Рука неприятно зудела в том месте, где меня лизнул Фенрир. Заживает или от нервов...

– Поверишь, – абсолютно точным попаданием добил меня Капитан. – С этой работой постепенно начинаешь верить во всё, включая самое невозможное. Ты сам понимаешь, что речь о юнице твоей. Белый Комитет её принял, она под защитой. Вот только мы с тобой в этой игре лишние.

– Я это уже слышал.

– Убить всю семью, дабы дочь твоя за отца, дядю и меня, дурня старого, кому указано, мстила. Да вот тока слишком уж явно всё это, как думаешь, боярин?

– Думаю, что, как только она узнает от соседей о том, что меня забрали, эта тюрьма, или где мы там находимся, будет разнесена по кирпичику.

– И что потом? Сбежишь в свой замок?

– Ну уж тут точно не останусь!

– Горяч ты, боярин, дерзок без меры, стариков не уважаешь.

– Я всего лишь хочу знать, кто из моего окружения настоящий. Кроме Хельги, Хель и Эда, их чёрта с два подделаешь.

Подумав ещё минутку, я мысленно добавил к списку Центуриона, Ребекку и того же Десигуаля. Уж этих-то даже подделывать никому в голову не придёт. А вот заменить остальных эта скользкая тварь типа дроу вполне способна.

– Седрика легче всего, Метью в принципе тоже. Но, с другой стороны,

как раз он-то и рассказал мне о злобном двойнике в своих королевских покоях. Интересно, сколько дроу можно набрать у нас на Севере?

– Хорошо, если ещё одного или двух, – отрицательно помотал головой мой Капитан. – Дроу массово убивают уже несколько столетий. И чую я, не простой перевёртыш энто. С чем-то повесомее ты схлестнулся. Эх, цель бы знать, а там уж...

– Цель у всех одна – моя дочь, – уверенно откликнулся я, на всякий случай от нечего делать проверив крепость трубы, к которой меня приковали.

Надёжная труба, кстати, аж зубы сводит со скуки. В этот момент откуда-то сверху по лестнице застучали сапоги, посыпалась пыль с потолка, а потом открылась дверь, и двое парней в масках и камуфляже втолкнули в подвал Хельгу.

Ну, правильнее сказать, попытались втолкнуть, если моя девочка не захочет, сдвинуть её с места не легче, чем развернуть танк за дуло. Благо на драму она не была настроена, а сразу бросилась ко мне:

– Папуль, ты в порядке? Тебе не больно? Тебя пытали, били, спрашивали про секреты и военные тайны?

– Нет, лапка, я в норме.

– Не смей трогать наручники, – грозно предупредил один из охранников, демонстративно похлопывая по кобуре на поясе. – Вам разрешено свидание, две минуты, время пошло.

– Па, я сама всё расскажу. – Она заботливо приложила пальчик к моим губам. – Тебе вредно нервничать, поэтому просто слушай. Ой, а это кто?

– Здрава буди, юница Хельга.

– Это что, твой Капитан?! Но... он же вот прямо сейчас нас сюда привёз на машине. Или это уже не он? А-а, поняла, у вас есть брат-близнец!

Капитан посмотрел на меня усталым взглядом. Ну что я мог ему ответить? Современные дети воспитаны телевизором, а моя крошка хоть и отличница в школе, но по жизни порой так наивна, что аж оторопь берёт.

– Лапка, ты сказала «вас».

– Чего?

– Ну, типа «вас привезли на машине», – терпеливо повторил я. – Вас – это значит больше тебя одной. Так кто там приехал – дядя Эдик, твой Метью, белый цверг или ты умудрилась забрать сюда половину замкового гарнизона?

– Ой, нет же, па! – беззаботно рассмеялась она, и от этого смеха охранники недоумевающе переглянулись. – Там мама у дверей. Она сказала, что если я через две минуты не вернусь, то она начнёт нервничать.

Две минуты прошло?

– Судя по тому, что мордовороты ещё живы, нет, – решил я.

Парни в камуфляже нервно сглотнули. Правильно.

Если они профессионалы, то спинным мозгом должны понимать: что-то идёт не так, раз эта странная девочка так удивительно спокойна, когда, по идее, должна рыдать в голос. Тем более что там наверху на её стройную маму тоже наверняка направлен не один ствол. Я имею в виду оружейный, а то мало ли кому чего подумается.

– Две минуты прошло, свидание закончено, давай на выход, мелкая!

– Не груби моей дочери, – очень тихо потребовал я. Не попросил, прошу я иначе.

– Ой, да заткнись ты уже, дядя! – сорвался один. – Тебе мало навтыкали при аресте? Можем повторить.

Мне почему-то вспомнилась одна дурацкая наклейка на машинах, особенно актуальная в день Девятого мая. Нет, я не против разумного патриотизма и гордости за Отечество. Я как раз «за»! Просто это «можем повторить» на купленных иномарках звучит как-то чрезмерно двойственно.

Ты можешь повторить такой же «мерседес» или «ниссан»? Да ни фига! «Лада-седан, баклажан...» – вот то, что ты можешь повторить. И то как припев, не более.

– Ваше время вышло, – громко объявил второй, возможно немножко более умный, чем первый. Впрочем, ему это вряд ли поможет.

Потому что, сколько я знаю свою бывшую супругу, вышло не наше, а ваше время. Смерть чрезвычайно пунктуальна – секундой раньше, секундой позже, для неё имеет значение. Лёгкий стук каблучков над нашими головами возвестил о том, что у Хель кончилось терпение.

– Па, я сниму с тебя наручники?

– Не смей! – опомнились охранники, хватаясь за оружие.

– Искренне рекомендую вам лечь носом вниз и притвориться мёртвыми, – честно предложил я. – Сейчас сюда войдёт Смерть. Это не фигуральное выражение, это банальная реальность. Усвойте уже.

– Сюда нельзя! Мы будем стрелять!

Не усвоили. Более того, когда моя бывшая жена ровным шагом спустилась по ступенькам в подвал, они реально взяли её на прицел.

– Дочь моя, если ты твёрдо решила забрать отсюда отца, делай то, зачем пришла. Горе тому, кто посмеет тебе помешать.

Хель с каким-то извращённым наслаждением провела ладонями по лицу, словно умываясь – разорванная плоть слезла, как резиновая маска, открывая жёлто-белые кости черепа в пятнах крови и слизи. Малоприятное

зрелище, честно говоря...

Естественно, у парней сдали нервы, они заорали благим матом и разрядили в неё по полной обойме. Пули проходили сквозь тело Хель, дырявя противоположную стену, но не причиняя вреда ни моей жене, ни даже её одежде. Не спрашивайте, я не смогу этого объяснить.

– Па, а разве можно стрелять в маму?

– В принципе да, – закашлявшись от резкого запаха пороха, кивнул я. – Можно даже ядерную бомбу в неё кинуть. Но ты же понимаешь, что Смерть всё равно нельзя убить. А вот разозлить – это, надо признать, запросто.

– Уймитесь, смертные!

Одного движения белых надбровных дуг бывшей богини хватило, чтобы оба охранника рухнули в длительную кому там же, где и стояли, не успев даже выпустить пистолеты из рук. А я ведь предупреждал: оружия против Смерти нет.

И нет хотя бы потому, что любое оружие ставит своей конечной целью физическое уничтожение противника. Военные хотят убить Смерть? Пчёлы против мёда, рок-певцы против наркотиков, Галкин против Пугачёвой, как-то так, да? Ну и результат налицо.

– Муж мой!

– Хель, я не виноват. Просто так получилось, тяжёлый день.

– Теперь мне вечно придётся вытаскивать тебя из всех проблем в обоих мирах? – Она вновь вернула себе лицо, в её глазах не было гнева, скорее удивление. – Почему ты позволяешь так обращаться с собой и нашей дочерью?

– Ма, не начинай...

– Дочь моя, я имею право хотя бы спросить?

– Ох, – только и успел тихо выдохнуть я, потому что лезть в эти чисто женские проблемы мне явно не стоило.

Во-первых, потому что они и сами разберутся, во-вторых, потому что я, драккар мне в задницу, до сих пор стою прикованный к этой дурацкой трубе! А моя милая золотоволосая крошка успешно забыла, для чего она сюда пришла. Пришлось напомнить.

– Прошу прощения, что вклиниваюсь в ваш разговор. Но если мне не изменяет память, то слово отца в древнем мире значило очень и очень многое.

– Папуль?

– Ок. Если короче, то не соблаговолишь ли ты разомкнуть эти наручники?!

– Гореть им в аду, дьявольским отродьям! – одновременно ответили мама и дочка.

– И моего Капитана тоже освободи. Тебе не сложно, а он пожилой человек.

– Какого северного, мне разве жалко? – искренне удивилась моя послушная дочь, на раз-два разрывая мои наручники и на три-четыре освобождая моего Капитана.

Я прекрасно отдавал себе отчёт в том, что, если бы не сегодняшний случайный визит Хель к нам домой, вряд ли бы всё это кончилось так быстро и в нашу пользу. Когда она в лиричном женском образе нордической красавицы, её редко кто вообще способен воспринимать всерьёз, хотя лично она всегда серьёзна со всеми!

Смерть не умеет шутить, прикидываться, язвить или изображать из себя то, чем она не является по сути. Чёрное – белое, правда – ложь, вдох – выдох, да – нет... вот её закон. Если бы мне предложили назвать самую честную богиню, то на вершине мирового пантеона однозначно стояла бы Смерть. Даже Иисус Христос не мог миновать её на пути к Небесному Царству.

Без жизни нет смерти, без смерти не бывает жизни. Я не знаю, каким удивительным образом эти два факта взаимослились меж собой. Начало – конец – начало. В любой религии мира мы не умираем насовсем. Но только Хель знает правду.

– Ну что, на выход? – вытряхивая из головы пустую философию, предложил я.

В том смысле, что это и было единственно оптимальное решение в данных обстоятельствах. Все переглянулись и дружно кивнули.

– Мы с Капитаном вперёд, дамы за нами! И ещё... ох, милая... – Я беспомощно похлопал себя по карманам. – Тут твой Метью просил письмо передать, но, кажется, у меня его отобрали...

– Ну, па, так нечестно! – чуть не заплакала моя девочка. – А что там было?

– Откуда мне знать, я не читаю чужих писем.

– Надо было прочитать!

– Не поучай отца своего, – вмешалась моя жена. – Уверена, что мальчик писал тебе о вечной любви. Все мужчины пишут об этом, пока живы. Но живут недолго.

Хельга страдальчески закатила глаза. Что ж, теперь она будет обижаться ещё и на маму? В конце концов, кто виноват в том, что на меня напали, куда-то увезли, естественно обыскав и забрав всё, что могло

показаться интересным. Форс-мажор. В конце концов, я не «Почта России», ответственность за утерю корреспонденции не несу...

Но дальнейшего развития эта тема не получила. Когда ступеньки вывели нас наверх в большую прихожую, где все мы увидели порядка десяти спецназовцев, валяющихся в разных позах, мне оставалось сказать лишь одно:

– Спасибо, Хель.

– Они были опасно невежливы, муж мой.

Я благодарно склонил голову и коснулся губами кончиков пальцев прохладной руки моей супруги. Она ответила, тихо поцеловав меня в щёку. По сердцу разлилось нежное тепло...

Поверьте на слово, любой поцелуй Смерти поднимает вас на недостижимую высоту. Но не пытайтесь предлагать ей это первым, Хель сама выбирает своего мужчину. Ей нельзя навязать красавчика или героя. У неё свой собственный вкус, и секс ради секса Смерти неинтересен. Так что все жиголо идут лесом в пень!

– Не представишь меня своей боярыне? – вежливо прокашлялся Капитан за моей спиной.

Ох, забыл, правила приличия не позволяли Хель спрашивать, кто со мной, как и мой воспитанный шеф не полез бы знакомиться через мою голову.

– Дорогая, это Капитан, мой начальник по работе и службе. Очень хороший человек.

Хель посмотрела ему в глаза, улыбнулась и молча кивнула. Мой шеф отвесил ей глубокий поясной поклон:

– Премного наслышан. Вижу, в кого юница ваша красой пошла.

Богиня смерти вновь ничего не ответила, так что мне пришлось заполнять неуклюжую паузу:

– Хель, я должен был бы поблагодарить тебя за избавление от плена.

– Благодарю, муж мой.

– Благодарю и обещаю, что, если хоть раз судьба даст мне шанс защитить тебя или просто быть тебе полезным, я отдам долг с радостью и честью.

– В свой час я напомню тебе об этом, мой милый. И ты не откажешь мне.

Смерти никто не отказывает, это верно. Но, быть может, я один из немногих, кто приемлет её как жену и невесту. У Хель свои правила, не надо пытаться их переделать под собственные комплексы или желания. Всё будет как будет.

Мы прошли через посыпанный гравием двор стандартной воинской части, без особого старания замаскированной под дачный коттедж с приличным приусадебным участком. Такие места принято называть секретным объектом. Две легковые машины, один бронированный микроавтобус, колючая проволока поверх бетонного забора, сухие кустики с остатками подвядшей смородины.

Капитан толкнул ворота, а вот за ними вдруг оказалась охрана.

Наверное, человек двадцать мгновенно обернулись в нашу сторону, хватаясь за оружие.

– Парни, можно мы пойдём домой? – на всякий случай спросил я. Вдруг прокатит?

– Стоять на месте! – жёстко ответил старший. – Одно движение, и стреляем по ногам. У нас приказ!

– А у нас в квартире газ, а у вас? – на автомате вспомнила Хельга. – А ещё нефтепровод, вот. И что-то там про кошку с котятками...

– Не пародируй дядю Эдика. И да, милая, – я обернулся к бывшей жене, – ты не поможешь? Они люди подневольные.

– Уйдите с нашего пути, смертные! – величаво протянула Хель, делая шаг вперёд.

Тут же три-четыре пули взрыли землю у её ног.

Древняя богиня хлопнула в ладоши, воздух вокруг нас странно загустел, звуки исчезли, а весь спецназ одновременно отправился в долгий сон. Люди падали там же, где стояли, не в силах даже сделать вдоха, не выпуская из рук оружия и не закрывая глаз. Ребята придут в себя утром, до этого часа разбудить их невозможно даже трубам Страшного суда, и пусть радуются, что Хель подарила им не вечный сон.

– Папуль, ты не представляешь, что она устроила в кинотеатре, – шёпотом сообщила мне моя девочка. – Мы попали на голливудский фильм про Тора. Милый такой блондинчик с длинными волосами и бородой.

– Лапка, а более нейтрального кино не было?

– Пьяная мама захотела это! Ну а по сеансам вполне подходило, я думала, она просто расслабится и заснёт в зале.

– Кинотеатр цел?

– Ну-у... в целом. Это, кажется, называется тавтология, да? Там было немного народу, фильм-то не премьерный, но когда мама начала крушить кресла и орать Тору в экран, что Локи предатель... ох... В общем, охранник там теперь тоже спит, и зрители спят, и контролёрша, и продавец попкорна, и ещё двое полицейских, кажется. Я ещё очень вовремя увела её до подхода «скорой» и пожарников.

– Мрак, – поёжившись, согласился я.

– Да брось! Было весело, пьяная ма такая прикольная.

А я, значит, нет? Ну-ну...

Капитан обошёл валяющиеся на земле тела, подобрал пару скорострельных пистолетов, один швырнул мне, второй сунул себе за пояс. Хель обернулась на едва заметное движение в одном из окон дома, исчезла на миг и тут же появилась снова, отряхивая руки.

– Больше нам никто не помеха, муж мой.

Не представляете, как меня раздражает эта манера обращения, но согласитесь, сейчас, не будь рядом с нами богини смерти, увы и ах, неизвестно, какое развитие могла бы иметь эта история. Совсем не факт, что долгое и интересное.

Как говорится, есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы. Таким образом, никто не гарантировал бы, что мы с Капитаном вышли бы из подвала своими ногами. Нас вполне могли вынести расчленённых в мешках и просто спустить, привязав груз к ногам, вниз по течению Волги. Я сам феодал и знаю, как делаются подобные вещи.

Мой шеф сел на водительское место микроавтобуса, ключи зажигания торчали в приборной доске. Полностью раскрыв ворота, я посадил дам в салоне, а сам плюхнулся в пассажирское кресло рядом со своим шефом.

– Что делать будешь, боярин? – тихо спросил он, когда мы тронулись.

– Уйду в Кость.

– Так тебя найдут и там.

– Не спорю, но это моя земля, и там мне будет легче защитить себя и своих близких.

– Ох, боярин, знай, не так уж неприступна крепость сия.

– Возможно, но мы попробуем прорваться. А что будете делать вы?

Капитан замолчал на некоторое время. В конце концов, это со мной всё просто и ясно, а ему предстоит как минимум найти и обезвредить собственного двойника! Причём тот уже давненько проталкивает собственную линию и вряд ли согласится сдаться без боя.

Да и как доказать, что ты это ты, когда напротив тебя в судейском кресле сидит твоя копия, у вас априори равное право голоса, а любое твоё слово может быть обращено против тебя? Кто знает, быть может, это как раз ты двойник, а не он.

– Думаете, все в курсе, что мы сбежали?

– Когда б жена твоя, красавица бледная, не тока во дворе дружинников вырубил, а и во всём доме разом, так и не о чем и беспокоиться. Однако вдруг у кого возможность была тревожную кнопку нажать. Вполне

станется, так и успели сообщить куда нужно о бегстве нашем.

– Но они не знают, на каком мы транспорте.

– То верно, да надолго не спасёт, – мрачно хмыкнул Капитан граничар. – А теперь пристегнитесь, мы просёлочными дорогами пойдём. Ох и попрыгаем по кочкам-ам!

Кто знает наши просёлочные дороги, тот поверит – ох мы и попрыгали! Хельга удерживала всю хохочущую маму. Смерть счастливо визжала, хлопала себя по коленям, хваталась за живот, смотрела в окно и явно наслаждалась поездкой, как малое дитя в парке аттракционов.

Коньяк на неё действовал, лишь когда она сама этого хотела. Бесценное качество, кстати! Выпил литр и сам решаешь, когда он ударит тебе по мозгам – прямо сейчас или после работы, а может, и вообще на следующий день. У Хель такие вещи вообще происходят запросто, по роду профессии она всегда себя контролирует, ей нельзя иначе.

Именно поэтому я всегда знал, что наша связь не случайна. Древняя богиня смерти не позволяет себе случайностей, ошибок, оговорок и недомолвок. Она всегда отдаёт себе отчёт в каждом своём поступке. Она всегда и всё контролирует, даже играя. Она – Смерть. Не надо пытаться делать из неё пьяную дуру, уж поверьте.

Мы выехали за территорию посёлка и направились в город. Два раза стояли в перелесках, пропуская военные бэтэры, несущиеся в обратную сторону. Один раз над головами даже пролетел военный вертолёт, но вряд ли он нас заметил.

– А в городе куда?

– Вас до дома подброшу и за дела, – сквозь зубы бросил Капитан.

– Может быть, с нами в Кость?

– Что мне там делать?

– Будете пить вино в компании Седрика. По-моему, вы вполне споётесь.

– Сопьётесь?

– Ну или-или, – пожал плечами я. – В любом случае здесь у вас одни проблемы.

– Ставр, а ты бы бросил свой замок? Оставил участок границы лишь потому, что тебя предали и подставили?

Я заткнулся. Он был абсолютно прав. Честь граничара не позволяла отступить.

Нас учили и воспитывали на примере героев Брестской крепости. В ту Великую войну фашисты отводили на разгром пограничников ровно два (два!!!) часа. Но заставы держались сутками, неделями и месяцами! Без

патронов, без еды и воды, они дрались врукопашную, до последнего закрывая собой границу.

Мы не герои, но нас воспитывали на их примере. Поэтому мой Капитан прав, я вернусь на свой участок и буду стоять у стен Граней, пока держу в руках меч и спину мою прикрывает шкура белого волка.

Через пару часов мы въехали в город.

Само собой, ради нас никто не поднимал на ноги всю полицию, не объявлял общероссийский план «Перехват», но, высадив нас на перекрёстке у дома, мой шеф честно предупредил:

– Там может быть засада.

– Идём, муж мой, – безмятежно откликнулась Хель. – Если в твой дом проникли враги, Гарм схватит их всех! И я не завидую их судьбе.

Пурга с пургеном, как же из моей головы вылетел этот милый пёсик?

Если сама Смерть поставила его охранять хоть что-либо на свете, то нет, не было и не будет силы, сумевшей заставить его отступить! Адский пёс единственный в своём роде, и думаю, никому бы не стоило преуменьшать его яростную силу.

Очень надеюсь, что спецназ, полиция, военные не начали стрелять, потому что пули могли только взбесить чёрноподпалого добермана, превратив из просто недружелюбного пса в воплощённое исчадие Тьмы! И вот тогда вряд ли какому смертному стоило бы вставать у него на пути...

Впрочем, судя по мифам и легендам, бессмертным богам тоже не стоит подставляться под клыки этого трогательного пёсика. Он умел защитить свою хозяйку.

– Собаченька нас ждёт, – нежно протянула Хельга. – Надо было хоть колбаски купить, забежим в магазин?

Ох, вот кто бы и как ни называл Гарма, но по отношению к жуткому исчадию Ледяного ада милое «собаченька» – это уже слишком.

– Выходим здесь, – попросил я.

Капитан остановил за домом, у сетевого «Погребка», обычно мы покупаемся там йогуртами, пельменями и минералкой. Хельга выпрыгнула первой, подавая руку маме.

– Куда вы? – спросил я Капитана.

– Тебе оно надо знать, боярин? – мрачно хмыкнул он. – Вдруг да кто спросит? Так проще и не врать, не знаешь, и всё, так честнее.

– Согласен.

– И запомни это, Годин Ставрович.

– Э-э?

– Коли так скажу, я это. А двойник мой будет по-прежнему говорить

Ставр Годинович! – Он дал газу, и микроавтобус скрылся с глаз, повернув на ближайшем перекрёстке.

Хорошо, я постараюсь это запомнить.

Моя несчастная, многострадальная, всё испытывавшая дверь едва держалась на петлях. Две бумажные полоски с печатями из полиции радовали глаз настойчивой аккуратностью и какой-то дебиловатой наивностью.

Типа вот мы вам так дверь заклеили, и теперь оно надёжно, никто не смеет это нарушить. Иначе всё! Прямо-таки неминуемая египетская казнь на месте. Да, да, разумеется, конечно, мы ни-ни даже в мыслях, никогда и ни за что, угу...

– Без фанатизма, – попросил я, поскольку Хельга уж очень рьяно отнеслась к этим бумажным запретам.

Однако стоило ей только потянуться к двери, как изнутри раздался предупредительный рык уровня Минотавра. Лично у меня сразу сердце похолодело, но моя малышка, наоборот, радостно взвизгнула:

– Гармик! Ты дома?

Честно говоря, лично я бы охотно приплатил любому собачнику, способному выволочь эту тварь из моей квартиры.

– Муж мой, мы встретимся. – Холодная ладонь Хель на миг коснулась моего плеча.

Когда я обернулся, её уже не было. Смерть появляется незваной и уходит не прощаясь. Она вправе менять под себя любые законы, правила приличия и прочую ерунду. Грозовое рычание Гарма стихло в тот же миг.

– А где доберманчик?

– Ушёл с твоей мамой за Грани, – ответил я, открывая дверь. – Лапка, пошли, нам тоже надо как можно скорее убраться отсюда.

– Собаченьки нет, в школу не пускают, письма не дают, как жить? – притворно всхлипнула она, проходя в затоптанную прихожую.

Мы оба улыбнулись и кинулись проверять, что тут творилось, пока нас не было дома. Короче, если опустить довольно скромный разгром кухни, разбитое окно и отпечатки собачьих лап, то в принципе не к чему больше и цепляться...

Всё дорогущее антикварное оружие на стенах, компьютер, ноутбук и сотовые телефоны на месте, мебель не пострадала. Большущее тебе спасибо за охрану, дорогой Гарм, с нас причитается пакет какого-нибудь «Педигри» или «Чаппи»!

Но наши улыбки мигом погасли, стоило нам войти в мою спальню. Гобелена на стене не было. Вообще! Нужные слова тоже нашлись не сразу.

По-моему, я первый раз в жизни что-то сказал матом.

Возможно, в первый раз в жизни моя дочь не услышала, что я сказал.

Мы переглянулись и практически одновременно громко выругались от всей души. Повторить не возьмусь ни я, ни она. Зато мы оба оценили истинные чувства друг друга в максимальном духовном единении отца и дочери.

– Папуль...

– Молчи.

– О чём молчать?

– Просто молчи обо всём сразу.

Привычный мир из мира выпал. Мы и близко не представляли себе, что делать, кроме как орать: «Какого северного мха-а-а-а?!»

Чего я стою как граничар, как хозяин замка Кость, если больше не могу попасть в этот самый замок? Как же они теперь без меня? Как же я... как же я без них, без Седрика, Центуриона, Эда и всех прочих?!

Если гобелен свёрнут, бывший бог с той стороны может часами биться грудью в старую фреску, но она не пропустит его. Они все заперты там, в Приграничье, а я тут, в...

– Па.

– Да?

– В дверь стучат.

– Посылай их всех... в пень!

– Ты разрешаешь? – Хельга на минуту не поверила своему счастью. – Мне правда можно им навалить?

– Ну, быть может, не в столь категоричной форме. Хотя в принципе да!

Она резво метнулась в прихожую, буквально пару минут проведя за дверью. Требования оплаты за поломку машины – тумбочкой не по понятиям, плюс счёт от проктолога, и хирурга, и плотника – грохот, мат-перемат, глухие звуки ударов чьей-то головой в створки лифта, два выстрела, скрежет металла, сдавленный мужской писк и удаляющийся топот ног с тающими угрозами найти на нас управу. Да пусть жалуются хоть папе римскому с планеты Татуин, надоело...

Я не спрашивал, кто там был, не хочу знать, сколько их было, мне даже ни на йоту не интересно, чем они были вооружены. Главное, что моя дочь вернулась довольная и разругавшаяся. Больше нам не придётся риторически спрашивать у самих себя: кто мы такие и зачем пришли в этот мир? Хватит, надоело, мы граничары, а не мыши.

– Как ты там говоришь, лапка, в задницу алгебру?!

– Да, папуль!

– Решительно поддерживаю, – уверенно раздалось за нашими спинами.

Мы очень медленно и даже нарочито неторопливо обернулись. Появившийся на моей кровати белый цверг горделиво выпятил круглое безволосое пузико. На чём, собственно, и погорел, будучи скручен там же, где стоял.

– Я спрошу один раз.

– Только один, мой лорд? – уточнил он.

– Один, обещаю. Итак, каким образом ты попал в наш мир, если гобелена нет? Неправильный ответ, равно как и увиливание от ответа, карается на месте.

– Чем? – пискнул Десигуаль, побледневший больше обычного.

– Отвинчиваем головы, – холодно поддержала меня Хельга.

Надо признать, что ей белый карлик как-то сразу поверил, не то что мне. По крайней мере, он кивнул, зажмурился, сделал шаг вперёд и показал нам средний палец правой руки. Это было последней каплей...

Моя умная дочь перехватила меня за секунду до того, как я попытался сорвать антикварный персидский шамшир со стены:

– Па, он же не в этом смысле. Сам посмотри!

На среднем пальце цверга было странное кольцо, сплетенное из разноцветных нитей. И, собственно, что?

– Я так, втихую, дёргал понемножечку из вашего гобелена. А чего? Вы ж не говорили, что нельзя, а оно работает. Ну, в том смысле, что я мог туда-сюда...

– Лапка, хватай недомерка и дуй в Кость! – быстро приказал я.

– Па, если что, я его тебе обратно закину! – мгновенно кивнула она.

– Не-не-не-не-э-э... – успел пропищать белый принц царства цвергов, но кто б его тут сейчас слушал, верно? У нас появился слабенький шанс попасть домой!

Хельга цапнула его на ручки, сжала в кулаке пальчик карлика с «кольцом» из украденного гобелена и легко растаяла в воздухе, как туманная голограмма.

Хочу верить в то, что у них всё получилось. Гарантий, разумеется, никаких, всё на доверии, но думать о плохом уже просто сил нет.

Я ещё раз проверил всю квартиру. Да, взяли только гобелен. Повторюсь, антикварное оружие, компьютер, телефон, деньги – всё на месте, видимо, это не входило в список экспроприации. Те, кто забирал меня, имели чёткие указания и план действий.

Гобелен забрали наши из Комитета, в этом сомнений нет. Так же

понятно, с какой целью – не дать мне вернуться в Приграничье. Для иных целей он бесполезен, ткань перехода работает на меня, Хельгу и Эда. Ну и тех, кого мы, допустим, держим за руку.

Мои мысли прервала трель сотового. Дана. Пришлось взять.

– Я знаю, что ты дома. Нам надо поговорить.

– Нам не о чем разговаривать.

– Мне есть о чём!

– Поговори сама с собой.

– Ты не можешь просто так вышвырнуть меня из своей жизни! А уж науськивать своего коня напасть на беззащитную женщину – это вообще низко.

– Никого я не науськивал! Он сам.

– Вот видишь, получается, нам всё-таки есть о чём поговорить? Открывай, я у двери.

Веслом мне в зубы, драккаром в нос! Там есть ещё неблагозвучная рифма, поэтому ограничимся лишь первой строчкой цветистого ирландского проклятия.

Придётся впустить дампир, это уже без вариантов. Но я не забыл её слова в пещере Локи, поэтому сначала всё-таки снял со стены менгрельский кинжал с «пламенеющим» клинком. В реальном тесном бою при режущем или рубящем ударе трудно придумать более опасное оружие, старые мастера это знали.

Щёлкнув замком, я осторожно распахнул изуродованную дверь. На площадке, у помятых створок лифта и закрученных узлом перил, стояла черноволосая красавица в длинном красном плаще и туфлях на высоком каблуке.

– Могу войти?

– Ещё не решил. Ты вооружена?

– Я сама оружие. – Она распахнула плащ.

Ну, пожалуй, да, пистолетов, автоматов, ножей и гранат нет. Дана была абсолютно голой, разве что тонкие чёрные чулки с подвязками, и всё. Но, с другой стороны, чтобы победить мужчину, большего и не надо.

– Заходи. – Я пропустил её в прихожую.

Она порывисто шагнула ко мне, закидывая руки на шею и явно надеясь на поцелуй, но её нежный животик коснулся стали клинка.

– Что это, милый?

– В нашу последнюю встречу ты обещала убить меня.

– С какого хре...?!

– Ради любви к своему новому господину, – не отводя шамшир, ровно

напомнил я. – Быть может, копыто Центуриона и впрямь кое-кому слегка отшибло память, но в принципе мне несложно повторить. Вспоминаем вместе: Грани, пещера, распятый на камне древний бог, змея, капающая ядом, и ты, верная жена Локи...

– Детали и подробности, – жёстко потребовала Дана, запахивая плащ. – И убери этот дурацкий ножик, тебя он не защитит, а меня не возбуждает.

Будь в её глазах слёзы, обида за подозрения, ревность, укор, страх или, наоборот, безответная любовь, я бы ей не поверил. Но в глубоких карих глазах Даны горела только чистая ярость. Минут десять у меня ушло на максимально детализированный пересказ вышеозвученных событий. Дампир хмурила брови, кусала губы, но молчала.

После того как я выдохся, ей удалось одним вопросом поставить меня в тупик:

– Локи – бог лжи, как ты мог ему поверить?

– При чём тут он? Я поверил тебе.

– Меня не было за Гранями, – не опуская головы, твёрдо ответила она. – Да, я загулялась в лесу. Понимаешь ли, мне надо хоть где-нибудь отреветься. Потому что я не имею права показывать свою слабость здесь, перед девочками. А мой мужчина мало того что неуправляемый отец-одиночка с весьма необычной дочерью и домашним психованным богом (или божественным психом?), так ещё, оказывается, даже не в разводе. Между прочим, я видела сегодня вашу мамочку. Где были твои глаза, она же страшная, как смерть?!

– Она и есть Смерть.

– О, я как бы в курсе! Вопрос был риторическим. И не перебивай меня! Да, на меня в лесу напала летающая тварь с головой женщины и размером с хорошего филина. Да, это было неожиданно, но я справилась. Прежде чем она попыталась меня придушить, я врезала ей сапогом по башке, а потом с размаху приложила о ближайшую сосну!

– Мы видели место драки.

– Вот именно, но ей всё-таки удалось поймать меня за воротник и криво-косо пронести почти до ваших дурацких Граней. Там я поймала рукой ветку ели и вырвалась! Пташка, ругаясь на языке древних викингов, улетела дальше. Я не видела ни тебя, ни волков, но знала дорогу, а почти у замковых ворот встретила двух стражников верхом. Они сказали, что ты их послал меня искать, они не нашли и вернулись, а ты скоро будешь! Так вот она я, успокоившаяся, готовая всё простить, но – фанфары! – в замке тебя опять нет! Ты где-то гуляешь по ночи с милым Эдом.

– Я не гулял, мы искали тебя.

– Ох, да неужели?! – Дана всплеснула руками так резко, что мои пальцы опять сомкнулись на рукояти клинка.

В ножны его и на стену, от греха подальше...

– Вы попёрлись за Грани, нашли древнего бога, собственными глазами видели, что я ему служу... И буквально через пару часов твой бдительный конь бьёт меня по башке во внутреннем дворе, даже не спросив, как я сюда так резко попала и кто вместо меня ловит капли яда над распятым божеством-обманщиком?!

– Ну как-то, типа, приблизительно да. Всё так и было.

– Ставр, включи свою хваленую (перехваленную!) мужскую логику, или я действительно тебя убью, – окончательно взвилась прекрасная дампир, и её щеки пошли белыми пятнами. – Мне плевать, что ты счёл меня предательницей! В конце концов, это можно понять. Но ты поверил в то, что я могу быть сентиментальной дурочкой, сидящей на холодном камне (здравствуй, цистит!) и ловящей капли яда в чашечку, чтобы, не дай бог, мой бог (тьфу, повторение!) не пострадал?! А когда мне при такой монотонной работе есть, спать, мыться, переодеваться, жить в целом, ты подумал? Тебе не пришло в голову, что весь этот древнескандинавский бред шит белыми нитками на скорую руку без малейшего проблеска ума и здравого смысла?

– Не кричи на меня.

– Имею право! – рявкнула она, впиваясь мне в губы жадным влажным поцелуем.

На этот раз я не оттолкнул её. В себя мы пришли уже в спальне, мокрые и горячие. Мысль о том, что здесь в любой момент может появиться белый карлик, застала меня врасплох. Ну, собственно, в такие моменты большинство здравых мыслей приходит с опозданием. Наверное, пора одеваться...

Я опустил руку, пытаясь нащупать брошенные на пол джинсы, и шершавый язык Десигуаля лизнул мою ладонь. Причём попал, сволочь, как раз по только начавшим заживать, периодически чешущимся пальцам. Я ж чуть не взвыл от боли!

Язык цверга был даже жёстче, чем язык Фенрира. Наждак какой-то, честное слово.

– Вы всё? А я тут жду, жду...

Долгую минуту мы с дампир смотрели друг на друга круглыми глазами.

– Попробуй только что-нибудь кому-нибудь вякнуть.

– Господин, если мне будет хотя бы разок позволено вякнуть, вы были на высоте, – радостно перебил он. – Я вами горжусь!

– Милый, давай я его придушу?

– За что, леди Дана?! Вы так вообще были выше всяких похвал! Куда там той же плоскогрудой Фрейе с семьёй подземными карликами! Мне папа рассказывал, тухлое дело.

– Встань носом в угол и жди, пока мы оденемся, – сухо приказал я, полыхая, как морковка.

Дана же, наоборот, похоже, не испытывала ни малейшего смущения перед маленьким поганцем. Что ж, женщины к определённым моментам относятся проще нас, мужчин.

Когда мы были полностью готовы, я лично развернул цверга за узкие плечи:

– Ведёшь в замок леди Дану, потом возвращаешься за мной.

– Я не пойду, – твёрдо отказалась дампир, застёгивая последние пуговицы на длинном плаще. – Прости, Ставр, но у меня есть дела.

– Ты уверена?

– Да, я кое-что тебе должна и очень не люблю быть обязанной.

Я пожал плечами. Есть ситуации, когда спорить или настаивать бессмысленно. В принципе мне оставалось только посмотреть ей в глаза и отдать вторую связку ключей от дома. В конце концов, даже если не она сама, так её девочки за всем тут присмотрят.

– Если ты не против, я закажу новую дверь.

– Спасибо. Закажи лучше Белый Комитет, а то они так и будут крушить мою квартиру.

– О, их бы я сама заказала в первую очередь, милый, но даже нам приходится соблюдать определённые правила. Вернёмся и вместе их зарежем. Обещаю.

– Обожаю тебя! – от души признался я, обнял её и по примеру Хельги взял белого цверга на руки.

– Держитесь за кольцо, мой господин, – напомнил он. – Для удобства я надел его на самый кончик среднего пальца. Как колпачок, вот!

Мне стоило немалых душевных усилий не сломать ему его палец сию же минуту. Но нельзя. Или можно, но зачем? Не забыть напомнить себе об этом, когда вернусь.

Переход был непривычно новым.

Не мгновенным, а словно бы растянутым во времени и пространстве, я всей кожей чувствовал пронизывающий ледяной ветер, звёздную пыль, проникающую сквозь меня, и резкую нехватку воздуха. Горло перехватило,

сердце отказывалось биться, но маленький Десигуаль ободряюще улыбался мне во все тридцать шесть острых зубков, и это, как ни странно, успокаивало и согревало.

А в следующую секунду мои ноги уже стояли на гранитных плитах замка Кость. Старая фреска по-прежнему играла тусклыми красками за моей спиной. Но что особенно приятно, меня здесь ждали.

– Сир?

– Да, это я. Все наши дома?

– Мм... если на стенах, это ведь тоже дома, верно? – на всякий случай уточнил бывший крестоносец.

– На стенах это нормально. – Не вдаваясь в подробности, я махнул рукой.

Будь там реально что-либо серьёзное, Седрик не торчал бы тут со скучающей мордой.

– Пойду переоденусь.

– Прикажете подать вам ужин?

– Кстати, да, – я спустил с рук карлика, – быстро дуй на кухню, предупреди Агату, чтоб накрывала на стол. Ну и Эда свистни, поговорить надо. Вопросы есть?

– Никак нет. – Десигуаль по-военному отдал честь и бросился рысью по коридору с криком: – Господин назначил меня любимым пажом!!!

Седрик молча проводил меня до моей комнаты и, уже разворачиваясь, на пороге вспомнил:

– А я не говорил вам, что ваш конь испытывает муки совести и желает вам в чём-то признаться?

– В том, что он поспешил и на нервах врезал копытом леди Дане? Я в курсе, она мне рассказала.

– Надеюсь, примирение было бурным?

Я остановился и обернулся просто посмотреть ему в глаза. Как и ожидалось, ни стыда ни совести! Чистое мужское любопытство и глубокая вассальная преданность.

– А что не так, сир?

Да что ж такое...

Я молча показал ему кулак, он широко улыбнулся и, полностью довольный собой, ушёл по коридору, бесшумно ступая тяжёлыми сапогами. Когда этот старый лис хочет, он даже к зайцу по хрустящему снегу подкрасться сможет, пограничная привычка.

До прихода слегка поддатого дяди Эдика я как раз успел спокойно переодеться, хлебнуть воды и попытаться хоть немножечко определиться с

планами на будущее.

Громкое слово. Скажем так, попытаться продумать свои планы хотя бы на сегодняшний день. Загадывать куда-то далее было бы чересчур самонадеянно. Слишком уж непредсказуем полёт событий в последнее время. Кудрявый бог заявился с большой глиняной миской горячей каши, куском хлеба сверху и головкой чеснока.

Кувшин с водой у меня был в комнате, ложка и нож на камине.

– В столовой тебя ждёт засада, леди Мелисса уже часа три успешно прячется под столом, поэтому я решил, что ты предпочтёшь поужинать тут.

– Спасибо, – кивнул я, пересаживаясь с миской на кровать. – Ты хоть спросил, зачем она припёрлась?

– Естественно, безумные поступки смертных порой забавны для богов. – Эд с размаху рухнул спиной на медвежьи шкуры, забираясь ко мне с сапогами. – Короче, старушка уверяет, будто сразу поняла, что на троне сидит узурпатор. Но её это бы не остановило! Однако липовый король, как два яйца перепёлки схожий с твоим тощим зятем...

– Что?!!

– Не поперхнись, это шутка. – Он брезгливо снял с щеки горсть выплюнутой мной каши, подумал и вернул её обратно мне в миску. – Так вот, его фальшивое величество её отверг. Причём публично и в грубой форме, как обнаглевшую рабыню. Бабульку изгнали с позором, и это...

– И это было большой ошибкой, – пробормотал я, уже догадываясь, что будет дальше.

– Теперь все знают, что ты украл истинного короля. В столице зреет смута, бароны недовольны, люди растерянны, а обиженная леди Мелисса умудрилась изрядно подлить масла в огонь. Мы оба знаем, как она это умеет.

– Да уж...

Против фактов не попрёшь. Даже когда она смиренно (идиотское слово!) гостила у нас в замке, то по-любому плела интриги и заговоры на каждом шагу. Правда, раньше её целью был исключительно я, замок и земли в придачу, а сейчас старая вешалка мыслит более масштабно. Теперь её конечная цель – сесть на трон всего королевства. Гора с плеч...

– Её с комфортом доставили к границам наших владений, где она вышла из саней переодетой простой крестьянкой и рассчитывала легко добраться неузнанной в замок Кость. Ставр, представляешь, эта чахлая мымра искренне считала, что если мы узнаем её, то не откроем ворота!

Я бы и не открыл, если честно. Это бывший бог чрезвычайно щепетилен в вопросах мужской чести, а нам, обуревающим феодалам, оно без

надобности. Какого северного мха я так боюсь эту старуху?!!

– Где Хельга?

– Шепчется на конюшне с Ребеккой. Им надо выговориться: у одной проблемы с Центурионом, у другой – с твоим пажом. В обоих случаях тебе туда лезть не следует.

– Хельга поссорилась с Метью? – напрягся я. Надеюсь, не из-за не доставленного мной письма?

– Ставр, неужели ты думаешь, что я не убил бы его на месте, обидь он мою племянницу? – сумел удержать меня Эд. – Тощий дурачок начал плести ей какую-то высокопарную чушь о своём долге перед королевством, о невозможности переехать в твой мир навсегда и всё такое. Парнишка просто не уверен в себе. Но, если ты придушишь его прямо сейчас, твоя же дочь тебя не простит.

– Глупости. Мы с ней всегда понимали друг друга.

– Она вырастет. Уверен, что так уж хочешь непременно лезть во всё это очертя голову, словно ополоумевший берсерк? Если да, то у меня ещё сохранились грибы. Колбасить будет так, что любой пьяный тролль обзавидуется! Хочешь?

– Эд, мы стареем.

– Не впадай в слюнявую сентиментальность, – резко оборвал меня бывший бог, забрал пустую миску, сам доел хлеб и закусил остатками чеснока. – Кстати, Хельга сказала мне, что у тебя отобрали гобелен. Ты больше не служишь Белому Комитету?

Пара минут, пока он жевал, дала мне время прийти в себя.

– Я никому не служу.

Мы – граничары, и главное, ради чего мы поставлены здесь, – это защита мира людей от страшных тварей, заползающих к нам из-за Граней. От орд раскрашенных готов, миграций огнедышащих драконов, от набегов инеистых великанов, толп восставших мертвецов, от периодически поднимающихся к нам в горы королевских войск и даже безумства баронских восстаний.

Так вот на всём этом фоне практически ежедневной угрозы нашим жизням как-то уже не особо котируются капризы и надуманные претензии Белого Комитета.

Я встал, потянулся до хруста (проклятые соли), затянул пояс с мечом (хотя в бою предпочитаю топор), подмигнул Эду и, не говоря ни слова, вышел из своих покоев. Плащ из шкуры белого волка закрывал мои плечи и спину. Как принято говорить на российском ТВ? «У вас есть проблемы? Тогда мы идём к вам!»

Не уверен, что вы нас так уж и ждёте или мы хоть на грош вообще вам нужны, но... получите бонусом. Кто бы ни стоял за всем, что сейчас на нас свалилось, он должен знать – ответ приходит всегда! И это не «божий суд», это я с топором, дядя Эдик с мечом, Хельга с чем под руку попадётся и, если особо повезёт, то и все наши из замка Кость.

– Какой-то шум во дворе. – На миг я отвлёкся от своих хвастливых фантазий, оборачиваясь к идущему позади богу. – Мне просто не терпится хоть с кем-нибудь цапнуться!

– Всё тихо, мы ни с кем не воюем.

– Ну хотя бы пнуть моего пажа!

– Ой, да можно подумать, мне жалко, – легко согласился он. – Пошли, проверим стражу, наорёшь на всех, а если будет не за что, просто дашь подзатыльник Метью.

– Если он ещё не помирился с Хельгой.

– Кстати, да. В этом случае не стоит рисковать. – Мы с пониманием пожали друг другу руки. На сердце полегчало, хорошо, когда у человека есть настоящие друзья.

Мы прошли коридорами, а когда я шагнул во двор, то едва не зажмурился: всё вокруг сияло ослепительной белизной! Небо было чистым, без облаков, ветерок лёгким, а искрящийся снег отражал золотисто-розовые цвета приближающегося заката.

Зима у нас наступает быстро, и она невероятно красива. Выстланный хрустящей скатертью внутренний двор, белые шапки на башнях и сахарная посыпка крепостных зубцов на стенах превращали старый замок в романтическую, гриммовскую сказку...

Север удивителен и прекрасен, словно благородный король в серебряных доспехах, с сединой в бороде и мудрыми глазами цвета нетающих синих льдов. В сравнении с ним Юг всегда слишком суетлив и шумен, он привык к наслаждениям и ни за что не хочет платить. Мы же приучены ценить буквально каждое мгновение жизни, да и сама наша жизнь подобна случайной снежинке. Вот она есть – и нет её.

Я родился не здесь, но я полюбил эту землю и никому её не отдам.

– Ну что, решил, кому дать по башке? – толкнул меня плечом Эд.

– Хотелось бы тебе, но долг велит сначала разобраться с Центурионом.

– О, я вижу, ты уже в курсе той истории с невиноватой дамбир.

Я криво улыбнулся ему, сплюнув сквозь зубы. Бывший бог на всякий случай отошёл подальше. Последующие пять-шесть минут наши наёмники с благоговейным страхом наблюдали, как я гоняю по двору своего боевого коня своим же боевым топором.

– Ставр, не надо-о-о! Я ошибся, с кем не бывает?! Да, я должен был бы сначала спросить. Но это всё ради тебя! Нет, не в том смысле! Почему ты всегда подозреваешь меня в каких-то... Нет-нет-не-э-эт! Я всё ещё хочу, чтобы у нас с Ребеккой были дети! Хочешь, отруби мне ухо или хвост, но кастрация – это как-то уж слишком радикально. Я не хочу быть мери-но-о-ом!!!

Невзирая на кажущийся комизм ситуации, ни разу не хихикнул никто. Все прекрасно отдавали себе отчёт, что если их безбашенный сюзерен и феодал так обращается с любимым конём, то что же он сделает в нерадивым стражником?

Трусов у нас не было, они попросту не выживали в этих суровых краях, но и «безумству храбрых» идиотов тоже никто не пел песни. В службе на землях Приграничья примерно восемьдесят процентов рутины, пятнадцать – бои без правил и только каким-то жалким пяти процентам отведено место отважному подвигу.

Именно поэтому мы не герои, мы граничары.

– Ставр, ну прекрати, ну право слово, это уже не по-людски...

– Пошёл в Йотунхейм, скотина! – чуть ли не хрипя на морозе, орал я.

– Не могу, его уже нет, это мифическое место. Пошли меня ещё куда-нибудь.

– Уверен? У меня богатая фантазия.

– Я с тобой уже ни в чём не уверен! – взвыл Центурион, взвываясь на дыбы. – Хочешь побоксировать? Ну подходи, подходи...

– Искушаешь?

Я выждал, пока он опустится на все четыре ноги, и мгновенно врезал ему хук по ушам. Не то чтобы слишком больно, но уши у любой лошади – это локаторы системы безопасности. Их и касаться особо не стоит, тем более по ним бить.

– Я сейчас тебя укушу.

– То есть тебе ещё по башке добавить?

– Ставр, вот чего ты добиваешься, чтобы я извинился?

– Да, мать моя северная медведица-а!

Он честно встал, опустив голову ниже груди. Я также честно шагнул вперёд, отвесил ему щелбан в лоб, ушиб палец, но не подал вида. Центурион выдержал всё, поднял на меня невинный взгляд чёрных глаз и спросил:

– Конфликт исчерпан?

– Да. Претензий нет.

Я протянул ему раскрытую ладонь, и он мягко ткнулся в неё храпом.

Всё.

Разборки между настоящими друзьями не бывают долгими, если вы в ссоре больше месяца, можете уверенно ставить крест на этой липовой дружбе.

Настоящие друзья никогда не решают, кто главный в доме, а даже если в горячке расстанутся друг с другом «навечно», то это до первой беды с любым из них. С моим конём мы порой можем лаяться неделями, но в бою стоим горой как единое целое, слитое из человека и животного.

Да, я могу с ним ссориться, но никогда не возьму другого коня.

– Что там у Ребекки?

– Сидит в своём стойле с Хельгой.

– Ох...

– Увы...

– Типа им надо поговорить по-женски?

– Ставр, они то ревут, то едят вкусняшки, то шепчутся, а то хохочут как сумасшедшие. Это не разговор в моём понимании.

– Пошли разберёмся.

Я обнял его за шею, он склонил голову мне на плечо. Со стен раздалось бряцание мечами о щиты и одобрителные выкрики. Наш горячий лорд нашёл в себе мудрость примириться с боевым конём – что может быть достойнее или благороднее?

Однако когда мы плечом к плечу вошли в помещение конюшни (правильнее и толерантнее было бы писать «дом лошадиного общежития»), то Хельгу там уже не застали.

Всё ещё всхлипывающая Ребекка с мокрыми ресницами попыталась сбивчиво объяснить мне, как ей плохо оттого, что её подруге ещё хуже.

– Ой вей, лорд Белхорст, таки вы меня понимаете, а я её, поскольку девичье сердечко когда болит, то не за те нервы, шо он нам вытрепал, а куда глубже. Не, я таки пыталась копнуть ситуацию копытом, но так нет! Кто я такая, шоб ковырять ей мозг? Я ей не мама и даже не папа. Но я могу выслушать... О, как я умею слушать, шоб вы знали! Таки вы оба всё ещё здесь? Бегите уже следом, она хочет с ним разобраться, а у девочки тяжёлая рука, и мне оно не упёрлось по зиме идти на похороны, а вам?

Мы с Центурионом молча переглянулись. Если как-то логически разобраться и принять к сведению весь выше озвученный монолог, то, наверное, нам стоило метнуться за Хельгой и спасти Метью. Или всё-таки не спешить и не спасать? Искушение было слишком велико, и ему так хотелось поддаться, но увы, нельзя...

– Я на кухню. Разберись здесь.

– Без проблем. Давай, человек! Ты же мой хозяин и господин, венец творения, царь природы, что там ещё?

– Центурион, не начинай. Вот только же помирились?!

Он страдальчески покачал головой, мой конь обожает изображать из себя несчастную жертву судьбы и обстоятельств. Но по факту это всего лишь поза, чёрный жеребец исполнит всё вышесказанное в меру своих сил, а их у него немало.

Однако, прежде чем уйти, я всё-таки на всякий пожарный подошёл к белой андалузке, нежно поцеловал её в лоб, похлопал по крупной шее, получил от Ребекки ответный поцелуй в щёку и уже только после этого отправился на поиски своей дочери.

Судя по тому, что она устала выговариваться на конюшне, если сейчас она никого не убивает, то, с большой долей вероятности, уплетает что-нибудь экологически чистое и нежирное прямо у плиты толстухи Агаты.

Наверное, не стоит добавлять «толстуха», да?

Как понимаете, она сразу приняла мою девочку под своё крыло, и после этого каждый, кто рисковал невежливо ухмыльнуться вслед Хельге, гарантированно лишался обеда или ужина. А то и вообще нормального пайка, сиди на хлебе и воде, грубиян!

В этом смысле кухарка у нас непререкаемый авторитет в своих владениях. Даже Седрик побаивается всерьёз с ней ссориться. Однако на кухне Хельги не было. Я развернулся было на выход, но...

– Я вам так скажу, дорогой вы мой лорд Белхорст. – Кухарка поймала меня за воротник и, налегая двухпудовой грудью, вжала в стену. – Что б вы там себе ни думали, а бедной малышке не хватает матери! Не тех, прости господи, девиц в похабной одежде, что тут шлёндали, а настоящей достойной женщины.

– В смысле и...

– И помяните моё слово, вам надобно жениться! Сочетаться законным браком с благословения Святой Церкви! Ей-ей, вам это тоже важно, все в замке ждут, когда их господин поведёт к венцу благородную леди. Да вот хоть бы...

Я умудрился удрать до того, как толстуха (не поправляйте меня, она заслужила!) назвала мне имя. Кто не угадает с трёх раз? Да, вы угадали, естественно...

– ...хоть бы и леди Мелисса! Чем не разумная, опытная и всепонимающая женщина? Умная, отважная, а уж щедрая-а... Кстати, вашу дочь любит аж до безумия!

Безумие ожидало бы меня, если бы я хотя бы на секунду принял эту

тему всерьёз. Но слава Одину, хотя бы на этот раз любвеобильная старушка решила шарашить по всем мишеням сразу: её целью был Метью, а до кучи и Седрик с дядей Эдиком.

Я так думаю, с позиции возраста она уже не видела между нами особой разницы, мужчины как мужчины, у всех всё одинаково. Разве что есть различия в социальном положении. То есть если с Метью можно было поиграть в супругу короля и подмять под себя всё, то со мной был шанс хотя бы заполучить новый замок и земли. А уж Седрик и Эд занимали почётные места шустрых мальчиков «для согревания постели».

Тоже вполне себе достойное занятие ещё со времён демократических полисов Древней Греции. Но какого северного мха возрождать эту весёлую срамотень на моём участке?! Не-не-не, бежать...

В своих горьких мыслях я как-то не сразу уловил тихое пение в дальнем коридоре, на углу с переходом к библиотеке. Моя дочь стояла у узкого, незастекленного окна, прижавшись плечиком к холодной стене и скрестив руки на груди. Мелодию я слышал впервые, но слова были знакомые.

Всё как всегда, пронзает тьму
Луны точёный круг,
Но непонятно почему
Печальны все вокруг.
Милорд уехал на войну...
И в чём его винить?
В том, что далёкую жену
Не может позабыть?
В том, что покинул всех друзей
И сжёг мосты дотла?
Что без милорда пуст музей
И не идут дела?
Милорд уехал на войну,
Он сделал всё, что мог.
Да не поставится в вину
И нам тяжёлый вздох.
Нам горько провожать его,
И времена не те...
Девиз «Всё или ничего!»
На дедовском щите.
Милорд уехал на войну –

Красавицы в слезах!
Надежды их идут ко дну
При полных парусах.
Ему теперь одна постель –
Сухая мурава,
Ему полынная метель
И небо в головах...
Да будет проклята война!
Мы все теперь одни.
Он не вернётся, ночь темна,
Господь его храни...

– Не помешаю?

– Папуль?

Она развернулась так резко, что едва не сбила меня с ног, когда я бесшумно появился из-за угла. Ну или всё-таки немножко сбила, это не принципиально, она ещё трёхлетней сшибала меня, как кеглю. Такой ребёнок, что подделаешь, мы до сих пор учимся жить в одной квартире.

– Лапка, я уже половину замка оббегал, где тебя носит?

– Ну как сказать, то тут, то там, то здесь.

– Не выкручивайся.

– Па, ну чё ты...

– Милая, вот не надо...

– Не буду, – запнулась она.

Я обнял её за плечи.

– Па, не волнуйся, я плакать не собираюсь, – глухо сквозь зубы промычала Хельга, хлюпая носом. – Но просто... вот... почему всё так сложно на свете? Метью же... он нормальный парень, а ведёт себя как...

– Полный придурок, – закончил я.

Мы помолчали, наверное, мне как отцу следовало бы сказать что-то умное и воспитательно-полезное, но в этот момент раздался топот маленьких ножек.

– Десик? – Моя дочь успешно поймала на бегу белого цверга.

– Моя любимая госпожа-а... – Этот хмырь нагло прильнул к её груди, вдохновенно закатывая глаза. – А я к вам, мой господин!

– Чего надо?

– Как, там же такое творится, там эти-и... как их, волки-и!

Я не стал его дослушивать. Если у стен замка волки, то на девяносто

девять процентов это Серый Брат со своей стаей. Другие с нами не дружат, Фенрир ещё щенок, как бы оскорбительно это ни звучало, а призрачные Гери и Фреки вряд ли вообще рискнут ещё раз сунуться в наши края после того, что с ними учинила Хельга.

Два самых страшных волка, ранее скалившие зубы у подножия трона великого Одина, были ощипаны и выкинуты за шкуру в холодный лес, подальше от нашего замка.

Я вышел на стену и глянул вниз. У наших ворот неспешно прогуливались серые хищники, их могучий вожак лежал на снегу в позе сфинкса. Ну что ж, по ним и не скажешь, что они дико встревожены или хотят предупредить нас о великой опасности.

– Мы их должники, – вспомнил я и, обернувшись, приказал: – Одну коровью тушу из подвалов отдать целиком!

Кто-то из наёмников заворчал, дескать, зима впереди длинная, не стоит переводить мясо на подкармливание всякого зверья, в конце концов, люди тоже не должны голодать. Думаю, с ним было согласно большинство. Тем не менее мои слова были исполнены сразу же. Я лично спустился вниз, выйдя за ворота.

Волки дежурно порывивали в мою сторону, но никто не дерзал всерьёз скалить зубы на друга их вожака. Серый Брат позволил мне обнять его, почесать в загривке, потрепать за уши, дунуть в ноздри, все псы от этого смешно морщатся и клацают зубами, словно ловят муху на носу.

Мне нравился этот зверь. Хоть мы и не раз дрались с ним раньше, зато теперь друзья неразлейвода на зависть всем Запашным.

– Сейчас вам вынесут корову. Это честная плата за службу.

Волк довольно рассеянно кивнул, словно бы подтверждая, что «да, это приятно», но сегодня они всё-таки пришли за другим. Он коротким рыком подозвал к себе одного из молодых волков, тот осторожно подошёл поближе, опустив голову и поджав хвост, а потом что-то сплюнул мне под ноги. Я опустился на одно колено, пригляделся и вздрогнул от омерзения.

– Ноготь?!

Это действительно был человеческий ноготь с большого пальца ноги, почерневший и обломанный.

– Откуда это?

Серый Брат слегка приподнял переднюю лапу, указывая в сторону Граней.

– Вы нашли трупы?

Он отрицательно помотал головой, ещё раз придвигая мне ноготь. Понятно, значит, только это.

– А мне зачем притащили?

Волки отвлеклись на четырёх наших наёмников, волочащих из ворот ободранную коровью тушу. Вожак тоже счёл дальнейший разговор скучным и бессмысленным, пожал плечами, лизнул меня на прощанье в щёку и трусцой поспешил за своими. Пока волки дружно тащили тушу к лесу, я всё это время стоял столбом, пытаюсь понять, почему меня так встревожил этот проклятый ноготь?

Да мало ли всем нам доводилось видеть человеческих останков? В средневековых боях отрубленные конечности летят направо-налево, кровь брызжет в лицо, тела падают под ноги, а сапоги скользят на чьих-нибудь кишках. Будешь на это отвлекаться или заморачиваться, тебя самого убьют!

Война не терпит лишней брезгливости и поэтому наполовину состоит из воя. Я аккуратно вытер ноготь о снег, завернул его в платок и сунул за пазуху.

Когда вернулся в замок, то первым делом выцепил безмятежного Эда, достал платок, сунул ноготь ему под нос и искренне наслаждался тем, как их божественное величие с девчоночьим визгом полезло на стену.

– Где ты взял эту дрянь?!!

– Волки принесли.

– А зачем?

– Они не сказали, – поморщился я.

– Потому что умней тебя! Какой идиот притащит в свой собственный дом ноготь мертвеца?!

– Не знаю. А на что он в принципе годится?

– На изготовление Нагльфара, – с плохо скрываемым страхом в голосе откликнулся бывший бог.

– Брось. – Я сам удивился дрожи в своём голосе. – Это же просто миф. Его никто не видел.

– Драккар, названный Нагльфаром, что построен из человеческих ногтей, с командой прогнивших мертвецов, от которых с презрением отвернулась сама Хель, привёз Локи с войском инеистых великанов на рагнарёк! И если его не видел ты, то это не значит, что его не было.

– Задница Слейпнирова, да пусть был! Мне не жалко! Но рагнарёк остался там, за Гранями, всё сгорело, Эд. Значит, и тот проклятый корабль с мертвецами тоже!

– Не ори, Ставр, ты заставляешь людей нервничать, – ещё громче прервал меня кудрявый бог со справкой. – Просто поверь: что было возможным один раз, непременно повторится дважды. Как правило, зло

возвращается с улыбкой на лице и жаждой крови в глазах.

– Удвоить стражу на стенах!

Северная ночь опустилась быстро, я ещё не успел полюбоваться закатом, а небо уже раскинуло над головой тяжёлое ультрамариновое покрывало, усыпанное тысячами разноцветных звёзд, висящих порой так низко, что кажется, их можно было сбить арбалетной стрелой. Но всё это лирика, на деле нас ждали куда менее приятные занятия, чем умилительное любованье звёздами.

– Где Хельга?

– А-а, – дёрнулся ушедший в себя Эд. – Хельга? Я только что видел её, наверняка пошла спать в твои покои. Пока ты валялся с температурой, она предъявила на них дочерние права. Естественно, никто их не оспаривал.

– А я-то гадал, откуда у меня там розовая расчёска и пахнет каким-то сладковатым шампунем. Впрочем, спит – это хорошо. Я пойду в библиотеку.

– Она не отапливалась, – напомнил он.

Ну да, кто ж в Средние века отапливает весь замок, никаких дров не хватит. Ничего, в плаще не замёрзну.

– Поймай Метью и прикажи ему принести побольше свечей. Мне надо пролистать пару фолиантов и кое-что перечитать.

– Между прочим, у тебя есть я. Живой свидетель, а не какие-то там пыльные книги.

– Они более беспристрастны, – парировал я.

Северный бог подумал и махнул рукой. Мы разошлись в разные стороны.

Библиотека находилась на первых этажах замка, в правом крыле. Кажется, я уже говорил, что замок большой, целиком до сих пор не исследованный, и мои люди занимают примерно четвертую часть.

Согласно планам и чертежам раньше здесь был довольно большой гарнизон, что-то вроде штаба граничар всего округа. Но потом, как водится, политические изменения в моём мире, резкое урезание финансирования, невозможность доступно объяснить тупым чиновникам банальный, с точки зрения военных, факт – врага надо останавливать на дальних рубежах... И всё, нас сократили.

Хотя даже пьяному карлику ясно: не будем мы держать границу здесь, рано или поздно огнедышащие драконы пролетят в Россию, инеистые великаны ступят на земли Скандинавии, орды готов и мертвяков захлестнут Европу и... пожалуй, нетронутыми окажутся лишь азиатские страны.

В экономическом выигрыше будет Китай, а вот Америка вполне может

столкнуться с северными монстрами где-нибудь на Аляске или канадской границе.

Так что, по-моему, мы всё-таки стоим своих денег, и удержание Грней – суровая необходимость для людей, желающих выжить. Тем более что последние двенадцать – пятнадцать лет мы работаем на полной самоокупаемости, то есть на устаревших понятиях о чести и упёртом русском энтузиазме. Не уверен, кстати, есть ли у нас пенсия?

По договору как бы и должна быть, но по факту лично я никогда не встречал ни одного граничара-пенсионера. Наверное, потому что все они с бешеными накоплениями тусят где-нибудь в частных домах на Майами или в Крыму. Несмешная шутка.

– Ха-ха, – подтвердил я сам себе, проходя с факелом по коридорам правого крыла.

Двери в библиотеку не запирались, воровать книги у нас не принято, кому их потом продашь? Даже я ни разу не выставил ни одного листика на антикварных торгах.

Тем более что возиться с оружием как-то проще и интереснее, а на дубовых полках равно пылились как средневековые фолианты, так и вполне современные книги.

Именно с их помощью я на свою голову научил Центуриона читать. Нужный мне сборник Старшей Эдды, дореволюционный раритет с комментариями современных филологов-историков стран Европы, лежал на видном месте.

Им часто пользовались, поэтому на главе «Рагнарёк. Сумерки богов» было заложено гусиное перо в качестве закладки. Я воткнул факел в кольцо на стене, подальше от книжных полок, уселся на табурет за холодный стол и раскрыл книгу. Читать в полумраке было сложно, особенно комментарии, набранные мелким шрифтом.

А именно они интересовали меня больше всего. Я старательно потёр слипающиеся глаза, на минуточку опустил голову на руки и, кажется, отрубился по полной. Сон ударил меня ногой в лоб, накрыл тяжёлым тюфяком с головой, погрузив в сладкую тишину.

Не знаю, сколько я спал, показалось, уже через минуту раздались шаги, скрипнула дверь, и на пороге возник мой паж с большим гружёным подносом в руках.

– Рассвело, мой лорд. Но я принёс свечи.

– Заходи, – не поднимая головы, просопел я. Посплю ещё немножечко.

Однако, пока он зажигал свечи по одной от факела и вставлял в медные трёхрожковые подсвечники, мой нос вдруг уловил знакомый запах.

– Кофе?

– Э-э... да, мой господин. Миледи Хельга научила меня его готовить. Я подумал, что вы захотите согреться. И вот ещё два бутерброда с сыром.

Краткий миг во мне боролись два желания: не раскрывая глаз, наорать на него, чтоб не смел таскать сюда всякие вещи из моего мира (квартиры, холодильника), или окончательно проснуться и выпить горячего свежемолотого кофе, полную кружку, без сахара, но с ложечкой настоящего мёда. Второе победило.

– Когда-нибудь потом я тебя убью.

– Хорошо, мой лорд.

– А сейчас поставь кофе и это... ну... короче... сядь вон там, ты мне можешь понадобиться.

Метью молча присел в уголке и честно выдержал целую минуту.

– Я люблю вашу дочь, лорд Белхорст.

– Бла-бла-бла, ничего не желаю слушать.

– Я готов повторить, – упёрся он.

– А жить ты хочешь? – в лоб спросил я, почёсывая правую руку.

Он кивнул.

– Ну и всё.

– Вы ведь понимаете, что рано или поздно нам придётся поговорить на эту тему. Я всячески намекал миледи Хельге о своих чувствах, но я не могу открыто признаться без вашего благословения.

– Парень, избавь меня от этих слюней! У меня есть куда более важные задачи на ближайшее время.

– Лорд Белхорст Белый Волк, – в голосе тощего паренька прорезалась медь боевых труб, – по праву рождения я ваш король! И я на коленях умоляю вас посвятить меня в рыцари, чтобы я мог посвататься к вашей дочери. Я люблю её больше жизни, к тому же мне кажется, что мои чувства небезответны.

– Парень, смотри сюда. – Я хлопнул ладонью по скамье, призывая его сесть рядом. Он послушался, как дрессированный хаски. – Ты умеешь читать по-русски?

– Даже ваш конь умеет читать.

– Принимаю это за утвердительный ответ, – согласился я, хотя его самомнение жутко раздражало. – Читаем вместе. Итак, «...согласно древним мифам корабль бога Локи был построен из ногтей мертвецов». Почему? Потому что в Ледяном аду не растёт ни одного дерева. Потому что Хель забирает себе самых храбрых воинов. Потому что после смерти человеческие волосы и ногти какое-то время растут. У Локи просто не было

иногo материала под рукой, и лучшие из худших составляли его команду.

– Вы думаете, он вернётся?

– Хуже, мой мальчик, он уже вернулся!

– Но всё равно, – на миг задумался Метью, а потом храбро взглянул мне в глаза. – Ведь мертвяки уже не раз нападали на замок Кость, и мы всегда давали им отпор. Пусть только драккар мертвецов посмеет сойти на берег наших холодных морей, мы...

– Он свободно ходит не только по волнам, – сухо поправил я, откладывая бутерброд с сторону. – Согласно комментариям ряд исследователей считают, что ноготь легче воды и самой своей формой напоминает лодочку, следовательно являясь лучшим материалом для корабля. Однако другие учёные, наоборот, уверены, что Нагльфар был столь тяжёл, что даже мировой океан не мог бы нести его. Поэтому и была нужна та самая непрекращающаяся трёхлетняя зима, после которой замёрзнут все реки и даже моря, а значит, этот страшный драккар пройдёт по льду и снегу под парусом. По снегу, понимаешь, от Граней и напрямик до нас! Раньше на его пути могли встать каменные тролли, но их раскидал Фенрир. Он тоже не особо любит отца и сделал это не специально. Но в любом случае теперь малыш Фенрир ему не помеха! Быть может, его могла бы остановить разве сама Смерть, если бы...

– Мм... – вопросительно уставился на меня король-паж.

– ...если бы я сам не пообещал ему защиту от богини Хель.

– Э-э, а зачем вы это сделали?

Однозначного ответа у меня не было.

Ну, быть может, кроме подзатыльника, который Метью смиренно принял и который, как вы понимаете, по большому счёту абсолютно ничего не решил. Разве что дал мне возможность с удовольствием отхлебнуть остывающий кофе и вновь углубиться в книгу.

Парень сидел рядышком, не смея вздохнуть без приказа, но, с другой стороны, и удрать тоже не намеревался. Это в той или иной степени было достойно уважения.

– Есть предположения, что корабль из ногтей сгорел в бушующем костре рагнарёка, а мертвецы помогли Локи всей массой задавить Хеймдалля. Который, согласно тем же мифам, погиб на своём посту, не пустив врага на радужный мост, и, умирая, убил бога лжи. Но я своими глазами видел Локи за Граниями. Распятого, беспомощного, но живого!

– Могу я спросить вас, мой лорд?

– Валяй, – буркнул я, поглядывая на второй бутерброд. – Один вопрос, ок?

– Ок, – прекрасно понимая, что он сказал, кивнул Метью. – Так вот, если вы видели бога лжи, если говорили с ним, то почему вы так уверены, что она вас не обманывает?

– Потому что...

Я слегка затупил.

Задница Слейпнирова, можно подумать, что он первый, кто меня об этом спрашивает? Но конкретного ответа, увы, не было, как и на аналогичный вопрос Даны.

Да, кусок льда избавил Фенрира от удушливой ленты цвергов, но тот же лёд вполне мог убить и меня и его. Да, я своими глазами видел Дану, держащую чашу над обнажённой грудью распятого на камне бога, и тем не менее все в замке уверены, что дампир была здесь! Получается, что Локи дважды обманул меня.

Это неудивительно, это даже не обидно, однако он умудрился взять с меня «слово чести», и теперь получается, я его защитник в этом мире?! Вот этот момент, признаться, абсолютно не радовал. Нет, не из-за того, что я чего-то там жутко боялся.

Всё проще, мой взгляд был трезв и ясен, я прекрасно отдавал себе отчёт, где я, а где бог лжи, наши уровни несопоставимы. И хорошо, если в реальном бою он хотя бы заметит, что убил именно меня, а не кого-то другого. Богам, как правило, нет особого дела до судеб смертных, а уж хитрецу Локи тем более.

– Ладно, допустим, он обманул меня. Моими руками убил Фенрира и заручился моим словом перед Хель. Допустим, он способен покидать Ледяной ад и сумел из какой-нибудь полярной совы слепить полную копию Даны, чтобы заставить меня убить её, – опустив голову, признал я. – Допустим даже, что в какой-то момент Локи откроет Грани и с войском мертвецов на драккаре из ногтей доберётся по снегу к нашим стенам. Что ему нужно? Мой замок, мои земли, моя голова? Какой во всём этом смысл?

– Он хочет вашу дочь, мой лорд, – глухо прорычал Метью, сжимая кулаки. – Ещё когда я был королём, недолгое время, все шептались по углам: кто будет супругом Хельги Белхорст, тот будет править Севером!

– Глупости, – буркнул я, не желая верить в очевидное.

Тот двойник в королевской столице, кто он? Почему он так похож на моего пажа?

Я могу рычать и топтать ногами, но это не изменит того факта, что моя девочка немножечко влюбилась в Метью. Мне это не нравится, я имею право на отцовскую ревность, но ещё больше мне не понравится, если кто-то примет личину её избранника, чтобы обманом повести её под венец.

– Хель ему голову отвернёт, когда узнает, – без особой уверенности пообещал я. – Она никогда не позволит, чтобы её отец женился на её дочери!

– В мифах и не такое бывает, – не согласился мой настырный паж.

Мне пришлось закусить губу, в сексуальном плане древние боги действительно развлекались как хотели, и примеров тому множество. Тем более если речь идёт о Локи. Сугроб мне в лоб, да он сам рожал! Восьминогую кошку Слейпнира, подарок великому Одину! И ничего, никто не парился, всем даже очень весело было.

– Я-то думал, что мне не повезло с тестем, – тихо буркнул Метью.

– О, это ты ещё тещу не видел! – вздохнул я, прежде чем понял, к чему он клонит. – Так, глупый мальчишка, ещё раз заговоришь тут о своих планах на размножение...

– Посредством законного брака.

– ...без разницы! Я сам женю тебя своей феодальной волей на ком захочу! Хоть на Ребекке!

– Понял, мой лорд, – насупился он. – Можно так не орать, зачем вам глухой паж?

– Мой замок, моя библиотека, мои правила, где хочу, там и ору!

Он надулся и устался в угол, кусая губы.

Всё верно, парень, я диктатор и тиран, но я в своём доме. Привыкай. Когда ты будешь орать на подчинённых, вспомни себя на их месте. А ты будешь, ты же король. И если я отвечаю лишь за отдельно взятый замок, участок границы и своих людей, тебе придётся отвечать за ВСЁ! Абсолютно за всё, включая меня и моё самодурство.

Ответственность – не позавидуешь. На моей памяти минимум два короля просто отказывались от престола в пользу родственников и бежали на волю странствующими рыцарями. Одного из них, короля Джеральда, даже прозвали Сумасшедшим.

– Мой лорд, – осторожно обратился ко мне Метью.

– Чего тебе?

– Вы не слышите крики? По-моему, у нас там драка.

– Седрик разберётся.

– Как скажете...

Минутой позже в дверь библиотеки кубарем влетели сразу два Седрика.

Я чуть не подавился вторым бутербродом. Два совершенно одинаковых старых крестоносца, хватая друг дружку за горло, пинаясь и рыча, стали крушить спинами полки с книгами. Пыль взлетела до потолка,

на пол упали свечи, язычок пламени лизнул первые страницы, и не накрой я их телом моего паж, так страшно представить, что могло произойти.

– Всем стоя-ать!!!

Рванувшись в низком старте, я невероятным чудом сумел вклиниться между двумя яростно пыхтящими стариками, когда они уже повыхватывали широкие ножи. Я растащил их в стороны, держа каждого за грудки.

– Ты кто?

– Не понял, сир?

– А ты кто?

– Ваш верный слуга и друг Седрик! – прокололся второй.

Я выхватил свой охотничий кинжал и ударил с размаху!

Стальной клинок проткнул пустоту, а из моих пальцев мгновенно выскользнула большая серая крыса. Она шлёпнулась на пол, злобно клацнув зубами, и, мелькнув голым хвостом, тут же затерялась под кучей древних книг.

– Метью! – заорал я, поднимая его за шиворот. – Хватит валяться на полу, беги на кухню, найди Эда и Хельгу! Веди их сюда, у нас стихийное бедствие.

– Но разве стихийное бедствие это не леди Мелисса? По-моему, она вполне...

– Давай живо, идиота кусок!!!

– Ок, – добродушно подтвердило библиотечное эхо, и мой паж мгновенно растворился в полумраке коридора.

Я же обернулся к Седрику.

– Что вы на меня так смотрите, сир?

– Это ты затеял драку?

– А я должен был смотреть, как какой-то мерзавец, похожий на меня, приказывает снять дозорных с башен?!

– Старик, ты просто не понимаешь, с кем связался. Он мог убить тебя голыми руками.

– И что? Меня это хоть когда-нибудь волновало? – мрачно прокашлялся он.

Я молча протянул ему руку. Всё верно, любой, кто знает Седрика, должен был понять, что он бы не стал звать меня на помощь, он в первую очередь попытался бы разругать любую проблему сам. В этом его авторитет, ни один воин на стенах не станет биться за трусливого командира, а старик привык быть в первых рядах.

– Ставр, у твоего паж явный сдвиг по фазе. – В дверях показался кудрявый бог. – Он бежит взад-вперёд, ищет Хельгу и шёпотом оповещает

всех, что старина Седрик начал двоиться. Ты напоил парня, да?

– Сам не пью и ему не дам, облезет, – твёрдо пообещал я. – Но, «увы, Хьюстон, у нас проблемы».

Эд послушно присел на краешек стола, обозрел бардак в библиотеке и обернулся ко мне с вопросительным взглядом.

– Локи вырвался на свободу.

Впервые на моей памяти бывший бог со справкой осенил себя широким православным крестом. В ту же минуту в двери сунула носик моя зевающая дочь.

– Папуль, ты меня звал?

– Да, лапка. Тащи за собой Метью, садитесь кому где удобно, нам всем нужно кое-что прояснить.

Моя девочка послушно села на скамью рядом со мной. Его королевское величество отказался сесть, почтительно встав за моей спиной.

– Значит, так, если кто не в курсе, ситуация несколько обострилась. Если взять, к примеру, енота и нас, – сбивчиво начал я, стараясь говорить ровно, не впадая в панику и не вереща. – То вот мы у этого самого енота в заднице!

– Один вопрос, – деликатно поднял руку дядя Эдик. – Почему именно енот? Почему, допустим, не... не песец?

– Тебе предпочтительнее оказаться в заднице у песца?!

– Э-э, – подумав, отступил он. – Да мне непринципиально. Продолжай, пожалуйста.

– Спасибо. – Я слегка поклонился под общие аплодисменты. – Если совсем кратко, у нас появился Локи. Бог хитрости и обмана, способный принимать любую личину. Это значит, что в опасности все!

Все переглянулись и кивнули.

– Он будет затевать склоки, стравливать людей меж собой, устраивать диверсии, он способен убивать не задумываясь. Его веселит всё, особенно чья-то мучительная смерть. И да, милая, он твой дедушка.

– Па?! – округлила глаза моя блондинка.

– А я говорил тебе: внимательнее читай Старшую Эдду. Локи – это отец Хель, твоей милой золотоволосой мамы. Правда, в тот исторический период он вообще плодился как никто, с бешеной скоростью и большой фантазией – девушка Хель, конь Слейпнир, волк Фенрир, пёс Гарм, змей Йормунганд, то есть развлекался как хотел. Он в целом большой оригинал, воплощённая мечта экстремального шоу-бизнеса.

– Лучше скажите, что нам делать, сир? – подал голос старый крестоносец.

– Будьте бдительны, подмечайте детали. Локи хитёр, но не мудр. Он умеет прикидываться кем угодно, но никогда не знает всех деталей. К примеру... – Я на минуточку закрыл глаза, вспоминая. – Допустим, он уже среди нас. Хельга, милая, какой пароль у тебя в ВКонтакте?

– Esaulka-ole-29, – мгновенно откликнулась моя умничка и тут же прикрыла рот ладошкой. – Па, так нечестно!

– Ты не Локи. Эд, Ньюша любит Бараша?

– Не уверен, девичья душа потёмки. Скорее Бараш искренне любит... Ставр, стовёсельный тебе драккар в копчик?! Это же гадко!

– И ты не Локи. Седрик был тут, остаётся Метью, – безжалостно продолжил я. – Отвечай, мерзавец, как заваривать чешский «турэк»?

– Полная ложка молотого кофе на чашку заливается крутым кипятком, настаивается две минуты, потом через ситечко переливаем в чистую кружку, добавляем ложку мёда и...

– Заткнись, всем всё понятно. Он тоже не Локи. Но вы поняли принцип, эта сволочь может в любой момент прикинуться кем угодно, даже мной.

– Па, сколько стоит дореволюционная шашка ККВ? – вдруг резко спросила моя девочка.

– Порядка двух тысяч долларов, смотря на сохран, – автоматически ответил я, и все облегчённо выдохнули.

Наверное, не имело смысла обижаться. Всё правильно, бог обмана точно так же в любой момент мог обернуться и мной.

– Ищем его! – хлопнув в ладоши, приказал я. – При поимке бить не задумываясь.

– Да, лорд Белхорст!

– Разумеется, после проверки.

– О, само собой, – как-то очень подозрительно разулыбались все.

Ладно, устанутся, ребята дружат с головой, мы справимся. Признаем, Локи тоже далеко не дурачок, он опытнее всех нас, вместе взятых, он тысячелетиями копил всякие хитрости, в конце концов, здесь Север, его исконные земли, он всё тут знает и всё может!

Поэтому единственное, на что мы могли надеяться, так это на... скуку.

Он столько времени скучал там, в Ледяном аду, что, вырвавшись в мир людей, уже не сможет удержаться, бог лжи проявит себя. И это наш единственный шанс.

Я умел ждать и теперь, не покидая библиотеки, мог позволить себе только принимать доклады. Кстати, они не заставили себя ждать.

– Мой лорд, двое дозорных дерутся на стенах, якобы один плюнул на

спину другому. Седрик разбирается. То есть уже разобрался, столкнув их лбами. Один пропал, второй... может, ещё и выживет, нет?

– Па, кухарка Агата пересолила суп и назвала меня мышкой. Я дала ей по башке, и она пропала. Круто, да? Кого ещё можно стукнуть, пока у меня драйв и креатив?!

– Мой господин, я нашёл своего брата-близнеца! Такого же принца-цверга! У вас топор под рукой? Бейте его, я у папочки един-ствен-ны-ый... удрал.

– Сир, а Ребекку никто не предупредил, что я это я? Или ей разрешили меня кусать, чтобы проверить, не я ли Локи? Просто двадцать шесть раз тыпнуть меня сзади – это что?!!

– Стражники видели, как леди Мелисса выкинула из своего окна саму себя! Но ещё в полете она превратилась в летучую мышь, просто жуть. Теперь мы можем сжечь её как ведьму? Все наши парни «за»! Как раз и согрелись бы...

– Ставр, мне неизвестно, что ты задумал, но, по-моему, это уже лютый перебор... – Договорить бывшему богу не удалось, потому что точно такой же бог появился сзади, отвесил ему крепкого пенделя с ноги и кинулся душить.

Несколько секунд два дяди Эдика катались у нас по коридору, пока та же толстуха Агата, идущая со двора, не выплеснула на них ведро ледяной воды. Мокрый Эд, отфыркиваясь, поднялся с пола, а его двойник исчез, мы только и успели заметить чёрный змеиный хвост, мелькнувший в проходе.

– Да, похоже, так мы его не возьмём, – всерьёз задумался я, скребя щетину на подбородке. – Он способен менять личины хоть целый день, его это только развлекает.

– А я всегда знал, что стратег из тебя никудышный. Книжки он читает, нет чтоб прикоснуться к мудрости настоящего бога. Короче, Ставр, дружище...

– Напомни мне, чего боится Локи? – резко перебил я. – Воды, соли, огня, русского мата, древних заклинаний, запаха женских духов, не знаю, ну там скрежета железом по стеклу. Должно же быть хоть что-то...

– Нет. – Мрачный Эд, потирая ушибленные рёбра, помотал головой. – Боюсь, что ничего, у него нет слабостей или предрассудков. Локи далеко не трус, он изобретателен, хитёр и не брезглив. Помнишь, когда он превратился в кобылу, позволил себя покрыть жеребцу великана Гримтурсена, забеременел от него и родил Слейпнира? Всё это казалось ему весёлой шуткой! А когда он преспокойно убил слугу-виночерпия на общем пиру богов? Просто за то, что парень старался всем угодить!

– То есть по своей воле он не уйдёт из замка, только если мы выгоним его?

– Увы, нам его не выгнать.

– «Гладковыбритая змея... – на автомате пропел я, сжимая виски, – тычет в сердце холодной мордочкой...»

– Ставр, э-э?!

Он в ужасе округлил глаза, а у меня вдруг родилась гениальная идея. Что, если попробовать продолжить?

– «Губки бантиком, попка краником... гоп-ца-ца!»

– За что?! – Бывший бог схватился за голову, зажимая уши.

– Сейчас, сейчас, потерпи, просто контрольный, для проверки: «Её ножки никогда не кончались, у-у-у-ю...»

– А-а, я убью-у тебя! – в бешенстве заорал он, бросаясь на меня с кулаками.

– Эд, спасибо, ты нашёл решение, – благодарно прокричал я, уворачиваясь от его ударов. – Боги Асгарда категорически не выносят плохой поэзии! Это проклятие Одина, у всех у вас есть литературный вкус, и тут Локи не исключение. Собирай наших во дворе. Всех подряд!

Буквально через десять минут все, кто только находился в замке, послушно притопывали ногами на утреннем морозе во внутреннем дворе. Даже наши кони. Выше уже объяснялось почему, вспомните превращение в кобылу. Мы не могли рисковать.

Я тихо отвлёк в сторону Хельгу и в лоб спросил:

– Телефон с собой?

– Да, – пискнула она. – Я знаю, что нельзя, но ты...

– Новинки скачивает автоматически?

– Ты про песни? Э-э... да, каждый раз, как происходит пополнение баланса. Но там не только новые хиты, а всякие вообще.

– Хм, а помнишь, как ты доводила своего дядю Эдика в первом классе?

– «Сара Барабу»?

– Точно, включай давай, – потребовал я. – И на полную громкость.

– Он будет ругаться, – честно предупредила моя дочь.

– Эд всегда чем-нибудь да не доволен. Врубай, милая, дадим драйва этому миру!

При громких звуках музыки все наострили уши. При первых словах песни практически все люди заулыбались, у нас в Средневековье народ простой. Только бывший бог со справкой кривился, как от зубной боли. А вот на припеве: «Сара Барабу, Сара Барабу, у неё корова Му-у!» один из мечников вдруг начал кренииться набок.

– Ещё что-нибудь есть? – тихо попросил я. – Добивай, лапка.
Хельга кивнула и потыкала кнопки, прибавив звук:

Мегатонны сплетен и негатива, замкнутый круг,
Как много встреч с мужиками и фальшивых подруг.
Но я нашла в себе силы вставить перо и лететь,
Ни про чё не жале-э-эть!

Бородатый мечник с краю вдруг задрал голову, издав горловой рёв, со слезами взбежал вверх по лестнице и резво сбросился со стены.

Когда я метнулся следом, чтобы посмотреть вниз, то мёртвого тела на снегу не было. Локи на горизонте отчаянно махал крыльями чёрной вороны и гадил на лету, спеша удрать как можно дальше от нашего музыкального замка. (Надо ли говорить, что тот же рыжий бородач был обнаружен в одной из сторожевых башен, связанный по рукам и ногам?)

– Всем отбой!

Тонкая душевная ориентация прожжённого лжеца не выдержала графоманского напора российской попсы.

Да, все боги Севера от рождения разбирались в поэзии, у них были в почёте седые скальды и заезжие барды, они любили Музыку и Слово. Их не обманешь.

Что ж, на этот раз нам удалось выжить Локи из замка, но кто знает, когда он решит заявиться снова и в какой момент нанесёт удар. Этого не мог предсказать никто.

На стену быстро взбежала Хельга, встав рядом со мной. Я обнял её за плечи, укрывая своим плащом из шкуры белого волка. Мы смотрели на розовое зимнее солнце в голубой окантовке, поднимающееся всё выше и выше. Красиво-о...

– Па, всё в порядке?

– Само собой, лапка моя.

– А если честно?

– Тогда нет. Всё очень плохо и даже беспросветно, – открыто глядя ей в глаза, признал я. – Ты ведь учила древнескандинавский эпос как историю своей родословной. Так вот, твой милый дедушка (лжец и мерзавец!), окончательно сбрендив после долгой отсидки в Ледяном аду, решил взять реванш. Если совсем вкратце, то он хочет жениться на тебе, таким образом подчинив своей воле мир людей и уцелевших богов.

– Я не пойду замуж за дедушку!

– Даже если внешне он копия твоего Метью?

Хельга захлопнула ротик.

Она вспомнила рассказы о двойнике молодого короля в столице. Что ж, по крайней мере, теперь понятно, кто это был и почему он так легко захватил власть. Локи – бог обмана, ему ничего не стоило подменить собой любого из баронов, подделать голоса на общих собраниях, перетянуть на свою сторону стражу, обвести вокруг пальца всех так, чтобы все люди были свято уверены в том, что служат истинному королю!

При власти Одина древние боги просто не давали Локи возможности развернуться во всю мощь, они понимали, чем это чревато. Но сейчас подавляющего большинства их просто нет. Кто у нас там уцелел после рагнарёка?

Хель. Ну, это естественно, смерть всегда есть там, где жизнь, и смена одного другим подобна смене времён года.

Эд? Да, мне удалось его спасти, но свою волшебную силу он потерял на веки вечные. Обидно ли ему? Конечно, ещё как, до соплей! Но он нашёл своё место в этом мире (даже в обоих мирах), мы стали его семьёй, и он голову положит за свою племянницу! Я на втором месте, но и тут он никогда не оставит мою спину без защиты в бою.

Так, кто же ещё остался? Мифы и легенды говорят нам, что «все умерли, поэтому мы тоже умрём». Но люди северных земель относились к своим богам несколько иначе, чем те же греки или римляне. Северяне жили с богами на соседней улице, если так можно выразиться. Они ели и пили с ними, они называли их по имени, они знали всех их в лицо, по именам, ходили с ними в походы, принимали их рукопожатие на улице и вместе пили хмельной мёд на пирах. Боги не презирали людей!

Это было жестокое и весёлое время, время песен и крови, огня и льда, магии и железа, но все жили в определённой гармонии, а смерть не считалась чем-то ужасным, наоборот, именно она венчала любую эпохальную историю.

– Что же мы будем делать, па?

– Ох, тебе бы надо вернуться в школу и вообще...

– Да, конечно, разумеется, само собой, естественно, непременно, а как же, угу, вот прямо сейчас бегу, спотыкаюсь, падаю, встаю и снова бегу! Но делать-то мы что будем?

– В Средние века гамлетовский вопрос «быть или не быть?» звучал как «молиться или рубиться?». На что готова ты – склонить голову, принимая мученическую смерть, или драться с врагом до конца? Первый вариант отдавал твою жизнь на откуп победителя, а милость к проигравшему всегда

была не в чести. Второй предлагал хотя бы призрачный шанс уцелеть, поэтому викинги всегда выбирали хорошую драку. И надо признать, чаще выигрывали, поскольку наличие хотя бы одного шанса лучше отсутствия одного как факта.

– Не очень поняла...

– Не важно, просто живём, как жили. – Я обнял её за плечи и поцеловал в лоб. – Найди-ка мне своего маленького цверга. Нет, я не хочу сам возвращаться домой, но нам нужен хоть кто-то для разведки, не находишь?

Моя блондинистая умничка старательно закивала и, скача на одной ножке, спустилась по лестнице вниз, засунув два пальца в рот и насвистывая на ходу. Лично у меня бы это вызвало только приступ рвоты, но...

– Жду вас двоих у себя! – крикнул я вслед.

– А куда будет ли мне позволительно скрасить ваш досуг? – вдруг жеманно раздалось из верхнего окна гостевой башни.

Какого северного мха я забыл про эту бдительную старушенцию?! В конце концов, всё, что происходит у нас, мгновенно становится общим достоянием для всех.

– Леди Мелисса, – церемонно поклонился я, скрипя зубами. – Какая честь для замка Кость, что вы вновь решили провести зиму под нашим кровом и за наш счёт.

– Не ёрничайте, я приехала к вам не ради вас, – честно поморщилась она, покачивая длинным носом. – Мне нужен ваш паж, который так скоропостижно сбежал из Хмельтауна.

– Смылся, – поправил я.

– Вам виднее. Не склонна спорить, скажу проще: отдайте мне его, и дело с концом!

Я даже не стал пытаться уточнять с каким. Наводящие вопросы тоже не имели смысла, старая вешалка отлично знала, кто тут истинный король, и пёрла к своей цели, как натовский крейсер в Чёрном море.

– Но чем я вам могу помочь?

– Вы же его господин. – Неубиваемая старуха гордо выгнула нарисованную бровь. – Прикажите вашему пажу жениться на мне.

– Не могу.

– Почему же?!

– Ну если он мой паж, то просто недостойн вашей руки, – бесстыже улыбнулся я, понимая, что иду по краю. – А если он мой король, то я не вправе ему приказывать!

Леди Мелисса возмущённо распахнула клювик, пощёлкала вставными зубами, но никак не могла определиться с ответом – либо-либо? Она постучала лбом о подоконник, искала взглядом сочувствующие лица, никого не нашла и кротко вздохнула:

– Чего, совсем, что ли, нельзя?

Я развёл руками.

– Вы моя гостья, вам можно всё. Но приказать мальчишке жениться я не вправе.

– Так, может, моя милая сестричка попросит его сделать мне предложение... – начала было леди Мелисса, обращаясь к поднимающейся на стену Хельге, но быстро прикусила язычок под ледяным взглядом моей дочери.

Вот так-то, скользкая гримза! В эту минуту меня подёргал за плащ белый цверг.

– Кстати, да, – я наклонился и подхватил его на руки, – нам надо поговорить, приятель. Ты не против?

– А у меня есть выбор?

– Нет.

– Тогда, само собой, не против!

Подземные карлики ушлый народец, иначе им бы нипочём не выжить в этом суровом мире. А они не просто выжили, они создали своё королевство, свою культуру, литературу, искусство и навеки прописались в северной мифологии. Уважаю.

Я подмигнул Хельге, которая продолжала испепелять взглядом старую калошу, спустился со стены и ушёл по коридору к потёртой фреске. Десигуаль пригрелся у меня на груди, развалился поудобнее и даже начал посапывать, как младенец.

Общеизвестно, что лучший способ привести обнаглевшего цверга в чувство – это уронить его башкой об пол, чем я и воспользовался в полной мере.

– Ах, прости, малыш, это случайно.

– Мой господин, не надо стучать мною об пол, он каменный, – честно попросил карлик, с трудом поднимаясь на ноги. – Я и так готов исполнить любое ваше желание.

Глядя на его причмокивающие губы, я невольно покраснел и на всякий случай, поймав мерзавца за ноги, стукнул его ещё пару раз. Цверг расслабился и притих.

Пользуясь минутой тишины, я деликатно пощекотал ему кончиком кинжала в ухе, вежливо попросив:

– Ты не мог бы посмотреть, что там и как творится в моей квартире?

Десигуаль похлопал себя по затылку, заставив съехавшие к переносице глаза разойтись в обратном направлении.

– Не...не пр...бл...блема. Запр...ста! Тока н...н... не бейте...

– Даже не собирался. Ты ведь сам упал, не помнишь?

– Н-н... не очень, – поморщился он, кивнул и, шатаясь на ветру (образное выражение), практически упал в старую фреску.

И едва ли не через пять секунд вылетел оттуда, как пробка, пребольно ударив меня твёрдым лбом в грудь. Не задумываясь, я подхватил карлика и на нервах запустил им обратно в стену! Очень удачно, он так и пропал во фреске.

А когда через полминуты прилетел назад, я уже осторожно ждал в углу, позволив ему долететь до противоположной стены и сползти оттуда вниз ковриком.

– Вот и поговорили, – вслух сообщил я неизвестно кому.

Десигуаль открыл один глаз, осторожно посмотрел по сторонам и, не поднимаясь, поманил меня пальцем.

– Мой господин, – тяжело дыша, прошептал он, – у меня две новости, хорошая и плохая.

– Начинай с хорошей.

– Вам кто-то вернул гобелен, он опять висит над вашей кроватью.

– Отлично. – Не удержавшись, я захлопал в ладоши и даже, кажется, подпрыгнул на метр вверх, но быстро опомнился. – А плохая?

– Не ходите туда, там эта... голая и дерётся-а-а!

– Хельга, – крикнул я, услышав знакомые шаги в коридоре.

– Да, па? – издали крикнула она.

– Пригляди за своим Десиком, он весь немного ушибся об стену, – попросил я и тихо добавил уже для самого карлика: – Будь бдителен, смотри за Метью, если он опять начнёт подкатывать к моей дочери, то... короче, ты знаешь, что делать.

Белый цверг старательно лизнул мне сапог и угрожающе клацнул зубами, словно откусывал что-то напрочь.

– Вот именно, – подтвердил я, почёсывая руку. – Милая, мне надо ненадолго домой. Тебе захватить йогурт?

– Десик, – моя девочка бросилась к белому симулянту в шортиках, – только не умирай! Кто так с тобой поступил? Гореть ему в аду, дьявольскому отродью!

Я поспешил тихо уйти спиной в фреску, прекрасно отдавая себе отчёт, что гореть в аду придётся, скорее всего, мне. Но как-то не очень охота, по

крайней мере, в ближайшее время. Вернёмся к этой теме попозже, если она ещё будет актуальна.

Я шагнул на собственную кровать (переход, как всегда, был мгновенным и куда более комфортным, чем с помощью вороватого цверга) и... едва успел пригнуться, когда в голову мне полетела тяжёлая подушка.

– Дана!

– Ставр? – на мгновение удивилась она, запахивая на груди темно-синее полотенце. – Дьявол тебя раздери, я думала, это опять твой бесстыжий (если не сказать – охреневший!) карлик. Он неожиданно вылетел на меня из гобелена, приземлившись пухлыми губками прямо между... тьфу! Давай уже наконец его убьём и похороним?

Я молчал. Как же хорошо опять оказаться дома...

– Милый, не надо дуться. Мои девочки превзошли сами себя, ты просто не представляешь, чего нам стоило выкрасть этот гобелен, заменив его опломбированной «пустышкой». Я так старалась!

Мне нечем было ей ответить. Банальное «спасибо» звучало как-то пошло, предлагать деньги или подарки тем более, а благодарить не очень одетую женщину поцелуями вообще чревато...

– А-а, ты обижаешься, что я тут хозяйничаю? Какого северного мха, как ты выражаешься?! Подумаешь, сходила в душ и взяла твоё полотенце. Между прочим, я сама, своими руками вешала этот тяжеленный гобелен на стену и взмокла, как лошадь на пахоте. Всё ещё дуешься? Ну и забирай своё дурацкое полотенце!

Пожалуй, то, что произошло потом, не стоит детально описывать. Во-первых, я стесняюсь. Во-вторых, вам-то оно зачем? Оставим всё как есть примерно на полчаса. Обещаю вернуться. Наверное...

Вернулся я несколько позже, мы увлеклись, и, кажется, время ушло за час.

– Теперь мы можем поговорить. Но ты первый.

– Хорошо, – согласился я, с трудом отрываясь от её поцелуев. – Если очень-очень-очень вкратце, то во всём виноват Локи, бог обмана и хитрости. Он подставил тебя и устроил беспорядки в замке Кость, но мы его выперли.

– Надолго? – Дампир, потянувшись, закидывая руки за голову, так, что её соски рельефно выделялись даже через тонкое обаяло.

Я постарался отвести взгляд и кивнуть.

– Теперь ты.

– Ну, дорогой, за те три дня, что ты отсутствовал...

– Три дня?!

– Всё время забываю, что в Приграничье время может идти иначе, – закатив глаза, хмыкнула Дана. – В общем, твой Капитан успешно нажаловался кому-то в верхах, и Белый Комитет накрыли международные проверки. Это дало возможность клану Красной Луны проявить некую малозаметную инициативу. Если сейчас кому-нибудь взбредёт в голову сорвать пломбы и защитную плёнку со свёрнутого «переходника» на военном складе, то он обнаружит стандартный ковёр с рынка. Очень удобно, не находишь?

Я тихо коснулся губами её плеча. Нужные слова никак не находились.

Вся беда в том, что да, я был очень благодарен чернокудрой дампир за возвращение гобелена. Но сейчас, когда переход в замок Кость вновь на своём месте, я категорически не хочу, чтобы Дана возвращалась со мной в Приграничье. Увы, сейчас это не то место, куда можно пригласить на выходные любимую женщину.

Да меня, если задуматься, одно присутствие Хельги в замке ставило в тупик, я же с ума схожу, волнуясь за неё! Хотя примерно и отдаю себе отчёт (задним числом), что моя малышка чувствует себя на Севере в своей тарелке и ей там куда комфортнее, чем даже мне.

Но Хельга – это Хельга, а Дана – это Дана, дампир не приспособлена жить в снегах, это не её мир. И тем не менее эта женщина хочет шагнуть туда следом за мной без сомнений и упрёков. Что я могу дать ей взамен? Ничего...

– Мне пора.

– Я всё понимаю, милый. Кстати, если что, три набора новых ключей лежат в прихожей. Дверь мы всё-таки заменили на более надёжную. А ещё две бабульки с третьего этажа перестали называть меня проституткой, теперь они уважительно говорят «наша шалава».

– Это прогресс, – согласился я, быстро одеваясь. – Прости, что не зову с собой. В замке такой бардак, Хельга поссорилась с Метью, в мальчишке проснулась совесть и чувство долга за корону, леди Мелисса опять захватила гостевую башню, и вообще...

– Вообще, у тебя на носу большая драка, – деликатно поправила меня голая дампир, сбрасывая одеяло. – Уверена, что тебе понадобятся все силы. Девочки проконтролируют ситуацию тут, а я на пару дней абсолютно свободна. Но мне надо собраться.

– Прости, наверное, всё-таки в следующий раз.

– Ага, нашёл дурочку! – Она ловко цапнула меня за поясной ремень. – Одного я тебя туда не пущу-у!

Мы шумно поборолись с полминуты, я почти выпутался из её хватки, освободился, как Марс от Венеры, но потом коварная подушка попала мне под ногу и – алле-гоп! Я рухнул спиной в гобелен, сжимая голую Дану в объятиях. Переход был лёгким, приземление жёстким, а в остальном...

– Сир?

– Мой лорд?

На нас двоих обалдело уставилась сладкая парочка – Метью и Седрик. Судя по тому, как они держали друг друга за грудки, здесь назревала драка. Причины выясним позже.

– А у вас тут прохладно. – Дана встала с меня, даже не пытаясь прикрыться ладошками. Качая бёдрами, она танцевальным шагом подошла к старому крестоносцу и самым вежливым образом сняла с него плащ. – Можно?

Он молча кивнул, сглотнув слюну. Метью попытался изобразить поклон и что-то пискнуть в качестве приветствия, дампир благосклонно похлопала его ручкой по плечу. Оба драчуна густо покраснели.

– Леди Дана пока останется в нашем замке, – вставая и отряхивая колени, предупредил я. – Мы будем в моих покоях. Седрик, найди мне сэра Эда. Метью, распорядись, чтобы гостье подали красное вино и холодное мясо. Вопросы?

– ...???

Видимо, вопросов было много, но выразить их словами мои подчинённые пока не могли, прекрасная фигура обнажённой дампир до сих пор отсвечивала в глазах у каждого.

О это целомудренно-дремучее Средневековье!..

Тот же Седрик, было дело, в бытовой пирушке хвастался, как сотня крестоносцев, только сошедших с корабля, была атакована тысячей сарацин, и всех рыцарей перерезали бы, если бы не французские кони. Вы догадались, в чём подвох, да?

Гордый европейский рыцарь не садился на кобылу, это считалось дурным предзнаменованием, а вот мусульманские всадники, наоборот, охотно брали в набеги кобыл как более послушных, умных и манёвренных.

Ну и когда сотня заскучавших без женского внимания могучих першеронов под тонну весом, с всадниками в тяжёлых доспехах, почуяла игривый запах кобылок, они рванули вперёд так, что разметали сарацинское войско в страйк, как боулинговый мяч лёгкие кегли! Победа была полной и безоговорочной!

К чему я это сейчас? Не знаю, просто вспомнилось. Или не просто, но ведь всё равно подходит по теме, верно?

Я проводил Дану до своей комнаты, всю дорогу она кусала губы, едва сдерживая смех, а когда мы вошли и закрыли дверь, тогда уже расхохоталась как сумасшедшая!

Честно говоря, вспоминая вытянутые лица моих людей, я тоже не мог удержаться и подхватил бациллу смеха. Хотя по факту чего ржать-то? В замок вошла голая женщина, после чего двое мужчин, молодой и старый, впали в одинаковую кому, ничего оригинального, никакого «высокого» юмора, а всё равно почему-то весело.

– Уф, тебе всё-таки придётся одеться. – Я раскрыл сундук в дальнем углу комнаты. – Здесь пять или шесть женских платьев, размеров не знаю, выбирай.

– Боишься, что меня застанет в таком виде ваш дядя Эдик? Ох, это тоже будет забавно.

– Боюсь, что в таком виде нас застанет моя дочь. И тогда забавно уже не будет.

– Ты скучен, но ты прав, – со вздохом согласилась дампир, перебирая содержимое сундука. – Пожалуй, вот это, синее. И шерстяные чулки, и пояс, и ещё вот эту накидку, а обувь есть?

– Пока надевай вон те мои сапоги, потом подберём.

– Твои мне велики.

– Ну прости, у меня тут не магазин «Дольче Габбана».

Увы, в моих сапогах сорок третьего размера стройная ножка Даны тридцать седьмого просто утонула.

– Ладно, походи пока в моих тапках, в конце концов, я всегда могу отправить того же Десигуаля за твоей обувью в квартиру.

– За туфлями?!

Ну не знаю, мне моё предложение казалось очень разумным. Я даже ещё успел переодеться в чистую, пусть и неглаженую, одежду, а уже через пару минут в двери скрёбся, жалобно поскуливая, кудрявый бог со справкой из психушки.

– Ставр, пусти-и! Ну хоть одним глазком, а?! Она уже оделась?

– Да, – удовлетворённо вздохнул я. – Но ты заходи.

– Весь замок гудит, Метью и Седрик напропалую хвастают, что видели твою дампир без одежды, – врываясь в комнату, яростно зашептал он мне на ухо, едва не роняя слюну. – Скажи, она правда надевала его плащ прямо на голое тело?

– Правда. А что случилось-то?

– Отдай его мне! Я готов его купить! Я хочу вдохнуть её запах и...

– А ну дыхни.

– Я трезв, – вспыхнул он и тут же начал: – Вру, я пьян. Но очень умеренно. То есть моя милая племянница, которая твоя драгоценная дочь, собственноручно заперла подвал и спрятала ключи. Все женщины в замке заняты делами, никто не купается в ручье, врагов нет, выпить нечего, как жить?!

– По-моему, вы, мальчики, сами с этим разберётесь, а я, пожалуй, пройду до конюшни. Мне надо там кое с кем поговорить, расставить точки над «і».

Чернокудрая дампир оставила нас двоих, быстро выскользнув за дверь. Я ещё подумал, что через весь двор в одних тапочках всё-таки холодно идти, но Эд отвлёк меня, бросившись к лежащему на кровати плащу седого крестоносца.

– Он мой!

Я преспокойно махнул рукой – забирай, не жалко, потом сам будешь с Седриком разбираться, что тут чьё.

– Какие новости?

– Мм... ещё пахнет её духами-и...

– Я тебе сейчас по мозгам дам! Эд, я спрашиваю, что произошло в замке и окрестностях, пока меня не было?!

– А-а, так, ерунда, – в свою очередь отмахнулся он. – Рассвет алый, будет ветер, Грани потемнели, словно снизу из-под земли прёт какая-то чернота. Закат вчера вообще был багрово-красным, плохая примета, над лесом кружат вороны, их слишком много. Волки воют не переставая, словно чувствуют добычу. Дозорные видели дым над горизонтом и даже слышали отдалённый зов боевых труб. Я бы даже сказал, что наступает новый рагнарёк, причём полный.

– Замок Кость неприступен.

– Да, – не стал спорить бывший бог. – Поэтому никто особо и не волнуется. Сюда ведёт одна дорога, но всё занесло снегом, так что, кто бы к нам ни шёл, им и до стен не добраться. А на стены надо ещё как-то умудриться влезть.

– Пошли посмотрим. – Я решительно встал, снимая с крючка на стене свой плащ.

Эд воровато скатал шерстяной плащ Седрика, сунув его себе за пазуху и мгновенно став похожим на беременную цаплю с кудряшками. Мы прошли полутёмными коридорами, выбравшись на крепостную стену вблизи гостевой башни.

Что могу сказать?

Солнца не было видно, серое марево затянуло всё небо. Где-то вдалеке

скапливались тучи и блестели молнии. Ледяные вершины Граней были всё так же прозрачны, но начиная снизу и почти до середины они явно потемнели, словно гниющий под десной зуб. Со стороны леса дул пронизывающий ветер, порывистый и злой, без снега.

Честно говоря, Эд не так уж и ошибся, мне тоже на мгновение показалось, что я попал в прошлое, вот-вот прямо сейчас протрубят страж богов Хеймдалль, потом раздастся гром, пойдёт кровавый дождь, разверзнется земля – и самые могущественные силы двух миропорядков сойдутся в последнем, страшном поединке.

– Усилить стражу. Приготовить метательные машины, побольше огня на стены, они будут атаковать сегодня же.

– Он, – поправил меня Эд. Я обернулся к нему и кивнул. – Но ты не остановишь драккар из ногтей мертвецов. Второй раз его не сожжёшь. Да и в первый, выходит, не очень получилось. Мертвеца трудно убить дважды.

– Если бы речь шла только о мертвецах, – пробормотал я, указывая пальцем вдаль. – Ты был прав, это дымы от костров. А костры жгут люди. Значит, Локи сумел как-то объединить всех столичных баронов в единое войско.

– Это несложно – ложь, запугивание, обман, все так делают.

– Что ж, как я и говорил, поднимай всех! У меня тоже есть пара козырей в рукаве.

Бывший бог широкими шагами направился по стене от гостевой башни к дозорной. Я же спустился по винтовой лестнице во внутренний двор, мне было нужно найти Хельгу. И кстати, нашёл я её довольно быстро...

Моя нежная дочь как раз выходила из конюшни, держа на руках бездыханное тело прекрасной дампыр. Длинные чёрные волосы Даны мели снег.

– Па, это не я!

– А кто?

– Ну фактически это было самоубийство...

– Сугроб мне в лоб. – Я похлопал по щекам нашу гостью, она слабо застонала. – Дышит! Уф...

– Уфф... – послушно повторила за мной Хельга. – Значит, пока просто неудачная попытка самоубийства. В общем, заходим мы с Ребеккой в конюшню, а там эта... коварная выдра, по выражению Ребекки... обнимается с твоим Центурионом. Я даже слова сказать не успела, а она как даст ей прямо по башке!

– Кто?

– Ребекка, конечно! Она вообще нервная сегодня. А потом ещё Центуриону в бок с двух задних – на тебе, на тебе, непарнокопытный изменщик! И ещё кричит, главное дело: «Хельга, милая, держи его за уздцы, я таки устрою этому поцу настоящее обрезание под корень, без ботвы!» Ну, я подняла твою Дану и на выход, а они там пусть сами разбираются. Я умничка?

– О да-а, – простонал я, хватаясь за голову. – Слушай, у меня для тебя будет очень важное задание. Во-первых, отнеси дампир к нам домой. Десик тебе не понадобится, в спальню вернули гобелен. Во-вторых, у нас после обеда будет большая война.

– Круто! Я участвую! Можно, можно, можно?!

– Нужно. – Я поспешил остановить её прыжки. – Позвони Капитану и... Впрочем, нет, никому не звони! На нас идёт бог Локи с войском мертвецов на корабле из человеческих ногтей. Ты сама видела, какая это сволочь.

– Гореть ему в аду, дьявольскому отродью!

– Согласен. Но дело в том, что у нас мало людей и придётся кое-чем пожертвовать. Ты ведь слышала о молоте Тора?

Она уверенно кивнула. В детстве она колола им орехи.

– В общем, как ты знаешь, я прятал его от дяди Эдика, но сейчас мощь бывшего бога могла бы нас спасти. Короче, он лежит на антресолях, в коробке из-под обуви. Выглядит как обычный молоток из набора для детского творчества. Принесёшь его сюда.

– Папуль, я тебя обожаю! – Она потянулась и чмокнула меня в щёку. – А мама придёт посмотреть на битву?

– Стопроцентно! Она же Смерть и нипочём не пропустит такого зрелища.

Когда Хельга ушла, я на секундочку задумался о том, какой же я ужасный отец.

В том мире меня бы давным-давно лишили родительских прав. Я разрешаю дочери идти на войну, она радуется этому, ей и в голову не приходит, что убивать плохо, что погибнут люди, что все политические вопросы надо решать путём дипломатии, переговоров и поиска взаимного компромисса.

Я честно пытался воспитывать её, как обычного ребёнка, но эта девочка куда более дочь Смерти со всеми вытекающими отсюда последствиями. И мне не переучить её, не сделать скромной серой мышкой, проводящей целые дни в библиотеке, вдыхая аромат старых фолиантов и умиляясь, найдя в потрёпанном томике Бодлера чей-то

засохший цветок.

Нет, она рождена для диких земель Приграничья, её будоражит суровый Север, она не боится терять и находить, она не умеет отступать, но умеет впадать в ярость берсерка, она держит слово и не предаёт друзей, быть может, поэтому за право её Выбора борется столько разных сил.

– Лорд Белхорст, как я рада, что вы наконец избавились от этой развратной девицы, – каркающим смехом раздалось из окна гостевой башни. – Говорят, грядёт битва, не желаете ли согреться моими поцелуями, а то мало ли, вдруг внезапная стрела оборвёт вашу героическую...

Я мгновенно слепил снежок и, не целясь, запустил в окно. Попал! Старую ведьму снесло вглубь комнаты, судя по грохоту и всплеску грязной ругани, она опрокинула ночной горшок.

– Отвели душу, сир? – благостно спросил Седрик, как всегда появляясь очень вовремя.

– Побольше огня на стенах, – не оборачиваясь, бросил я. – Лучникам стрелять горящими стрелами. Арбалетчикам держать под рукой набор болтов с посеребрёнными наконечниками. Разведчики уже вернулись?

– А разве вы посылали их?

– Седрик, я прекрасно знаю, что ты наверняка отправил кого-нибудь из парней поглядеть на эти дымы поближе.

Он самодовольно хмыкнул.

Да, ребята вернулись, их доклад вряд ли мог нас обрадовать, но, по крайней мере, внёс полную определённость. Они своими глазами видели большой корабль под чёрным парусом, на борту которого сотни инеистых великанов, а на вёслах сидят мертвецы.

Следом за ним идёт объединённое войско баронов из Хмельтауна, но их люди запуганы и недовольны. Судя по скорости передвижения, они будут у наших стен примерно после полудня. Но станут ли атаковать или подождут темноты – неизвестно.

– Что ж, в большинстве выводов я был прав.

– Кто бы сомневался, сир?

– Локи нападёт сегодня же, он больше не может ждать. Маски сброшены.

– Мы ведь победим, верно? – равнодушным голосом спросил Седрик. – Я могу сказать об это ребятам на стенах?

– Скорее всего, мы умрём, – так же ровно ответил я. – Если, конечно, не произойдёт какого-нибудь чуда. А чудеса слишком изменчивая величина, чтобы на них можно было всерьёз полагаться. Мы умеем сражаться с драконами, с мертвяками, с готами, колдунами и вампирами, но до этого

дня мы не сражались с древним богом.

– Разве он не всего лишь жалкий обманщик?

– Локи дрался один на один с самим Хеймдаллем, великим стражем радужного моста, и победил его! Хотя, по мифам, они погибли вместе, но...

Старый крестоносец явно хотел отпустить что-то язвительное, потом передумал, пожал плечами и двинулся к воротам, на ходу раздавая приказы. Похоже, что бы я тут ни говорил, лично он был абсолютно не намерен умирать. И его не переубедишь.

В последнее время люди как-то притерпелись и притёрлись к богам. Мало кто впадает в священный трепет при именах, ранее вызывавших гром небесный и дрожь земли под ногами. Христианская вера изменила мир, не мне судить, к лучшему ли, но это неопровержимый факт. Как неопровержимо и то, что именем Христа мы нипочём не сможем остановить войско Локи. Да что мы, этого не удавалось ни одному святому!

Но и принять мученический венец вы вообще никого не уговорите. Как я объяснял дочери, выражение «молиться или рубиться?» в наших краях не работает, потому что люди выхватывают меч быстрее, а если и молятся, то не о спасении души, а о победе!

– Только бы Эд справился со своим молотом, – вслух пробормотал я, вглядываясь в даль. У него долго не было практики, а Мьёльнир – оружие опасное...

Чёрная точка на горизонте приобрела очертания правильного квадрата. Драккар из ногтей мертвецов уверенно плыл под парусом по снегу в нашу сторону. Баронское войско идёт следом, времени остаётся не так много.

– Мой лорд, – на стену шагнул Метью и решительно встал рядом со мной, – позвольте мне говорить.

– Валяй.

– Возможно, миледи Хельга сочла меня холодным и бесчувственным, но вы как мужчина поймёте...

– Как мужчина пойму, как отец убью на месте!

– Я лишь сказал, что буду просить у вас её руки, только когда верну себе королевство, – почти выкрикнул он. – Я люблю вашу дочь больше жизни! Но я не могу позволить себе, чтобы рядом с Хельгой из рода Белого Волка стоял мальчишка, сбежавший от трудностей.

– Когда-то я хотел, чтобы у меня был сын, – не глядя на Метью, выдохнул я. – Это естественное желание каждого отца. А родилась девочка, хотя в тот момент мы с её матерью даже не задумывались о детях. И знаешь, что самое сложное, когда твой сын или дочь взрослеют? Не мешать. Позволить им самим сделать шаг, пусть даже упадёт, расшибёт

голову. Можешь потом подать руку, помочь подняться, но потом...

Мы помолчали.

– А теперь Хельга выросла, и её выбор мужчины будет только её выбором.

– Что я могу сделать для вас, мой лорд?

– Найди доспехи, подбери меч по руке. В бою держись между Эдом и Седриком. Но главное, постарайся выжить.

Он молча поклонился мне и бегом бросился в оружейную. Зачем я всё это ему говорил? Ерунда сопливая, словно сам себе завещание составляю, тоже мне бурый феодал.

Чёрный парус приближался медленно и неотвратно...

Замок Кость готовился в очередной раз стать поперёк горла любому, кто оскалит на нас зубы. На самом-то деле мы заметно попривыкли к тому, что зимой единственная наша проблема – это холод. Урожай давно снят, скот загнан в деревни, перевалы засыпаны снегом, Грани открываются со скрипом, мороз удерживает их с обеих сторон.

Сейчас в нашу сторону ведёт лишь одна дорога, и максимум четверо всадников могут ехать по ней в ряд. Справа и слева довольно крутые овраги, камни, валуны и рытвины. В летнее время с проходом нет проблем, в конце весны или в начале осени тоже, но стоит выпасть большому снегу – всё, абзац всему!

Лошади там ногу сломят, а пешие воины в определённых местах вообще проваливались по грудь, значит, как ни верти, всё равно только одна дорога. Относительно узкая, чтобы нападать широким фронтом, так что основной удар придётся на ворота. Они надёжные, сделаны из брусьев морёного дуба и окованы железом, лобовым ударом не вышибешь, даже если Локи умудрится врезаться в нас грудью своего драккара.

С другой стороны, я отдавал себе отчёт, что неприступных крепостей не бывает, а древний бог не только сохранил свою силу, но и приумножил ярость.

– Всё готово, смертный. – Ко мне не спеша подошёл Эд, полностью облачённый для битвы. – Долго нам ещё ждать, пока они подтянутся?

– Сам скажи. – Я кивком головы указал на чёрный парус. – Ты у нас специалист по драккарам.

– Ну, прикинув размер корпуса, примерно по два десятка вёсел с каждой стороны плюс ширина паруса... – чуть поморщился он, приложив ладонь козырьком к бровям. – Думаю, часа через два можем стрелять. Побегу седлать Ребекку!

Эд ошибся примерно на час. Поднялся ветер, парус надулся пузырьком,

и жутковатое судно существенно ускорило ход. Корабль плыл к нам по снегу, словно по пенному морю, его вёсла поднимались и опускались в едином ритме, взрывая могучие сугробы.

Я лишний раз мысленно поздравил себя, что хоть на время отослал Хельгу домой, приближающийся драккар, сделанный из ногтей мертвецов, был ужасен. Просто какое-то невероятно редкое, не виданное мной доселе сочетание уродства и мерзости.

Во-первых, да, он реально был огромен! Если эта махина борт о борт подойдёт к нашим стенам, то нападающие могут спокойно перебегать к нам по сходням. Во-вторых, он был могучим и крепким, состоящим из миллиардов чёрных или тускло-серых чешуек, что делало его похожим на гигантского змея Йормунганда, сына Локи, убитого тем же Тором.

Мачта, вёсла, корпус, руль на корме, драконья голова на носу судна – всё было сделано из ногтей мертвецов, зачастую с остатками плоти и кожи, поэтому над ним кружились вороны, чьи перья выпадали от поедания гниющей мертвечины.

Парус был соткан из чёрных знамён, в нём зияли прорехи от стрел и копий. Снасти сплетались из женских волос неловкими руками мертвецов. Оживлённые древней магией, трупы в ржавых доспехах и ошмётках зеленоватого мяса двигали вёслами.

Могучие инеистые великаны, вечные противники асов, не знающие жалости и пощады, стояли в центре, стуча мечами в щиты. А на скользкой палубе, у носового украшения, держась рукой за канаты из женских волос, стоял невысокий молодой человек в матовых тёмных доспехах и высоком шлеме с крыльями летучей мыши. Я протёр глаза, потому что это был...

– Метью?!

– Да, мой лорд, – раздалось с лестницы, и тощий паж встал рядом, задыхаясь от бега.

– Так, а-а... – Я перевёл взгляд с него на второго Метью и снова на него. – Отвечай быстро, не раздумывая, код нашего подъезда?

– Четыре, пять, девять.

– Какая маршрутка ходит на «Большие Исады»?

– Седьмой номер.

– Кто стоит вон там, на носу драккара?

– Это же... – Парнишка напрягся, хватаясь за рукоять кинжала. – Лорд Белхорст, это он! Тот самый двойник, что избивал меня и мучил в королевском дворце. Я сражусь с ним!

– Штаны на лямках подтяни и сразишься, – сухо обрезал я. – Давай-ка мне тут без лишней экспрессии и фанатизма. Держись Седрика.

– И меня! – фальцетом раздалось с той же лестницы.

К нашему вящему ужасу, на стену шагнула леди Мелисса. Старушка был облачена в дорогушие доспехи, шлем с забралом, а в руке держала настоящий боевой меч.

– Я знаю, кто наш истинный король, и грудью встану на его защиту! Грудью, ты понял намёк, красавчик? Грудью-у-у...

– Спасите меня, – пролепетал Метью, отпрыгивая за мою спину.

Но спас его всё равно не я, а глухие рыдания с одного из зубцов крепостной стены.

Шагах в двадцати от нас сидела нахохлившаяся Арьян. Вот только стукнутой баньши с ободренным хвостом нам тут ещё не хватало для полноты трагедии.

– Замок Кость падёт. Новый хозяин вступит на эту землю и разрушит его до основания. Снег станет красным от крови, а небо чёрным от копоти и дыма... Все умрут!

– Пошла прочь, старая карга! – громко выкрикнула леди Мелисса.

– Можно подумать, ты карга молодая, – показала ей язык язвительная баньши, которую жизнь, похоже, ничему не учит. – Я плачу о всех погибших, о рухнувших башнях, об изрубленных людях, о зарезанных лошадях, о сгоревшей плоти и отрубленных головах героев, насаженных на пики. Сегодня умрут все! Но клянусь, ты умрёшь первой, жалкая, никому не нужная старуха-а...

– Она сказала «шлюха»? – не поверив своим ушам, обернулась к нам леди Мелисса.

– Нет, нет, нет, что вы, – в один голос опровергли мы с Метью. – Она всего лишь сказала «жалкая старуха», а не...

– Шлюха, вот, значит, как. – Никого не слушая и наливаясь яростным багрянцем, наша щуплая бабулька перехватила меч двумя руками и бросилась мстить.

Честно говоря, её резвость и пыл в столь преклонные годы были поразительны. Леди Мелисса в пять секунд преодолела расстояние до баньши и обрушилась на женщину-птицу, словно бешеный смерч шестидесяти обозлённых бабушек-пенсионерок у конторы ЖКХ. Она орала, плевалась, ругалась и опасно махала мечом во все стороны.

– Перья повыщипываю, глаза повыцарапываю, под себя гадить заставлю, ноги оторву, убью кроваво, стерва летучая-а!

Арьян сначала впала в некий ступор от неожиданности, хотя могла бы уже поумнеть и облетать нас стороной, но, когда леди Мелисса случайно отрубила ей ухо, взвыла дурным голосом, взмахнула крыльями и в

следующее мгновение уже тащила со стены упирающуюся старушку. Мы замерли...

– Плачь, замок Кость, ибо предрешена твоя судьба! – хрипло расхохоталась полубезумная баньши, взмывая в воздух. В её лапах брыкалась отчаянно визжащая леди Мелисса.

– Не надо, пожалуйста, – успел прошептать я, но эта тварь разомкнула когти.

С коротким воплем седая защитница короля рухнула вниз.

– Вот и первая кровь! Запомни, Белый Волк, сегодня прольётся много крови-и... их... акх... – В горле баньши торчала чёрная стрела.

Бывший бог со справкой опустил лук и подошёл к нам с Метью:

– Я не успел, прости, Ставр.

Мне нечего было ему ответить. Баньши, сложив крылья, мешком рухнула вниз, в белый снег за своей недавней жертвой.

– Это была прекрасная смерть, – неожиданно сказал Метью, вытирая случайные слёзы. – Если когда-нибудь у меня родится дочь, я назову её Мелиссой.

Мы с Эдом положили руки ему на плечи. Пусть так и будет. Смерть часто говорит о человеке куда больше, чем его жизнь.

– А я... жива-а! – знакомым голосом донеслось откуда-то снизу.

Какого северного мха?!

– Я передумал, – тут же сообщил наш побледневший паж, а мрачный корабль из ногтей вдруг резко остановился в сотне шагов от наших стен.

– К бою! – прокричал я, хотя все и так были готовы.

Драккар Локи стоял непоколебимой машиной, могучий и страшный. За его кормой нестройными рядами теснились люди. По знамёнам мы опознали четыре баронских клана, все из столицы. И должен признать, родственников леди Мелиссы здесь не было. Старушка всё ещё оставалась в авторитете, её семья не пошла в поход за самозванцем.

Меж тем двойник на корабле упреждающе поднял руку. Седрик, поймав мой взгляд, дал сигнал лучникам натянуть тетиву.

– Лорд Белхорст по кличке Белый Волк, призываю тебя открыть ворота перед твоим королём!

Я встал на стену, выпрямившись во весь рост:

– Мой король здесь, рядом со мной.

– Твой единственный король – это я! – ещё громче крикнул самозванец. – И если хоть кто-нибудь дерзает оспаривать моё право престола, то пусть выйдет и сразится со мной один на один!

– Я выйду, мой лорд, – преисполнившись храбрости, прошептал

Метью.

– Куда намылился, суслик?! – огрызнулся я. – Он размажет тебя по снегу, как вишнёвый джем на завтрак. Это же Локи.

– Ну и где у нас ты, юный король Метью? Выходи, покажи нам свою нежную мордашку! Или люди замка Кость будут драться за труса?!

Инеистые громко захохотали, но многие из баронского войска с надеждой вытянули шеи.

– Он прав, – подёргал меня за рукав Эд. – Твоему пажу придётся драться.

– Не стрелять! – вынужденно приказал я, беспомощно оглядываясь по сторонам. – Эй, ты, самозванец! Я сам приму поединок за него!

– За короля-труса? Ох, лорд Белхорст, вы же большой сильный мужчина, а я такой, как он. Мальчик сразится с мальчиком, что может быть честнее?

На нас смотрели все: и наши и не наши. Тонкая игра Локи была безупречной, если Метью не выйдет, он трус и не достоин носить короны, а если выйдет и будет убит в бою, та же корона с честью переходит на голову победителя. И всё-таки, всё-таки...

– Принимаем бой на стенах, – глухо проворчал я. – Никуда не лезть, на провокации не поддаваться, стрелять только по моей команде. Приготовиться и...

До меня почему-то не сразу дошло, что Метью рядом уже нет. Я разговаривал с пустым местом, а мой ретивый паж тем временем уже стоял внизу, получая последние наставления от старого крестоносца.

– Папуль, что я пропустила?

Упс, мне кирдык...

Через внутренний двор шли Хельга и Дана, в руках у обеих по четыре литровых баллона из белого пластика. Ещё два честно волок на своём горбу маленький белый цверг. Вот теперь вся наша банда в сборе, можем начинать?

– Какого северного мха, лапка? Я же просил тебя отвести нашу гостью к врачу.

– Да брось, Ставр, я в порядке. – На лбу чернокудрой дампыр сверкал свежий пластырь. – Твоя дочь помогла мне с зимней обувью, а ещё рассказала про корабль из ногтей. Мы успели подготовиться.

– Ух ты, какой кораблик. Мы не мало химикалий взяли?

– О, прекрасная миледи Хельга, – сразу же оживился парень на борту драккара. – Я ваш король, но я же ваш нижайший подданный, навеки покорённый сиянием ваших глаз и стройностью стана! Моё сердце в пыли

у ваших ног!

– Па, кто это? Опять Локи?

– Он самый, – кивнул я.

– Моя будущая королева, прошу простить, что на минуту отвлекусь от лицезрения вашей неземной красоты, мне нужно поставить на место одного зарвавшегося мальчишку. Но для меня честь и восторг биться за право припасть с поцелуем к вашей нежной руке...

– Он будет драться с Метью? – мгновенно побледнела моя девочка, но тут же взяла себя в руки. – Ну что ж, пусть. Посмотрим, а то... а если... но он же его не убьёт?

Я молчал.

– Па?!

– Что?

– Ты не ответил. Он может его убить? Метью-у, стой, дурак!

Поздно, наш новоиспечённый рыцарь в сияющих латах уже вышел за ворота. Хельга охнула и села прямо на холодные камни у крепостных зубцов, закрыв лицо руками.

Дампир деловито расставляла у наших ног пластиковые баллоны. Я хотел спросить, что это, но бывший бог толкнул меня в бок: смотри, начинается...

Локи прыгнул с высоченного борта драккара, и на небольшой утоптанной площадке в снегу встали друг против друга два одинаковых паренька.

Наш Метью стоял в кольчуге, кирасе и лёгком шлеме без забрала, обеими руками он сжимал тяжёлое копьё. Их «Метью» был в чёрных доспехах, в левой руке – круглый щит, а в правой – широкий нормандский меч, которым он описывал сияющие круги над головой.

Как бы хорошо старый Седрик ни гонял избранника моей дочери на тренировках с оружием, всё равно мой паж никак не мог противостоять вековой практике и боевым искусствам древнего бога. Этот поединок походил на издёвку.

– Иди же сюда, цыплёночек, – ворковал Локи, легко уходя от старательных выпадов Метью. Тот старался изо всех сил, но... – В своё время я убил прекрасного Бальдра заострённой веточкой омелы, вложив её в руку слепого Хёда. Я всадил нож в сердце молодого слуги на пиру асов просто потому, что мне так захотелось, и никто не сумел остановить меня. А тебя я обещаю насадить на твоё же копьё, жарить на огне и подать на ужин к столу миледи Хельги. Ты ведь нравишься ей? Вот она и узнает, каков ты на вкус, юный король...

Танцуя вокруг него, бог лжи уже раз шесть или семь сумел достать до Метью мечом, вспарывая его кольчугу и намеренно нанося моему пажу короткие скользящие раны. Снег под ногами действительно окрасился красным.

Инеистые великаны хохотали во всё горло, мертвецы стучали в щиты, наши на стенах молчали. Мой паж упал на одно колено, он едва держался.

– Мне наскучило. Пожалуй, пора кончать с этой игрой, – объявил чёрный двойник, отбрасывая в сторону щит.

От ворот вдруг раздался резкий свист.

Метью, словно ждавший только этого сигнала, выпрямился, замахнулся и неуверенной рукой швырнул копье в противника. Наверное, от такого слабого броска увернулась бы и сонная курица, но...

– Не-э-эт!!! – Локи взвыл от боли, отброшенный на несколько шагов тяжёлым ударом в грудь.

С него мгновенно спали его же волшебные чары, и теперь все мы видели худого длинноволосого мужчину с прекрасно-порочным лицом. Он был в ярости!

– Этого не может быть, ты не...

– Я король. – Мой бывший паж с трудом стоял на ногах, но голос его был твёрд.

Всё, что происходило потом, трудно описать внятно, детально и неторопливо.

Во-первых, до меня наконец дошло, о чём шептались Седрик и Метью во дворе. Старый крестоносец наверняка дал ему копье великого Одина из нашей кладовой. Если его бросить, оно всегда находит цель, но никогда не убивает богов и истинных наследников королевского трона. Метью получил шанс доказать свои права на престол мятежным баронам и сумел им воспользоваться.

Во-вторых, Дана что-то крикнула Эду, и тот, не задумываясь, со всей дури, широко размахнувшись, швырнул первый баллон в корабль из ногтей. Кидать и попадать в любую мишень наш псих со справкой умел как никто. Десяти секунд не прошло, а непонятный баллон с полуотвинченной крышкой уже заливал палубу драккара и вопящих мертвецов какой-то едкой химией. Начался сумасшедший хаос...

– Ты что, не смотрел сериал «Во все тяжкие»? – искренне удивилась дампир, глядя в мои округлившиеся глаза. – Это же классика, милый! Фосфорная кислота отлично растворяет любые кости, но мы купили обычный «Крот». Это даже лучше.

Не дожидаясь моего приказа, со стен ударили лучники. Горящие

стрелы едва ли не насквозь прошили чёрный парус. Я опустился на колени и потряс свою дочь за плечи.

– Где Метью? – не раскрывая глаз, спросила Хельга.

– Девочка моя, всё в порядке, он жив.

– Жив?! Угу. Вот, значит, как. Ок, я сама его убью...

– Чуть позже. Лучше скажи, ты принесла молот?

– А-а, это? – Она до колена задрала подол, достала из-за голенища сапожка детский молоточек и протянула мне. – Типа оружие богов, да?

– Эд? Хватит кидаться, иди сюда.

Бывший бог, обернувшись, не поверил своему счастью.

– Мьельнир!!!

Он выхватил его у меня из рук, хохоча, как безумец, поднял игрушку над головой, и в один момент та превратилась в украшенный рунами тяжёлый стальной молот с серебряной рукоятью. Гроыхнул гром, над холодными Гранями зазмеились молнии...

– Посидите здесь, – неизвестно кому сказал я, потому что оставаться за стенами явно никто не собирался, и быстрыми шагами бросился по лестнице вниз.

Драккар разваливался на куски, магия современной химии оказалась не по зубам древним мифам. Однако большая часть живых мертвецов и почти все инеистые успешно десантировались в снег. Они не могли напасть на нас широким фронтом, мешая друг другу, проваливаясь в овраги, ломая кости о валуны, но тем не менее напирая и напирая...

Осёдланный Центурион ждал меня у ворот, рядом под руководством Седрика уже стояло десять тяжеловооружённых мечников.

– Прикажете открывать, сир?

– Глупый вопрос, – рявкнул я. – Вперёд!

Заскрипели засовы, и наш маленький отряд успел врезаться в ряды агрессивных мертвецов до того, как они окружили гордо стоящего Метью.

– Подбери копье, мальчишка, и дерись как мужчина!

– Я был готов умереть за миледи Хельгу...

– Она сказала мне, что сама тебя убьёт, и только попробуй лишить её такого удовольствия!

Мой чёрный конь встал на дыбы, могучим ударом передних копыт сбивая первого же инеистого великана. Но за одним строем шли другие, их было слишком много.

– Стена из щитов! – приказал я, и это дало нам возможность выстоять ещё минуту.

А из распахнутых ворот уже летел в бой вдохновлённый дядя Эдик,

хохоча как сумасшедший. Хотя почему как? Он грозно потрясал своим молотом. Андалузская кобыла ворвалась в ряды мертвецов и отважно ляглась во все стороны. Это было зрелищно...

Поднявшийся на ноги Локи, срывая горло, орал на войско баронов. Люди замерли, они боялись его, но тем не менее было ясно – никто не посмеет поднять оружие против нас. По крайней мере, пока для всех не будет очевидным, кто побеждает.

Поэтому нам даже дали немножечко повоевать, хотя, конечно, прорвать строй противника мы не смогли и были вынуждены дисциплинированно отступить к воротам.

– Ставр, это не мой молоток! – обиженно наехал на меня развернувшийся бог. – Он не действует! Не разит врагов сотнями и не возвращается в руку после броска! Я вообще едва не потерял его! Так нечестно!

– Позволь развеять твои сомнения, братец, – язвительно откликнулся Локи, прячась за спинами великанов. – Ты ведь уже и не бог, верно? Силы потеряны, а Мьёльнир покоряется лишь божественной руке. Дай мне, я покажу.

Эд сдвинул брови и убрал бесполезный молоток за спину.

– Дядя Эдик, можно мне попробовать? – За нашими спинами прозвенел голосок Хельги.

– Она дочь богини, – тихо шепнул я ему. – Пусть попробует.

Когда моя девочка храбро вышла вперёд и приняла из рук своего дядюшки молот, чудесное оружие словно засветилось от удовольствия. В помрачневших небесах сверкнули клинки молний, прогремели раскаты грома, и войско великанов невольно дрогнуло.

– Как им пользоваться?

– Ударь о землю, – нервно посоветовал Эд. – По идее ни один враг не должен устоять на ногах.

Хельга так и сделала. Молот ушёл в снег на полметра, но... больше ничего не произошло. Великаны явно расслабились.

– Ох и ах, моя золотоволосая внучка даже не полубогиня, – притворно сокрушаясь, всплеснул руками Локи. – Ну что ж, тогда, наверное, детские игры закончены? Убейте их!

– Бесполезная железяка! – Хельга выхватила молот из снега и резко вмазала им промеж ног первому же инеистому, кто сунулся вперёд. – Но очень удобная, кстати...

Великан перевернулся в воздухе, отлетев прямо на развалины драккара из ногтей.

– Гореть вам в аду, дьявольские отродья!

На нас кинулись с двух сторон великаны и мертвецы, так что перевес в грубой силе был не в нашу пользу. Но в объединённом войске людей неожиданно началось брожение, а потом бароны молча развернули коней. Нет, они не встали за нас, но и ни разу не выстрелили в нашу сторону. Они просто ушли, им пофиг, будь что будет.

Бог лжи, размахивая длинным мечом, кричал, что непременно вернётся за ними, и люди ускорили шаг, фактически обращаясь в повальное бегство. Что ж, увы, это наше Приграничье, вассальная преданность липовому сюзерену здесь не всегда в чести.

– Держать строй! – кричал я, когда Седрик с мечниками отступал под напором орды живых мертвецов.

Великаны давили нас с флангов, пытаясь отрезать от ворот. С высоких стен, из бойниц метко стреляли лучники, но если серебряный наконечник стрелы, попадая в глазницу или в грудь мертвеца, укладывал его навеки, то на инеистых это действовало не больше комариного укуса. Локи знал, кого вести на приступ замка.

И хоть мы все здесь были наикрутейшие бойцы Севера, лучшие воины всех времён и народов, наши ряды таяли, а их нет. Возможно, это был зрительный обман, иллюзия, но, как яростно мы ни сражались, великаны всё напирали, а мёртвые викинги, даже падая под ударами клинков, вгрызались в наши сапоги, ломая последние зубы.

Мы с Эдом рубились в центре, от наших усталых лошадей валил пар, с седла легче дотянуться мечом или секирой до груди инеистого. Метью на левом фланге стоял в одном ряду рядом с Седриком, там были относительно небольшие потери.

На левом бились Дана и Хельга, девочки пока справлялись, наши мечники прикрывали их, тем не менее войско Локи продолжало уверенно вдавливать нас в наши же ворота. Рано или поздно придётся отступить внутрь, и тогда они ломанутся за нами, а бой внутри замка мы не выдержим. Нам просто не хватит людей.

Какое-то время я надеялся на очередное внезапное появление Капитана с пулемётчиками, но чуда не происходило. По крайней мере, до тех пор, пока не раздался медный рёв боевого рога и великаны, ворча, не отступили. Мы могли хотя бы выдохнуть...

Локи танцующей походкой вышел вперёд, легко увернувшись от трёх или четырёх стрел, и примиряюще поднял руки. На его лице играла искренняя улыбка.

– Лорд Белхорст, я в восхищении от вашего личного мужества и отваги

ваших воинов. Честно. Но мы оба знаем исход этой битвы. Вы все умрёте, а я стану хозяином замка Кость. Возможно, даже приму вашу личину, вы ведь популярны в этих краях. Не желаете ли обсудить некоторые детали возможного компромисса?

Я бросил топор в снег и спрыгнул с седла. Правильнее было бы сказать «сполз», но это не так эффектно. Бог лжи с улыбкой снял пояс с мечом, так же положив его у своих ног.

Другого оружия у него вроде бы видно не было, но я оставил свой охотничий нож на поясе, мало ли что как повернётся...

Инеистые отступили ещё на десять шагов назад, за их спинами окончательно рушился гигантский корабль из человеческих ногтей, превращаясь в зловонную глину.

Центурион мягко толкнулся храпом мне в плечо:

– Не ходи, он обманет тебя.

– Я знаю. Просто хочу дать нашим хотя бы несколько минут передышки. Все едва стоят на ногах.

– Тогда подойди поближе и просто сунь ему нож под рёбра. Бей первым.

Я тяжело вздохнул, обнял его за шею и похлопал по холке. Прямо какое-то прощание вещего Олега с боевым конём. Кстати, почему бы и нет, стихи хорошие:

Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время...

– Па, я с тобой! – опомнилась Хельга.

– И я с тобой! – вылез следом перемазанный чужой кровью Эд, так что мне пришлось поднять руку, повысив голос:

– Это просто переговоры. Всем отступить назад на десять шагов, держать строй. Если нам суждено оставить замок, я увезу всех наших в другой мир. Если же нет...

– Переговоры, – хлопнул в ладоши Локи, привычно перетягивая на себя всеобщее внимание. – Лорд Белхорст, клянётесь ли вы, что не причините мне вреда и не ударите в спину?

– Клянусь именем своей дочери, – глухо ответил я.

– Неплохо. Что ж, тогда я тоже клянусь именем вашей Хель... – Он на мгновение закашлялся. – Что... кхм... не причиню вам вреда. Наоборот! Поверьте, у меня есть отличное разрешение всех наших вопросов.

Мы встали друг против друга на вытоптанной в снегу площадке, грязной от пятен крови.

– Моё предложение более чем великодушное, – громко продолжил бог лжи. – Я отвожу своих великанов, даю вам время до вечера, чтобы вы не торопясь могли собрать всё необходимое и покинуть замок. Кость будет моим, я так решил! Наёмники и прислуга, желающие остаться, получают тройное жалованье вперёд, все знают мою щедрость. Люди и кони, решившие уйти с вами, уйдут. В ваш мир или в любую окрестную деревню, мне всё равно, их не будут преследовать.

– Что ж, уйти с поднятыми знамёнами и оружием, – на миг задумался я, вновь расчёсывая кисть руки. – Звучит весьма соблазнительно. Но я не верю в благородство сильного. Сила не нуждается в чести. Что вы хотите получить от нас взамен?

– Угадайте, – гнусно ухмыльнулся он.

– Мою дочь вы не получите никогда!

– О, я и думать не смел о том, чтобы хоть к чему-то принудить такую красавицу, – вроде бы искренне ужаснулся Локи, замахав руками. – Нет, нет, что вы, уж я бы нашёл другой способ завоевать её доверие. Всё проще, отдайте мне предателя, и вы свободны.

Я удивлённо обернулся назад. Кого это он имеет в виду?

– Одного маленького мерзкого белого щенка, который столько раз плевал против ветра, на полном ходу меняя хозяев, что сумел вызвать нездоровое раздражение даже у меня. А ведь я сам бог обмана.

– Вы о Десигуале?

– Да. – Голос Локи резко стал серьёзным. – Отдайте мне карлика и замок, после чего можете проваливать куда угодно! Все слышали? Один паршивый цверг за спасение всех ваших жизней!

Повисла тишина. Он сумел поставить нас перед выбором, которого не было.

Я не мог лишиться свою дочь домашнего любимца, пусть гарантированно предателя и негодяя, и точно так же не мог ради одного цверга рисковать головами всех верных мне людей. Даже вскинувшая было руку Хельга прекрасно понимала это.

Под общее гробовое молчание послышался хруст маленьких шажков по снегу. Десигуаль вышел откуда-то с левого фланга, в руках у него был большой кухонный нож, перемазанный чёрной кровью инеистых великанов. Он им и до колена не достал бы, но рассечь сухожилия на щиколотке мог на раз. А значит, тоже дрался на нашей стороне.

– Мой господин и моя добрая госпожа, простите меня. Я крыса.

Я служил ему. И вам. И опять ему, и снова вам, и ему, но вам мне нравилось больше. Вы кормили и выгуливали, а он только бил.

– Все слышали? Цверг признался, он мой! Люди замка Кость, я не прошу у вас невозможного, вы уйдёте с честью, но не оспаривайте моё право на то, что по всем законам принадлежит мне.

Моя дочь рванулась было вперёд, но дампир удержала её. Никто не посмел бы сказать, что требования древнего бога были несправедливы, и нам не впервые приходилось принимать сложные решения. Хотя уж тут-то чего сложного?

– Лорд Белхорст, – маленький цверг поднял на меня глаза, – не делайте того, что задумали.

– С чего бы это?

– С того, что я гадил вам за холодильник, мочился в ванну и вообще я – гад! И всё сделаю сам.

Он вдруг воткнул нож рукоятью в снег, зажмурился и кинулся грудью на остриё.

Я едва успел выбить клинок носком сапога. Десигуаль отпечатал в снегу свою изумлённую физию. Детский сад какой-то...

– Не позорь меня, – сквозь зубы прошипел я. – Хельга, забери своего домашнего питомца и держи на коротком поводке! Путается тут под ногами, как не знаю кто...

Десигуаль, не веря своим ушам, выплюнул пригоршню снега и вприпрыжку дёрнул на ручки к моей дочери. Та прижала его к груди, поливая слезами, было ясно – второй раз отобрать «обезьянку» у неё не удастся никому. Даже мне.

– Значит, мы не договорились, – разочарованно вздохнул Локи.

– Да, увы.

– Но ведь я был честен с вами, верно?

– Не поспоришь.

– Я не обманывал вас.

– Нет, – согласился я, разворачиваясь к своим.

– Да, – с наслаждением пропел он, выхватывая мой же охотничий нож.

Удар был мгновенным, знаменитая самсоновская сталь прошила кольчугу, словно бумагу. Я даже не успел почувствовать боли. Просто удивился свежим каплям крови на снегу, откуда вдруг это?

– Боярин! – закричал кто-то.

Я обернулся, позади уже никого не было, Локи сбежал, только инеистые великаны, стоя стеной, злорадно скалили зубы.

– Боярин, что же ты делаешь? – Мой Капитан, расталкивая наших,

протиснулся меж Седриком и Метью, успев подхватить меня, когда колени вдруг стали ломкими.

В холодные небеса взлетел дикий визг Хельги.

– Что ж ты наделал, Ставр Годинович? Кому ты поверил, а?! Ох, горе горькое, не голоси, юница, отцу твоему уж не поможешь...

Я собрал последние силы и жёстко сомкнул стальные челюсти на шее Капитана.

Мои отросшие клыки легко смяли гортань, и наступила тьма.

Теперь всё.

Всё...

P.S.

– Муж мой... – Нежный голос Хель вернул меня из небытия.

Я не ощущал своего тела и ничего не видел, но прекрасно слышал её голос. Не знаю, мог ли я что-то сказать ей в ответ, да и важно ли это? А если вдруг и важно, то кому? Наверняка не мне...

– Муж мой, ты сделал то, что был должен. Я не держу тебя и не отниму прощальный подарок моего брата. А ты, отец мой, останешься здесь.

– Как ты смеешь, девчонка?! Я бог, я неподвластен твоей воле!

– Ты поклялся моим именем, что не причинишь ему вреда.

– Я клялся именем Хельги! Его дочери, поняла? – кричал кто-то, и этот голос был мне отдалённо знаком. – Не твоим! Ты просто не расслышала!

– Смерть нельзя обмануть. Ты сказал «клянусь именем вашей Хель...».

– Да, но... я имел в виду...

– Я и есть его Хель. Законная жена своего мужа.

– Он набросился на меня, как волк! Это нечестно, это несправедливо-о! Ставр? Ставр, ты же обещал мне, ты хороший, ты благородный, ты дал слово, заступись за меня-а!

Я не мог говорить, но почему-то подумал, что да, я обещал. Наверное, надо как-то сказать об этом. Но как?

– Он слышит тебя, отец мой, – холодно продолжила Хель. – И только ради него я не трону тебя, а лишь верну на ложе, указанное тебе великим Одином. Гарм, проводи его.

– Не-э-эт!!!

От этого дикого вопля, в котором не осталось ровно ничего человеческого, темнота зазвенела, начала рассыпаться на крупные и мелкие осколки.

Я вдруг почувствовал холод. Потом горький аромат земли и

заснеженного леса. По глазам ударил резкий ослепительный свет, я невольно зажмурился, ворча и пряча нос в белую шерсть на груди. Мир вокруг словно бы стал другим, как другим стало и моё тело.

Я волк. Странное ощущение, мне придётся ко многому привыкнуть. Фактически научиться жить заново, а это будет непросто. Хотя какого северного мха?! Я втянул морозный воздух ноздрями, гордо выпрямился и поднял уши.

Недалеко, в какой-то сотне шагов от меня, на камнях у русалочьего озера сидел человек. Я почувствовал знакомый запах и трусцой побежал к нему. Старик улыбнулся, глядя на меня из-под капюшона одним глазом, второй был закрыт чёрной повязкой.

– Забавная история, Ставр, – сказал Капитан, глядя меня по холке. – Честно говоря, даже не думал, что норны сплели для тебя столь замысловатый узор. Волк! Последний дар Фенрира, полагаю?

Я беззаботно махнул пушистым хвостом. Согласитесь, всё равно хорошо, если жизнь продолжается, пусть даже в зверином теле.

– Что же теперь?

«В стаю мне идти нельзя, – подумал я, – не хочу драться за власть с Серым Братом. Возможно, к замку Кость, ближе к людям. Хотя кому я там нужен такой...»

– Беги к ней. Хельга ждёт тебя, она всё поймёт.

Я неуверенно опустил мохнатую голову.

– Верь мне. Ты же не думаешь, что всё кончилось? Всё ещё только начинается, Белый Волк...